

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПО СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Анатолий Бицуев
Адам Гутов
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

3. 2013 МАЙ–ИЮНЬ

В монографии проанализировано многотомное художественное издание современного адыгского (черкесского) писателя Асланбека Псигусова «Жизнеописания тридцати хеттских царей». Автор рассматривает историко-географическую обусловленность романов, выходя, тем самым, к художественному воспроизведению бытия в текстах писателя. Автор монографии обозначает древнего адыга (черкеса) в качестве действующего субъекта древнего социума, оказавшегося ключевым объектом романистики А. Х. Псигусова. Данная установка помогает исследователю рассмотреть в широком контексте творческие искания современного писателя.

Книга издана в Германии в этом году.

Книга вызывает множество чувств и мыслей. Меня же не покидает осознание того мира, который хочет обустроить народ нашей республики – уважение, понимание между людьми, благородство и еще облагораживание среды обитания. В самом деле, наши народы всегда стремились так обустроить свою жизнь, чтобы вокруг было все прекрасно – жилище, домашняя утварь, одежда и даже сельскохозяйственный инвентарь наряду с функциональностью должны были радовать своим видом. В этом стремлении к красоте и гармонии балкарцы и кабардинцы опираются на свой многовековой опыт хозяйствования, существования в определенном ландшафте, приспособливаясь к нему и одновременно используя все его преимущества.

Наши народы – братья не по происхождению, а по совместной многовековой жизни, когда первоначальное непонимание культуры другого преодолевалось общественными институтами – побратимством, аталычеством, куначеством, межнациональными браками, что приводило, в конечном счете, к изучению языка друг друга, к осмыслению культуры ближайшего соседа. Сейчас можно сказать, что у нас единый этноментальный облик, иначе и быть не могло, ибо многие поколения наших предков жили под одним небом, дышали одним воздухом, пили одну воду. Делили радость и горе, помогали выживать в сложные исторические периоды.

Я говорю «в добрый путь!» книге, наполненной добротой и красотой, ибо нет в этом мире ничего прекрасней человеческой дружбы.

*Тамара Биттирова, заслуженный деятель
науки КБР, доктор филологических наук*

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ТРАУРНОМ МИТИНГЕ ПРЕЗИДЕНТА МЧА СОХРОКОВА Х. Х.

Дорогие друзья! Уважаемые гости! В очередной раз на этом святом месте мы чтим память тех, кто в результате Кавказской войны потерял если не жизнь, то – родину. Историческая драма, продолжавшаяся 101 год, трагическим образом изменила судьбу многострадального адыгского (черкесского) народа. 21 мая 1864 года завершилась кровопролитная война, унесшая миллионы невинных жизней и ставшая началом формирования многочисленной черкесской диаспоры.

За последние девять десятилетий народы бывшего Советского государства пережили Гражданскую и Отечественную войны, разруху, период восстановления народного хозяйства, развал Советского Союза. Трезвый взгляд на судьбу адыгского и других северокавказских народов подтверждает мудрость единственно правильного пути, выбранного нашими предками почти полтысячелетия назад, – дальнейшее созидание и развитие только вместе с великой Россией.

Поиск причин трагедии, собравшей нас сегодня, и здравое рассуждение на эту тему преследуют одну цель: дать правдивую оценку трагическим событиям XVIII-XIX вв. Мы изучаем Кавказскую войну не для того, чтобы предъявить какие-то претензии ныне живущим, а чтобы почтить память тех, кто сложил головы, защищая родную землю. Только объективная оценка русско-черкесской войны 150-летней давности даст право открыто смотреть в глаза друг другу и не оставлять проблему будущим поколениям нашего народа.

И сегодня в мире разрушение существующего строя в отдельных государствах, преследование их лидеров, наталкивает на мысль о необходимости сплочения здоровых сил мирового сообщества. Примеры Ирака, Ливии, Сербии, Боснии, кровоточащие раны Сирии выдвигают необходимость вместе противостоять злу. Сегодняшний мир интегрирован, он имеет единое информационное пространство. Происходящие события становятся достоянием всех и каждого через считанные минуты. Но, к сожалению, и это не останавливает разжигателей войны.

Особенно трепетно мы следим за событиями в Сирии, выражая свое искреннее возмущение по поводу гибели невинных людей, в том числе и наших соплеменников, волею судьбы оказавшихся на чужбине. Мы должны сделать все для того, чтобы остановить эту войну, противостоять агрессивной политике государств, которые заинтересованы в ее продолжении. Мы видим, какие усилия в этом направлении прилагает наше Российское правительство и лично Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин.

Вместе с тем, еще и еще раз мы просим и Российское государство, и всех тех, кто задействован в решении проблемы наших соотечественников в Сирии, помочь нам в том, чтобы многочисленные представители черкесской диаспоры, попавшие в зону конфликта, были выведены как можно быстрее и оказались в безопасности на своей исторической родине. Конечно, есть законы государства, которым нужно подчиняться, все должно решаться цивилизованным образом. Мы понимаем и уровень сложности этих вопросов. Тем не менее, политическая воля и человеческий разум должны найти способы для прекращения кровопролития и урегулирования конфликта.

Меры, предпринимаемые в эти дни руководителями республик Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, общественными организациями и частными лицами, – показывают, что при совместных усилиях нам многое под силу. Конечно, не все в наших руках. Но наши совместные усилия и солидарность в противостоянии проблеме, оказание помощи пострадавшим, уже принесли конкретные плоды. Пользуясь случаем, от лица жителей республики хочу поблагодарить уважаемого Главу нашей Республики Арсена Башировича Каноква за предпринимаемые усилия, за личный вклад, в том числе и материальный, – в приеме и обустройстве наших соплеменников. Десятки домов в сельской местности уже приобретены для репатриантов.

Хочу также поблагодарить руководителей Кабардино-Балкарского госуниверситета, которые более 45-ти лет проводят большую работу по приему и обучению детей наших соотечественников из Сирии, Иордании, Турции, Сербии, Израиля. Только в прошлом году КБГУ принял около 200 молодых сирийских черкесов на учебу.

Позвольте несколько слов на родном языке:

Сирием щекIуэжI зауэм кыхэкIыу къэIэпхъуэжа ди къуэшхэмрэ ди шыпхъухэмрэ захуэзгъэзэну сыхуейт. ФыкыздэкIуэжар фи адэжь фи, Хэкущ, фи щIыналгъэщ. Тхъэм псэукIафIэ фищI. Тхъэр арэзы къахухъу дэIэпыкъуэгъу хуэныкъуэхэм IуэхукIи сомкIи, псалгъэ гуапэрэ гущIэгъу къудейкIи защIэзыгъэкъуахэм.

Нашим братьям и сестрам дорога любая помощь, как материальная, так и моральная. Мы обращаемся к старейшинам родов, чьи представи-

тели вернулись на родину. Только домашняя теплота поможет снять ужасы двойного переселения, которое испытывают сегодня адыги, прибывшие из ада братоубийственной войны в Сирийской Арабской республике.

Хотел бы обратиться и к нашей молодежи, которая во все времена

отличается обостренным чувством справедливости. Благодаря Интернет-ресурсам, увеличилась скорость реагирования на происходящие события. Отрадно, что наши юноши и девушки вовлечены в эти позитивные процессы. Многие из них вернулись в лоно адыгских обычаев, традиций, душой болеют за родной

язык, стараются соблюдать хабзэ, нэмыс. Вам принадлежит будущее. Но к каждому позитивному шагу надо относиться вдумчиво, серьезно, следуя мудрой заповеди «Не навреди!» Наши предки говорили: «ФЫМ кЫМЫШАР Йейм кЫШЭРКЫМ». Вы должны ясно понимать, что только законными, цивилизованными способами можно решить проблемы нашего много-страдального народа.

Сегодня мы с удовольствием наблюдали шествие молодежи по улицам Нальчика. И хочется верить, что те, ради кого мы собрались, сейчас незримо присутствуют здесь с нами. Мы должны ясно осознавать, что только уважительное отношение ко всем народам России принесет положительные плоды. Большая ответственность в связи с этим ложится на плечи старших.

Позвольте сказать несколько слов о наших братьях и сестрах, проживающих за рубежом. Как это ни грустно, мы понимаем, что не все могут вернуться на родную землю. Миллионы зарубежных черкесов сегодня трудятся на благо тех стран, в которых они живут. Лучшие из них являются образцами адыгской воспитанности. Мы им говорим искренне: «Тхьэр арэзы кыфхуху». Пусть в этих государствах к вам относятся как к любимым сыновьям и детям, чтобы на подобных примерах узнавали о лучших качествах нашего народа. Мы же, кавказские адыги, будем прилагать усилия к тому, чтобы быть надежным звеном стабильности на Северном Кавказе, опорой нашей страны в поддержании мира, укреплении дружбы народов и Российской государственности.

Сегодня день траура и скорби. Такой же день отмечают и наши балкарские братья и другие соседние народы. Но у них есть и дни возрождения. К сожалению, у нас пока нет такого праздника. Три дня назад в Майкопе, на заседании Исполкома МЧА принято решение об утверждении Международного дня черкесов (адыгов). Мы хотим вселить в сердца нашей молодежи, помимо горечи, силу духа далеких предков, умевших дорожить жизнью и родиной. Испытывая гордость за свои истоки, каждый адыг-черкес со всеми народами мира впредь будет иметь возможность праздновать свое бытие на этой Земле.

Желаю вам, дорогие друзья – мирного неба, и пусть реализуются наши добрые помыслы!

Добрый день, Хасан Миседович!

Очень рада знакомству с вами.

С огромным интересом познакомилась с Вашим журналом. Вы мастерски владеете словом, а оно, как известно, обладает великой силой. В том числе, оно может послужить духовному, культурному сближению наших народов. Ведь все мы: и белорусы, и кабардинцы, и люди других наций и народностей живем одним и тем же – любим, страдаем, созидаем...

Пусть и мой робкий голос прозвучит на Кавказе. Пусть знают кавказцы, что они всегда найдут поддержку у миролюбивых и очень дружественных белорусов.

Разрешите также поздравить всех вас с соцветием майских праздников. Среди которых, как было раньше и такой замечательный, как 5-го мая – День печати. Творчество объединяет не только профессионалов, оно привлекает внимание к ним читателей и почитателей. В Беларуси мы этот праздник очень любим, всегда широко отмечаем. Высокого полета мысли и ее удачного приземления на бумажный носитель желаем и Вам!

Праздник 9-го мая стал грандиозным событием во всей Беларуси. У белорусов память к событиям Великой Отечественной войны священна. Узнав больше об истории вашей республики, я поняла, как много нас связывает в историческом прошлом. Огорчает, что сейчас живем на отдалении не только географическом. Потому и появились еще материалы. Буду благодарна за возможность их публикации.

Елена СТЕЛЬМАХ,

*главный редактор газеты «Узвышша», г. Дзержинск,
заслуженный журналист Белорусского Союза журналистов,
член Союза писателей Беларуси*

ИДИ В ДОРОГУ – ВСТРЕТИШЬ ДРУГА

Пять минут назад меня представили: «Это Лена. Она – из Беларуси». Вижу: моих собеседников весьма впечатлила эта новость. Они, конечно, знали обо мне заочно. Но чтобы встретиться вот так запросто в центре Кисловодска – для всех нас это стало сюрпризом. Ищем местечко, где бы поужинать за дружеской беседой.

...Искусная художница-осень легкой кистью набросала желто-красных тонов на еще пышущую зелень Кавказа. Солнце, очень много солнца. В расхожем мнении о том, что Кисловодск – кавказская столица солнца, убеждаюсь на протяжении всего своего отпуска.

Если не заглядывать в календарь, трудно поверить, что уже

*Символы, по которым Беларусь
узнают во всем мире*

оторвавшимся от ветки листиком, вдохнуть хрустальную чистоту вечернего воздуха. Быть свидетелем того, как день уходит на покой за горные вершины, которые в лучах заходящего солнца приобретают еще большую задумчивую величавость.

Милая улыбка официантки, как оказалось, моей тезки Лены, напрочь «приземляет» нас на открытой террасе. Будем пробовать кавказские блюда. Делаем заказ для кухни и отдаемся во власть разговора, который одинаково интересен каждому.

Судьба моих собеседников тесным образом связана с Беларусью.

Во многом это произошло потому, что для человека военного в советское время местом службы мог стать любой уголок СССР. О таких воспоминаниях теперь принято говорить преимущественно с ностальгией. Мы убеждаемся, что за этим стоит нечто более важное, с глубинным смыслом, нежели банальное возвращение к прошлому. Где бы ни оказывался в те времена новичок, он не чувствовал себя ущемленным, к представителю любой национальной принадлежности относились без предубеждений. А возможно, еще и с большим почетом и уважением. И это в многонациональном СССР! У народов были гораздо шире возможности для общения, познания национальных традиций и культур, объединения помыслов, проявления человеколюбия. Эти ценности всегда останутся непревзойденными!

Мое первое осмысленное знакомство с Кавказом случи-

середина октября. Для меня это особенно удивительно, ведь на моей Родине уже зарядили мелкие холодные дожди – предвестники долгой и нудной зимы. Время неумолимо движется к самой глухой поре года – ноябрю. По народной традиции белорусы прозвали ее «Пилиповкой». Но как бы это ни наводило на грусть, есть у глубокой осени свое таинственное очарование...

Хочется посидеть где-то на улице, чтобы полюбоваться игрой шаловливого ветерка с

*Родные уголки близки
сердцу каждого белоруса*

*Овеянные легендами
башни Мирского
замка влекут своей
таинственностью*

Да, Беларусь бескрайна. Так и есть.

Поскольку ныне славятся повсюду

Ее отвага, мастерство и честь.

Ее грузовики гудят в Сибири,

Ее поэтов любит Дагестан.

Года идут, но не померкло в мире

Наследье белорусских партизан.

Эти строчки я выучила на одном дыхании в конце 70-х, но и сегодня читаю их с огромным волнением:

О, мой учитель, эти факты взвесьте

И двойку ликвидируйте мою.

... У крепостной стены в бессмертном Бресте

Я с непокрытой головой стою.

Тогда нашей школе нужно было представлять концерт на районной сцене. Когда спросили, что могу исполнить я, предложила: «Письмо учителю». Услышав название, организаторы возразили, что в данной ситуации надо что-то патриотическое, и я... начала читать. В общем, меня тут же включили в сценарий, а выступление зал сопровождал овациями.

Сегодня думаю о том, что нет уже такой страны – СССР, о которой говорится в стихотворении. Ушел из жизни и поэт. А написанное остается и уже в новом столетии звучит еще более содержательно и актуально.

На Кавказе везде, когда узнают, что я из Беларуси, сразу же выражают неподдельный интерес: «Правда, что у вас очень чисто и красиво? Как там Батька?» Оценивают: Беларусь – самая крепкая страна на постсоветском пространстве. Гостеприимство белорусов сродни

кавказскому. Все это очень приятно слышать.

И за нашим столом беседа плавно течет в белорусском русле. А в звуках речушки, журчащей неподалеку от террасы, где сидим, я улавливаю кавказские мотивы.

Мои собеседники полны впечатлений о том, как недавно впервые за десять лет побывали в дорогой их сердцу Беларуси, с которой связана молодость, период становления их как личностей, уверенный подъем по должностным ступенькам. Обсуждают зримые перемены, которые говорят только в пользу современного развития Беларуси. Меня подкупает их желание ехать на мою Родину вновь.

Рассказываю о том, что за очевидным благоустройством стоят и серьезные экономические преобразования в Беларуси. Все понимают, как было непросто из «сборочного цеха» бывшего Советского Союза, каким на то время была Белорусская ССР – одна из союзных республик, создать самостоятельное государство. Называю среди наших главных достижений поднятый на новый уровень аграрный сектор, выпуск импортозамещающей продукции, развитие предпринимательства, социальную ориентированность государственной политики. Отмечаю, что в стадии решения находится жилищная проблема. Подчеркиваю, что в этом году приоритет отдан модернизации промышленных производств, как залога выпуска инновационной продукции для реализации на международных рынках. Приглашаю на предстоящий в 2014-м году чемпионат мира по хоккею, который пройдет в Минске.

Кабардинцы подтверждают, что забыть о Беларуси невозможно и по тому, как насыщен кавказский рынок нашими товарами. Мебель, одежда, обувь, косметика, мясная продукция известных белорусских брендов, которые у нас пользуются большой популярностью, представлены во многих торговых точках Северного Кавказа и уже завоевали авторитет среди местных покупателей.

Мои собеседники в шутку начинают сомневаться, в самом ли деле я белоруска – ведь у меня с ними созвучие мыслей и жизненных ориентиров, и во внешности нет особых отличий. Задача для меня оказывается трудной. Возможные доказательства – санаторную карту, паспорт, билет – я не прихватила. И в то же время нахожу легко разрешимый выход: начинаю говорить на белорусском языке. Моя «матчына мова», как ты вырачаешь меня!

По-настоящему оценить сущность языка можно, лишь оказавшись среди носителей другого языка – в очередной раз убеждаюсь в истинности этого утверждения. Внимательно вслушиваюсь в кабардинскую речь – и ничего не понимаю. С соседями-славянами общаться проще. В разговоре с украинцами, поляками ухватиться за знакомое словечко, а то и целую фразу, и смысл ясен. Но важным считаю другое: с каким желанием люди говорят на родном языке, как ценят родное слово. Это объединяет и укрепляет любую нацию.

Что основательно подкупает меня в Кабардино-Балкарии? Это

кондитерские шедевры. Белорусские любители сладостей, скажем так, избалованы конфетно-шоколадным раем. С советских времен добрую славу приобрели наши «Красная шапочка», «Мишка на поляне». Но то, как натурально, оригинально, эксклюзивно выполнена продукция, которой балуют сладкоежек кондитеры фабрики в Нальчике, теперь удается не каждому. Отличный знак я вижу в утверждении, что тот, кто имеет пристрастие к сладкому, по своей натуре добрый человек.

От чего у меня захватывает дух? От кавказских скоростей, которые не сбавляют своей стремительности даже в горных лабиринтах. Удивляет, как неожиданно на дороге может появиться домашнее животное. Белорусские трассы так же насыщены транспортом. И пусть дисциплинированность наших водителей желает быть лучшей, но все же ездят они с меньшим азартом. А вот неожиданные «дефиле» животных, правда, диких, – и на наших дорогах не редкость. Это свидетельство в пользу охотничьего туризма, который является слагаемой частью большой Национальной программы по приглашению в Беларусь гостей, желающих лицезреть ее красоты и содержательно провести свой отдых.

Беловежская пуца с самым старым лесом в Европе, древние замки Несвижа и Мира, где в архитектуре отразились столетия исторического прошлого, голубые глаза озер Витебского края – это все моя Беларусь. Ее надо увидеть, прочувствовать, чтобы полюбить раз и навсегда. Как притягательно манит к себе Кавказ: устремленными к небесам, застывшими в молчаливой гордости горными вершинами, игривыми водопадами, поющими гимн вечности жизни.

Делюсь со своими кабардинскими друзьями слишком фантастическим пожеланием: пусть двуглавый Эльбрус, высшая точка Европы, увидит свое отражение в самом глубоком озере Беларуси, которая находится в центре Европы. Как суждено такому сбыться – на это мы все улыбаемся. А вот в том, что людям, если устремиться навстречу друг другу, можно обязательно встретиться, мы единодушны.

У ПАМЯТИ НЕТ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Почему в годы войны мы были близки, а в мирное время отделились друг от друга?..

– О чем ты пишешь? – спрашивает моя восьмилетняя дочь, с любопытством заглядывая в мой компьютер.

Неожиданно застигнутая вопросом, подбираю нужные слова, чтобы объяснить девчужке, что такое война. Ловлю себя на мысли: она из первого поколения в моей семье, для которого это слово действительно стало далеким. На долю прадедов достались революции. Деда вынесли испытания Великой Отечественной войной. Родители – дети войны. Мама родилась перед Новым годом сорок второго. Свидетельство о рождении получила только в 1945 году. Детей регистрировать было

некому, да и зачем – выживали сильнейшие.

Я родилась через двадцать лет после войны. Ее отголоски помню даже потому, как насобирав в лесу ягод, возвращались с мамой домой. Мама, видя курсирующие вдалеке самолеты, съезжилась: «Только бы не война». Для поколения моих ровесников роковым словом стало «Афганистан».

Может быть, и есть великая и горькая правда в том, чтобы настоящему узнать цену мира, надо пережить войну. Разрушительные последствия и массовую гибель людей во время Второй мировой войны современники называют самой глобальной катастрофой человечества. Мир не знал подобной жестокости, чтобы настолько цинично мужчины убивали беззащитных стариков, детей, женщин.

Как бы годы ни стирали следы фашистских злодеяний, им не подвластно покрыть забвением людскую память. Не менее чем каждый третий белорус стал жертвой военного лихолетья – щемящая болью память моей земли...

О войне надо говорить: везде, громко, вслух, чтобы знали, чтобы помнили – это не должно повториться!

Кавказ. После моей равнинной Беларуси здесь все другое: природа, ритм жизни, традиции. Как любого гостя, прежде всего меня знакомят с самыми святыми местами.

Останавливаемся в Нальчике у памятника Героям Советского Союза. Подобный силуэт с красной звездочкой и выбитыми фамилиями героев, мне до боли знаком с детства. Сколько их, могущественных монументов, устремившихся в небо обелисков, простых могил где-то на лесной опушке, разбросано на многострадальной земле моей Родины. Смерть косила нещадно человеческие жизни. У войны своя статистика: каждую минуту погибало 10 человек, 6 секунд уносили одну жизнь.

Молчаливо вчитываюсь в фамилии воинов, павших в боях за столицу Кабардино-Балкарии в 1942-1943 годах. Они увековечены на обелиске, установленном на братской могиле в городском парке. От ветра подрагивают языки пламени Вечного огня. Тишину нарушает рекем...

Убеждаюсь, что для кабардинцев, как и для белорусов, память о Великой Отечественной войне священна. Мне стыдно признаться в том, как мало знаю о войне...

О мужестве защитников Брестской крепости наслышаны в Кабардино-Балкарии. Ведь среди тех, кто первым вступил в неравный бой с врагом, были и кавказцы. Страшное слово «война» сделало черным рассвет 22 июня 1941 года для многих народов. Лишь через время эта новость гулким эхом отозвалась в кавказских горах. Но люди поняли, что там, на далекой белорусской границе, где расположен главный западный рубеж СССР, случилась и для них непоправимая беда.

...Враг стремительно двинулся вперед. Мой родной город Дзержинск немцы заняли уже 26 июня. Тридцать километров до Минска они

преодолели в один миг. Моя столица превращалась в руины...

Я знала из школьных учебников о том, что на борьбу с врагом вся страна объединилась в едином патриотическом порыве. Но более глубоко осмыслить масштаб трагедии Великой Отечественной войны, оценить силу духа советских людей смогла, проникнувшись величием подвига кабардино-балкарского народа.

Беларусь горела в огне, стонала от снарядов. Боль моей земли, как и русской (известно, насколько быстро Гитлер рассчитывал захватить Москву), более чем за две тысячи километров чувствовал, как свою, и народ далекой Кабардино-Балкарии. Не случайно республика превратилась в боевой лагерь, охваченный единой целью – помочь Красной армии в разгроме врага. Об этом рассказывают мои собеседники – ветераны Великой Отечественной войны. У братьев Сергея Федоровича и Якова Федоровича Марченко много схожего в биографии. Оба имеют почтенный возраст – за 90. Оба – полковники. Оба с первого дня были на войне. Летчик-истребитель Сергей Марченко защищал небо над Сталинградом, Яков Марченко участвовал в битве под Москвой. О своем боевом прошлом, о суровых испытаниях, выпавших на долю их Родины – Кабардино-Балкарии, и сегодня говорят с волнением.

Очень важным оказалось то, как быстро на военные рельсы перестроилась промышленность. Тырныаузский комбинат приступил к выпуску ручных гранат, мин, ранцевых огнеметов. Гидротурбинный завод освоил ремонт боевой техники и совместно с Одесским заводом им. Октябрьской революции наладил выпуск реактивных снарядов для гвардейских минометов «Катюша». Нальчикский мясокомбинат и завод «Чинар» переориентировались на изготовление бутылок с зажигательной смесью.

Есть ли еще в истории лозунг, который был бы более действенным чем: «Все для фронта! Все для Победы!». Сельские труженики Кабардино-Балкарии начали отправлять производимое ими, такое необходимое для Красной армии продовольствие и обмундирование. Добровольцы стали записываться в истребительные батальоны по борьбе с вражеским десантом. Ускоренными темпами готовились медицинские сестры и санитарные дружинницы, связисты, альпинисты. Во всех населенных пунктах создавались отряды народного ополчения. Серьезную поддержку фронту оказали созданные за народные деньги авиазвено истребителей «Комсомолец Кабардино-Балкарии», танковые колонны «Боевой дорожник», «Народный учитель», «Советский школьник», «Колхозник орденоносной Кабардино-Балкарии», «Смерть немецким захватчикам». За годы войны республика отправила фронтовикам тысячи полушубков, меховых жилетов, валенок, шапок-ушанок, бурок...

Все это согревало, не давало угаснуть надежде на победу там, где порой было невероятно трудно. Как, например, героически защищала Дон и Ростовскую область, была в огнive Сталинграда 115-я Кабардино-Балкарская национальная кавалерийская дивизия.

Я много слышала о том, как в Белоруссии в первые дни войны началась эвакуация людей в глубь страны. Кабардино-Балкария приняла

не только белорусов, но и эвакуированных из Москвы, Ленинграда, Украины, Молдавии, прибалтийских республик. Люди получали кров, работу, им помогали материально. Детей устраивали в семьи, в детские дома и школы.

Здравницы, преобразованные в эвакогоспитали, стали местом большой заботы о раненых фронтовиках. Значительную помощь раненым оказывали доноры. Никто не спрашивал, кто какой национальности, в чьи жилах течет какая кровь, – все были едины. Всё делалось во имя Жизни.

Уже только за эту помощь надо низко поклониться братским кабардинскому и балкарскому народам.

Однако летом 1942 года фашисты добрались и до Северного Кавказа. При захвате столицы Кабардино-Балкарии 70 вражеских бомбардировщиков обрушили на город смертоносный груз, в бой пошли около трехсот фашистских танков. Трое суток держался стойкий Нальчик. Разрушениям подверглись все лучшие здания, заводы, фабрики... После тяжелых боев части Красной армии были вынуждены отступить, – так в своих сводках сообщит Информбюро.

Какими же амбициозными планами надо было обладать гитлеровским захватчиком, чтобы ценой собственных огромных потерь творить бесчинства на огромных территориях. По отношению к кабардинцам, балкарцам и другим народам Кавказа они проводили политику не менее жесточайшего террора, репрессий, расстрелов, чем к белорусам.

Сколько же всего в нашей истории трагически общего! Наши народы пережили тяжелый оккупационный режим, зверства карателей, варварское издевательство над военнопленными, угон в рабство...

Стоит только вдуматься в цифры: загоды войны в Белоруссии гитлеровцы провели свыше 140 карательных операций, во время которых частично или полностью уничтожили 5454 деревни, из них 616 сожгли вместе с людьми. Я с ужасом узнаю о свирепствовании картелей из горнострелкового батальона «Бергманн» («Горец»). Оккупанты расстреливали местных жителей целыми семьями. Противотанковые рвы на подступах к Нальчику и Прохладному были заполнены трупами кабардинцев, балкарцев, русских, евреев, людьми других национальностей.

И сколько же в нашей истории героически общего! На Кавказе, как и в Беларуси, многие патриоты республики, рискуя жизнью, организовывали диверсии, поддерживали связь с партизанами и частями Красной Армии, скрывали у себя в домах раненых воинов, лечили их, выводили из окружения. Рабочие портили оборудование, сырье, материалы, чтобы не досталось врагу. Жители селений прятали хлеб, скот, уклонялись от уплаты оккупантам натуральных налогов. Население саботировало приказы немецкого командования. Многие предпочитали смерть работе на фашистов. Выполняя свой интернациональный долг, кабардинцы укрывали и спасали от расстрела евреев, в том числе и эвакуированных, хоронили павших в боях.

Для того чтобы не допустить врага в Закавказье, тысячи воинов из Белоруссии, Украины, других республик, сами кавказцы возводили Нальчикские оборонительные сооружения, грудью стояли на защите их,

обороняли перевалы, отвоевывали Кабардино-Балкарию, как родную землю.

11 января 1943 года части 37-й армии освободили республику от фашистских войск. Альпинисты поднялись на вершину Эльбруса и, сбросив оттуда фашистские штандарты, водрузили флаг СССР.

Путь Победы будет еще очень далеким и долгим. Больше, чем через год огненный шар войны прокатится в обратном направлении к фашистскому логову через испепеленную белорусскую землю. Однако люди всех национальностей будут свято убеждены в том, что перенесут самые невероятные испытания, но не оставят свою общую Родину в опасности.

В этом тоже есть свое историческое знамение: Нальчик – город воинской славы, Минск – город-герой. Вот она, всемирно известная Т-34-ка, танк-монумент, защитникам и освободителям г. Нальчик от немецко-фашистских захватчиков. Такой же символ Победы и в центре Минска – танк Т-34 воздвигнут в честь советских танкистов, первыми в июле 1944 года ворвавшихся в столицу.

Слезы не знают различия. Они горькие у любой матери, которая оплакивает погибшего сына. Они соленые у любого ребенка, который прячется от ужасов войны в воронке от снаряда.

И героизм, он не знает национальности. Есть либо мужество, либо трусость.

И радость у всех одинакова. Она, как Победа, для всех одна.

Если сегодня кто-то хочет взять в руки оружие, он просто не знает историю своего народа, историю народов, которые были вместе, рядом, плечом к плечу, потому и спасли весь мир от коричневой чумы. Он пренебрегает памятью миллионов тех, кто отдал жизни за свободу и его Родины. Нельзя осквернить кровавое полотно памяти, вытканное из человеческих страданий и мук.

Покидала эту очень гостеприимную республику с раздвоенным чувством: почему имея такое судьбоносное прошлое, нас сегодня разделяет не только географическое расстояние?..

Дочь слушает мой рассказ с широко открытыми глазами. Не знаю, как она, человек нового тысячелетия, понимает меня. Но ее очередной вопрос меня радует:

– А если бы тогда не победили, не было 9 мая, не было бы меня?

Уважаемая Елена!

Мы рады, что получили от Вас такое теплое письмо и очерки, в которых сказано много добрых слов о нашей республике.

Вы правы, упоминая о наших исторических связях, когда люди понимали друг друга и сердцем и душой, когда взаимное уважение основывалось на благодатной почве взаимопонимания. Что поделаться, изменения нашего времени расшатывают устоявшиеся уклады жизни многих народов. Но, несмотря на это, мы не забываем друг друга, мы не теряем уважения и любви. Мы живем в разных государствах, но это заставляет еще крепче дружить и чаще встречаться, чтобы не потеряться внутри тяжелейшей эпохи. Еще одно доказательство тому – Ваше послание. Трудолюбивый и многострадальный белорусский народ крепко стоит на ногах, плечом к плечу живя и работая с вашим президентом Александром Лукашенко, который ведет политику во благо своего народа. Мы это видим и радуемся каждому вашему успеху. И да умножатся эти успехи здоровым и нестигаемым духом белорусов!

Я также хотел бы подтвердить Ваши слова по поводу исторических связей наших народов некоторым анализом генетических сходств кабардинской (адыгской) речи и речи белорусской (славянской), который по нашей просьбе провел кабардинский историк и языковед *Ран Зан*.

Даже беглый взгляд на тему уже дает существенные положительные результаты. Корни слов в обоих языках показывают, что «первообразные» основы явно единого происхождения и относятся к протоязыку, существовавшему более 10 тысяч лет назад.

Надеюсь, что современные ученые-лингвисты в Белоруссии и Кабардино-Балкарии более основательно займутся данной темой и, при тесной совместной дружеской, творческой деятельности, несомненно, получат удивительные результаты по этногенезу родственных языков.

Ниже приводим ряд примеров, составленных на основе белорусских и кабардинских слов:

Белорусские слова	Кабардинские слова	Значение
<i>Хто?</i>	<i>Хэт а-(р)?</i>	<i>Кто?</i>
<i>Што?</i>	<i>Сыт а-(р)?</i>	<i>Что?*</i>
<i>Вузкий</i>	<i>Луызэ</i>	<i>Узкий</i>
<i>Бугорок</i>	<i>Бгы</i>	<i>Бугор, гора</i>
<i>Пах</i>	<i>Пэхь</i>	<i>Пахнуть</i>
<i>Балеснасць</i>	<i>Бэлузын</i>	<i>Болезнь</i>

<i>Бальніца</i>	<i>БэлунэцІэ</i>	<i>Больница</i>
<i>Вырыць</i>	<i>Вэн</i>	<i>Варить</i>
<i>Бура</i>	<i>Борэн</i>	<i>Буря</i>
<i>Лапа</i>	<i>Лъапэ</i>	<i>Ступня (лапа)</i>
<i>Лапата</i>	<i>ЛъэпэтІэ</i>	<i>Лопата</i>
<i>Сала</i>	<i>Щэл</i>	<i>Жирное мясо (Сало)</i>
<i>Вада</i>	<i>Уэтэ</i>	<i>Вода</i>
<i>Одзін</i>	<i>А Зынэ</i>	<i>Эта одна лунка (Один)</i>
<i>Перад</i>	<i>Пэрыт</i>	<i>Перед (Впереди)</i>
<i>Імя</i>	<i>И Мы ей</i>	<i>Ему принадлежащий (Имя)</i>
<i>Сонца</i>	<i>Салынці</i>	<i>Обожженный, обжигающий (Солнце)</i>
<i>Шыя</i>	<i>Шия</i>	<i>Вытянутый (шея)</i>
<i>Рот</i>	<i>Іурыт</i>	<i>Рот</i>
<i>Вус</i>	<i>Іуыс</i>	<i>Сидящий у ... (Усы)</i>
<i>Вусны</i>	<i>Іуысатэ</i>	<i>Проглатывать через рот (Уста)</i>
<i>Жах</i>	<i>Жьыхь</i>	<i>Трепетный, носимый ветром (Страх)</i>
<i>Белы</i>	<i>Блэ-(н)</i>	<i>Светить (Белый) Блеск</i>
<i>Бог</i>	<i>Багъуэ</i>	<i>Множиться, умножаться, богатеть (Бог)</i>
<i>Сеяць</i>	<i>Сэ-(н)</i>	<i>Сеять</i>
<i>Сесці</i>	<i>Щыс</i>	<i>Сидеть</i>

Михаил ПОЗДНЯКОВ

Михаил Павлович Поздняков – признанный поэт-лирик, проникновенно, взволнованно воспевающий родную Беларусь, рассказывающий о ее славных тружениках, ее славном историческом прошлом и настоящем.

БЕЛАРУСИ

Солнцем всклень наливается день
Работающей моей Беларуси.
Где бы ни был, всегда и везде
Твоим именем светлым горжусь я.
О тебе, о деяньях твоих
Отзвук добрый идет по планете.
Беларусь, ты в лучах золотых,
Над тобой нимб величия светит.
Я молюсь за тебя, Беларусь,
Я – в строю, моя хата – не с краю,
Нарастает забот твоих груз –
И я тоже плечо подставляю.
Ты – мне Богом дарованный дом,
Мой исток, колыбель моей жизни,
И об этом, как самом святом,
Говорю тебе тихо, Отчизна.

МОЙ НАРОД

Бросьте вы укорять мой усердный народ!
Его жребий суровый бесчестить – позорно,
Ведь народ мой прошел сквозь бураны невзгод,
Терпеливый и гордый, в борьбе непокорный.
За тепло его рук поклонитесь ему,
За великое, доброе, щедрое сердце...
Почему вы шумите, никак не пойму,
Критиканы, свой пыл смехотворный умерьте!
Мой народ утверждал свою славу в веках,
Отвергая насилие, измены, искусства...
Жизни груз терпеливо на крепких плечах
По ухабам столетий несли белорусы.
В их исконной природе – любить, созидать.
Только жалкий предатель кому-то в угоду
Может с пеной у рта, отщепенцу под стать,
Злостно так клеветать на деянья народа!

*Гурам АМКУАБ (МКВАБИА),
зав. кафедрой журналистики АГУ,
кандидат исторических наук, доцент*

Общемировоззренческие конструкты коммуникации и алгоритмы современных СМИ

В чем специфика современной мировоззренческой ситуации? Многие исследователи считают, что уходит не просто очередная эпоха в культуре, как сменялись эпохи ренессанса, барокко, классицизма, романтизма, реализма, модернизма. Налицо переход к принципиально новой парадигме мышления, имя которой – многомерность. Переход этот предполагает революцию в категориальном каркасе научного знания, поиск иных логико-методологических оснований исследования.

Журналистика в этой ситуации вступает в новую фазу своего развития, которая предполагает радикальную трансформацию мировоззренческих смыслов и доминирующих установок.

Вопреки современным взглядам англо-американской политической науки, которая игнорирует нормативно-ценностные подходы как метафизические и признает в качестве научных лишь аналитические конструкты, которые можно подвергнуть эмпирической верификации, мы позволим себе оставаться в духе традиций отечественного обществознания. Наша задача – выявить общемировоззренческие конструкты, работающие в различных сферах научного и философского познания и представляющих безусловный интерес для журналистики.

Учитывая то, что основные тематические направления в содержании современных СМИ представляют собой скорее поле проблем, чем их решений (социальная, политическая, экономическая проблематика, проблемы культуры и т. д.), СМИ все чаще отводится роль посредника между разными позициями и мнениями.

Однако сложность ситуации состоит в том, что вопрос организации такой коммуникации отнюдь не является лишь делом мастерства журналистов. Разработка и выбор оптимальных коммуникационных стратегий современных СМИ – теоретическая проблема, которая все еще ожидает решения.

Итак, посмотрим, что же происходит в многоликом массиве современного философского знания.

Мир, в котором истина одна, а заблуждений много, здесь прекратил свое существование. Для современной западной культуры, как отмечает немецкий философ и социолог Ю. Хабермас, характерна утрата общественного доверия к глобальным социальным концепциям (марксизм, структурализм и др.). Вызывают неприятие любые попытки разработать и внедрить в общественное сознание универсальные объяснительные схемы логофундаменталистского типа, связанные с восприятием человека и человеческого. Со сверхуниверсалистскими притязаниями различных философских школ и направлений, нацеленными на построение такой картины мира, где все многообразие

процессов отражается в некоторой совокупности всеохватных законов и принципов, связывается господствующая в прошлом и, к сожалению, в настоящем конфронтационная логика мышления. Последняя, как известно, ведет отсчет от диалектики Гераклита, который начертал знаменитое: борьба противоположностей – «отец всего, царь всего».

Разумеется, было бы непростительной наивностью не видеть, что мир, в особенности современный, переполнен противоречиями и борьбой противоположностей. Однако в последнее время ученые, работающие в различных областях знания, все настойчивее обращают внимание на то, что не менее, а зачастую и более важную роль в космосе, в жизни различных сообществ играют тенденции совсем иного рода. Одним из первых о них убедительно заявил известный этнолог и зоопсихолог Геннадий Симкин. Еще около 20 лет назад вместе с известным антропологом Я. Рогинским он выдвинул основополагающую формулу «релизерной схемы мира» – «любовь как голос генома». Эти исследователи разработали новое понятие, которое, как они полагают, является центральным в логике современного мышления – понятие комплементарности, проиллюстрировав его на генотипах и фенотипах людей, симпатизирующих друг другу. Феномен комплементарности вошел важнейшей мыслью в этнологическую теорию Л. Гумилева, в его учение о пассионарном взрыве этносов.

Особый интерес в контексте поиска оснований нового стиля философствования представляет постмодернизм (Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Делез, М. Фуко и др.), который впервые в истории культуры заявил об исчерпанности ресурсов разума в тех формах, которые использовались ведущими направлениями классической и современной западной философии и социологии. Здесь, как известно, разработаны особые познавательные стратегии (деструкция, конструкция), направленные на разрушение «метафизики в тексте», формирование особой «онтологии ума» – мышления, стремящегося размыть традиционные понятийные оппозиции (субъект–объект, целое–часть, внутреннее–внешнее, Запад–Восток, наука–искусство, мужское–женское).

В контексте рассматриваемой проблемы отметим «синтетическую» позицию Мишеля Фуко. Он приходит к выводу о необходимости создания некоего «радикально гетерогенного ансамбля, включающего в себя дискурсы, институции, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также моральные и филантропические положения».

«Уйти от дихотомических вопросов» призывает Ричард Рорти, олицетворяющий сегодня «постмодернистский» вариант прагматизма. При этом автор выдает уникальный рецепт, утверждая, что сделать это «можно лишь постепенно, внедряя», дескать, некие «новые способы говорить, а не в прямых спорах со старыми способами говорения».

Стратегия «ухода от прямых споров» – намерение весьма благовидное, однако подобными интенциями сейчас удивить уже никого нельзя. Искушенный в обсуждаемой теме современник давно ожидает

ответа на другой вопрос – где же столь возделенная тактика? В этом плане Рорти оказывается еще более изобретательным. Он предлагает использовать эффектную метафору – модель «голоса в разговоре человечества», с которым Рорти связывает свое понимание философии. Для него основная функция современного философствования состоит в поддержании непрерывности этого разговора. Но вернемся к проблеме коммуникации. У Рорти она, как видно, «решается» с помощью этого самого «голоса», призванного, вероятно, интегрировать «разноголосицу» подходов, структурировать их в творческий «разговор». Здесь автор явно предпочел «быть темным и, тем не менее, глубоким, чем ясным и поверхностным».

Не вполне удавшимся представляется и грандиозный проект теории «гибкой» рациональности Ст. Тулмина, который предполагал совмещение различных ее измерений, включая психофизиологическую составляющую. Тулмину казалось, что он нашел способ, благодаря которому можно обойти «коралловые рифы» абсолютизма и релятивизма. Для этого, по его мнению, требовалось указать «рациональной оценке и критицизму» точное место в социально-исторической матрице человеческого понимания. Однако подобный замысел не мог быть осуществлен при отсутствии представлений о механизме действия принципа дополнительности как парадигмального базиса многомерного мышления.

К сожалению, приходится констатировать, что в решении вопроса выяснения логики этого принципа на сегодняшний день мы, по существу, не намного продвинулись дальше Иммануила Канта, который постулировал невозможность существования противоположных предикатов в одной и той же вещи в одно и то же время.

В ряду работ этого плана находится также проект «воображаемой логики» нашего соотечественника Николая Александровича Васильева. Названный труд содержит новаторскую программу создания неклассической, то есть неаристотелевской логики. «Воображаемая логика, – утверждает Н. Васильев, – есть логика, свободная от закона противоречия».

Современные авторы высоко оценивают значение логико-методологических идей нашего соотечественника. «В воображаемой логике, – пишет В. Смирнов, – единичное отрицательное высказывание носит самостоятельный характер, и оно не совпадает с утверждением ложности положительного. Это очень глубокая мысль. Она дает возможность вводить противоречивые описания состояния и открывает возможность для построения релевантных и паранепротиворечивых логик, в более общем плане – логик с истинностными провалами и пресыщенными оценками».

Тем не менее, концепция неаристотелевской логики Васильева отнюдь не является обоснованием методологии плюрализма в теории познания, постмодернистской разрозненной фрагментарности.

«Логик может быть много, но у всех у них, – утверждает автор, – есть общее и единственное – металогика, наука о формальной стороне

мысли...» Но этой науке о суждении и выводе вообще Васильев придает трансценденталистский статус. Его гносеологическая металогика обретает неизменное божественное измерение.

Завершая тему «Воображаемой логики», отметим, что васильевский ее проект является примером весьма продуктивной попытки обоснования правомерности существования множества моделей и подходов, соответствующих различным «родам бытия». Но вопрос их совмещения с помощью некоторой «божественной» гносеологической металогии в концепции казанского мыслителя по существу остается открытым.

Подобным образом можно квалифицировать и наиболее уязвимое место так называемого «вероятностного мышления» В. В. Налимова, хотя последнее имеет несомненную привлекательность с точки зрения требований многомерных подходов. Безусловно перспективной представляется идея Налимова, связанная с созданием вероятностной философии, которая базируется на мотивах вероятностного описания и ситуативности, заимствованных из статистики.

В таком дискурсе находит понимание и концепция кентавристики Даниила Данина, в основу которой положена структура антитез, парадоксов, сочетаний, на первый взгляд, несочетаемого. Мифологический образ кентавра символизирует единство лошади и человека – лошадь не может сбросить всадника, а всадник не погоняет лошадь. Этот образ Д. Данин удачно использует как метафору консенсуса, компромисса, комплементарности, сосуществования противоположностей, столь характерных для современного мышления.

Эффективные способы решения проблемы совмещения различных концепций, моделей, подходов в широком междисциплинарном аспекте демонстрирует современная физика.

В этой связи особый интерес представляет принцип соответствия, сформулированный Н. Бором в процессе создания квантовой механики и являющийся в настоящее время одним из важнейших принципов современной теоретической физики. Согласно этому принципу, новая теория, описывающая более широкий круг явлений, чем предшествующая ей старая, не упраздняет последнюю, а лишь ограничивает область ее применимости.

Далеко идущие перспективы для современного процесса познания открывают новые принципы, сформировавшиеся за последние три десятилетия на основе наработок в области математики, лазерной технологии, голографии, квантово-релятивистской физики, в исследованиях мозга и в социальной сфере. Эти принципы были названы голономными, голографическими или голограммными. Уникальной моделью, демонстрирующей их сущность, являются записи, воспроизведение и комбинирование информации техническими средствами оптической голографии. Оптическая голограмма имеет распределительную память – любая ее малая часть, объем которой позволяет вместить полную дифракционную картину, содержит информацию обо всем объекте в целом. Это свойство голограммы позволяет использовать ее в качестве концептуального средства,

чрезвычайно полезного для понимания принципа целостности.

Голографические принципы лежат в основе холистических подходов к описанию спектра Сознания (К. Прибрам, К. Уилбер, С. Гроф), созданию новой гипотетической модели Вселенной (Д. Бом, К. Прибрам), развитию представлений об акустическом восприятии и созданию технологии голофонического звучания (Х. Зукарелли).

Суть спектральной концепции многомерности сознания К. Уилбера и С. Грофа заключается в том, что весь комплекс человеческого опыта в этой части невозможно описать с помощью какой-то одной психологической системы, и что каждый из главных уровней эволюции сознания требует самостоятельной структуры объяснения.

В теорию спектральной психологии Уилбера заложена модель сознания, интегрально сочетающая достижения ведущих западных психологических школ с принципами так называемой «вечной философии», опирающейся на некоторые прозрения древних в понимании человеческой психологии. Уилбер применил свою модель не только для описания эволюции сознания индивидуума, но и человеческой истории.

Используя голографические представления, Д. Бом наряду с голографической моделью Вселенной предложил модель научного познания как коммуникативной деятельности.

В рамках этой модели научное исследование рассматривается в качестве целостного процесса, который не может быть расчленен на отдельные последовательно реализуемые акты наблюдения над объектом и акты коммуникации. Как отмечает В. И. Аршинов, концепция Боба демонстрирует попытку обозначить «третий путь» между кумулятивистскими и антикумулятивистскими моделями роста научного знания. Она является примером поиска новых стратегий согласования различных экспериментальных контекстов современной физики, созданных и открытых ею двух альтернативных миров, которые до сих пор считались лишь конфронтующими. Эти миры часто представляются в образах методологических концепций Эйнштейна и Бора.

На личностной интеграции человека с природой как с единым гештальтом основана также гештальт-терапия Ф. Перлза, которая характеризуется холистичностью мировидения. Известный психотерапевт в недоумении восклицает: «Неужели нет способа видения мира без предубеждений какой-либо идеи, но с пониманием предубежденности умозрительности, неужели нет перспективы, где мы не будем удовлетворяться принятием абстракции в качестве целостной картины мира?».

Поиск такого несуществующего до сих пор «органола» Ф. Перлз связывает с использованием понятия гештальт, заимствованного из гештальт-психологии. По-своему интерпретируя это представление о неделимом феномене, сущности, которая есть и которая исчезает, когда целое разрушается на компоненты, он становится автором одного из самых популярных и эффективных методов психотерапии.

В настоящее время предпринимаются попытки создания своеобразной теории единства человека и природы – хомонатуриологии.

Новый стиль научного мышления, основанный на идеях нелинейности и глобального эволюционизма, а также общности закономерностей самоорганизации мира, природы, человека и социума, развивает синергетику.

Она оправдывает разнообразие научных направлений, теорий, моделей и подходов, нацеливая при этом на поиск логической возможности их интеграции, «срединного осознания» в рамках одного и того же многомерного познавательного пространства, или, иными словами, нахождения некоего «третьего» – срединного пути между крайностями.

С такой особенностью представляемого дискурса связано название синергетики как междисциплинарного направления. Этот термин, предложенный Г. Хакеном, происходит от греческого «синергейя», что в переводе означает содействие, сотрудничество. Ведущей аналоговой моделью, как принято говорить, важнейшим инструментарием, который входит в пространство современной синергетики, является лазер Хакена.

Такая ситуация, безусловно, неслучайна. Лазер – не просто символ успеха прикладной физики и высоких технологий второй половины XX века. Лазер – это прибор, в работе которого сочетаются естественное и искусственное, упорядоченное и неупорядоченное, квантовое и классическое.

Хакен продемонстрировал возможности использования этой уникальной системы в качестве наглядного образца совмещения, на первый взгляд, несовместимого инструмента познания, обеспечивающего суперпозицию или, лучше сказать, синергизм различных составляющих (факторов) изучаемых процессов самоорганизации в средах самых разных по своему «субстратному» составу, но обнаруживающих сходные черты поведения «вблизи точек неустойчивости».

По мнению коллеги и соратника Хакена, известного физика Грэхэма, «великий вклад Хакена в науку состоит в том, что он понял, что лазер является не только важным технологическим инструментом, но и сам по себе представляет интереснейшую физическую систему, что он может научить нас многому... Лазеры занимают особую позицию между квантовым и классическим миром, а теория Хакена объясняет нам, как могут быть связаны между собой эти миры. Лазер можно рассматривать как перекресток между классической и квантовой физикой, между равновесными и неравновесными феноменами, между фазовыми переходами и самоорганизацией, а также между регулярной и хаотической динамикой».

Отметим еще одну популярную в настоящее время синергетическую модель самоорганизации, связанную с исследовательской программой И. Пригожина и работами отечественной школы С. П. Курдюмова.

Проект И. Пригожина предполагает использование термодинамики нелинейных неравновесных химических реакций для объяснения самоорганизующихся миров Вселенной, человека, социума.

В ключе этой же парадигмы развиваются идеи С. Курдюмова. И сам Курдюмов, и его ученики к термодинамическому арсеналу исследования сложных систем разного порядка подключают язык математики. В частности, физический смысл нелинейности как важнейшего свойства самоорганизующихся объектов, указанные авторы раскрывают, прибегая к математическому аналогу этого понятия – дифференциальным уравнениям, содержащим искомые величины в степенях больше 1 или коэффициенты, зависящие от свойства среды. Такие уравнения могут иметь несколько (более одного) качественных решений. Множеству решений нелинейного уравнения соответствует множество путей эволюции системы, описываемой этим уравнением.

И вот тут, кажется, наступает момент, когда особо взыскательный читатель в недоумении воскликнет: «И какое же отношение все это имеет к журналистике вообще и к вопросу формирования глобального мультимедийного пространства СМИ в условиях межэтнического взаимодействия в частности?»

Но прежде чем расставлять точки над «и», обратимся к целям и задачам журналистики как субъекта социальной деятельности.

Один из ведущих современных исследователей в этой области профессор И. Д. Фомичева выделяет следующие функции СМИ, под которыми понимается как роль, которую должен выполнять субъект, так и последствия ее выполнения:

- коммуникативная,
- информационная,
- ценностно-регулирующая,
- социально-организационная,
- социально-креативная,
- функция канала социального участия, психологического регулирования.

Реализация этих функций возможна в процессе решения конкретных, специфических для социальной журналистики в данный исторический момент времени задач, которые Т. И. Фроловой формулируются в виде следующего ряда:

- давать полную информацию о состоянии социальной сферы, открывать новые темы и проблемы для обсуждения, отслеживать изменения, давать им оценку, не допускать замалчивания или невнимания к трудным ситуациям, объяснять суть перемен;

- осваивать новые жизненные реалии, помогать жить в меняющемся мире и ориентироваться в нем, стимулировать творческую жизненную активность и особенно индивидуальную инициативу; помогать человеку в конкретной ситуации, рассказывать о прецеденте решения проблемной ситуации и стремиться к выработке алгоритма решения той или иной проблемы;

- подвергать общественной экспертизе все законопроекты и решения, реально участвовать в формировании и осуществлении социальной политики, следить за функционированием социальных институтов и активно влиять на их модернизацию;

- упорядочивать общественные отношения, поддерживать равновесие интересов, представляя и обосновывая позиции различных социальных групп, снимать социальную напряженность и предотвращать потрясения; стремиться к разговору на равных между разными группами; создавать возможность для выражения новых взглядов и оценок в рамках типичных проблемных ситуаций, вырабатывать общую позицию по назревшим проблемам;

- давать нравственную оценку событиям, поступкам, высказываниям, организовывать выработку новых социальных критериев и нравственных ценностей, морально поддерживать людей и помогать преодолевать чувство одиночества и безысходности, рассказывать об опыте других людей, всегда ставить идеи гуманизма и добра выше ситуативных интересов отдельных групп.

При этом автор отмечает необходимость исследования и описания конкретных задач в конкретных ситуациях. Каждое издание самостоятельно определяет концепцию и контент, баланс поставленных задач, дополнительно формулирует другие.

Используя ситуативный подход, Т. Фролова также обращает внимание на то, что в «разных» обществах задачи журналистики реализуются по-разному. В связи с тем, что в так называемом «нормальном обществе» происходящие изменения носят, как правило, преемственный характер и происходят без социальных потрясений, задачи социальной журналистики, по мнению автора, определяются ее естественной природой. Социальная журналистика, оперативно отслеживая и предъявляя обществу «человеческую» реакцию на изменения, помогает их более плавному, продуманному, планомерному течению, своевременной коррекции.

Если же назревшие преобразования проводятся стихийно, под давлением, с применением насилия, без учета реалий (или под воздействием каких-либо других неблагоприятных факторов), то кризисы и потрясения неизбежны. У журналистики, помимо естественных, появляются другие задачи – антикризисные. Они выходят на первый план и существенно меняют ее лицо. От того, как пресса справляется с решением антикризисных задач, во многом зависит разрешение общественного кризиса.

Разделяя в целом такой подход, тем не менее отметим, что мы относимся скорее к понятию «нормального общества» как к идеализации, не имеющей аналога в реальности, и считаем, что любое общество в своей жизни неизбежно проходит как периоды «нормального», то есть спокойного развития, так и периоды социальных потрясений, символизирующие переход из одного «нормального» состояния в другое. Вопрос лишь в том, каким образом и как долго этот переход реализуется. При этом тот или иной переживаемый обществом исторический период определяет специфику задач журналистики.

Совершенно очевидно, что журналистика постсоветского периода, к примеру, решала грандиозную задачу подготовки общественного сознания к широкомасштабным процессам ломки политической и

экономической систем. Это определяло облик и содержание основных каналов массовой коммуникации.

1990-е годы ознаменовали начало процессов политической стабилизации. Ведущие СМИ, выстраивая свои коммуникативные стратегии, в новых условиях делали ставку на политическое влияние. С другой стороны, беспощадная рука рынка неизбежно проникла и в структуру СМИ, все в большей мере определяя их содержание. СМИ стали объектами передела политической собственности. Таким образом, начался процесс формирования мультимедийного информационного пространства.

Коммерциализация, бурное развитие массовой прессы и телевидения, ориентация на большие тиражи и рейтинги приводят к тому, что журналистика в этих условиях все больше приобретает черты журналистской «попсы» и в таком виде оказывается неспособной ответить на очередной вызов времени. Тем не менее исследователи все чаще описывают ситуацию в обществе в терминах гражданского конфликта, не допустить эскалации которого – дело чести журналистов.

Кроме того, для снятия социальной напряженности, связанной с противостоянием различных гражданских позиций, нужны особые методы, коммуникативные тактики, приемы, которых в творческом арсенале журналистики оказывается недостаточно.

В такой ситуации Т. И. Фролова и другие считают необходимым обратить взоры журналистов на литературу смежных научных дисциплин по общетеоретическим философским и социальным исследованиям, отражающим революционные изменения в понимании социальных процессов и роли человека в современном мире, что, собственно, мы и сделали в настоящем параграфе.

Совершенно очевидно, что для решения задачи представления состояния гражданского конфликта в обществе, снятия социальной напряженности журналист должен быть знаком и с опытом ухода от мышления в оппозициях Ж. Деррида, и с «перспективным» подходом Х. Ортеги-и-Гассета, а уж тем более с принципами «открытой» рациональности К. Поппера. Если бы Карл Поппер обсуждал проблемы журналистики, он бы особенно подчеркнул, что специалист этого жанра должен отличаться способностью в «ситуациях критики» видеть в системе предпосылок и принципов критикуемого объекта не «иррационализм», а «иную рациональность» и работать в этой системе аналитически.

Как ни странно, интерес в этом контексте представляет и идея создания некоего «радикально гетерогенного ансамбля» Мишеля Фуко вместе с понятием «диспозитива», и «новые способы говорить» со стратегией «ухода от прямых споров» Ричарда Рорти, и «воображаемая логика» Васильева, не говоря уже о множестве синергетических подходов и резонансном типе коммуникации различных позиций.

Саладин ЖИЛЕТЕЖЕВ

ИСПЫТАНИЕ МУЖЕСТВОМ

Главы из повести

Долго думали партизаны о том, как быть с Адальбием. Сегодня в лагере не было ни самого Адальбия, ни Темболат. Они отправились на встречу со стариками, которые должны были приехать в лес «за дровами». Так они время от времени встречались со многими стариками, приходившими в лес «за дровами» из разных селений. Старики приносили последние сведения об оккупантах, их передвижении...

Как только Темболат и Адальбий вернулись в лагерь, им тут же передали весть, принесённую мальчиками. Оба присели и долго скорбно молчали. Казалось, Темболат ждёт, что скажет на это Адальбий, а тот, в свою очередь, ждал указаний Темболата.

– Хорошо, я пойду в селение, – выпалил Адальбий, поднимаясь.

– Это как же? – удивился Темболат.

– Пойду и встречу с Закиреем... Мне он, конечно, совсем не нужен, но пойду ради Лиуана и Хаутя.

– Это рискованно, – не согласился Темболат.

– Нет, думаю, ничего страшного. Я знаю, о чём он будет меня спрашивать. Мне есть что ответить Закирею, я перед ним ни в чём не виноват.

Видя, что Адальбий так уверенно решился на этот шаг, Темболат согласился с ним. Когда стемнело, Адальбия отпустили в дорогу, дав в сопровождающие Мажида и Курта. Курта – лишь потому, что он знал немецкий язык. Решили, что он может там услышать и принести какие-нибудь ценные сведения. А Мажида лучше отпустить с Куртом, решили партизаны, потому как они всё-таки долго были вместе, знают хорошо друг друга. Кроме того, партизаны договорились, что заночуют они у тётки Мажида. В общем-то именно поэтому, главным образом, партизаны поручили сопровождение Мажиду и Курту.

Мажид провёл в село Адальбия и Курта по тайной дороге, которую хорошо знал Лиуан. Они подошли к дому, где собрались заночевать, ещё до полуночи. В доме все уже спали. Партизаны тихо постучали в окно, Хажмурат вскочил как ошпаренный и подошёл к окну.

– Кто там?

– Это мы, – тихо ответил Мажид.

Хажмурат быстро открыл дверь и впустил их в дом.

Старик узнал и Курта. Он видел его несколько раз, когда приходил в лагерь к партизанам. Хажмурат время от времени ходил тайком к партизанам и передавал новые сведения о немцах, о количестве танков

и другого вооружения. Хажмурат уже знал, по какому поводу прибыли в селение партизаны, поэтому не стал расспрашивать; велел быстро постелить им и уложил гостей отдыхать...

Утром Адальбий и его спутники встали рано и вышли на улицу. Как и вчера, немцы приказали согнать всех сельчан в одном месте. К этому месту и направились Курт, Мажид и Адальбий вместе с Хажмуратом. И по внешнему их виду, и по походке партизан можно было принять только за знакомых Хажмурату стариков. Они шагали рядом с Хажмуратом в неестественно длинных и ветхих черкесках, согбенные, с трудом передвигая ноги и опираясь на суковатые палки. Лица их хорошо скрывали густые и седые окладистые бороды.

Перед самым началом войны сын Хажмурата принёс эти бороды и ещё какие-то вещи из театра, видимо, они ему были нужны, потому что он руководил драмкружком в сельском клубе. Уходя на фронт, он просил мать сберечь эти вещи. А когда Адальбий с друзьями решили пойти на сход сельчан да боялись себя обнаружить, старая женщина достала эти бороды, одежду стариков и отдала им. Мужчины примерили всё это, приклеили бороды, загримировались. Так и пошли.

Со всех сторон собирались люди в тревоге и неизвестности, носились, суетились. Рядом с собравшимися людьми на одноконке стоял коренастый старичок и, вертясь как юла, перекидывал с места на место какие-то ящики и улы-сапетки; вокруг него стояли женщины да беспомощные старики и сердито ворчали:

– Клянусь аллахом, хоть выгони меня из села, я не могу найти даже десятка яиц.

– Какие ещё яйца? Этого нам ещё не хватало... Откуда яйцам-то взяться, если кур нету?

– Что, для их желудков яйца лучше, да? – говорили наперебой женщины.

– Слушай, милок, немцы ведь тоже люди, наверное, если объяснишь, то и они поймут. Ты же ведь сам из этого села, стало быть, обязан заботиться о сельчанах, об их судьбе. Конечно, сейчас тяжёлое время, но ведь не вечно же всё это, когда-нибудь это время кончится. Ты подумай о том, с кем останешься потом, что тебя ждёт. Объясни им, скажи немцам, что нет у людей ничего...

– Да, да, валаги, сельчан должны защищать такие, как ты.

– Не век же они будут властвовать над нами.

– Почему же не думаешь о своём будущем? – поучали его старики.

– Клянусь кораном, кстапом, тауретом, они не позволят, нет. Неужели это вам не ясно? Если нет яиц, принесите мясо. Мне приказано, и я обязан выполнить этот приказ... Что бы делали вы на моём месте? Нет, мои дорогие, не так это просто – с ними работать. Не будешь исполнять их волю, валаги, они иначе будут к тебе относиться, – упорствовал коренастый старичок, продолжая перекидывать с места на место ящики и сапетки да вертясь юлой на арбе.

Собравшиеся всё же пытались убедить его, но тот был упрям.

– Давайте, давайте, несите... – продолжал гнуть своё старичок. – Чего

вы ждёте? Упирайтесь-не упирайтесь, а тащить сюда всё равно придётся. Так лучше это делать без лишних слов... Всё решает воля немцев, их приказ. Они сейчас господа. Это понимать надо. Клянусь кораном, кстапом, тауретом, не позволят они нагло самовольничать. Так что давайте, несите. Нет такой семьи, где не имелось бы припасов. Не надо жадничать, вытаскивайте свою еду. Ведь она не дороже вашей жизни?

Когда стали подходить Мажид со спутниками, собравшиеся расступились, оставив одного ворчащего старичка, и пропустили подошедших.

Мажид сразу узнал Гужа. Много лет назад Гужу дали это прозвище из-за того, что он обычно сновал всюду, совал нос во все дела, оказывался неожиданно везде. Правда, Харун называл его ещё Трепачом, потому что никто не помнил, чтобы он когда-нибудь говорил правду. Вот и сегодня, хотя и подгонял односельчан, не давал им дышать и требовал дань, он всё равно обманывал и тех, кому служил. Это хорошо знали в селении.

Мажид приветствовал собравшихся сельчан, взглянул на старика, подумал: «Что, и он заделался господином?»

Люди узнали Хажмурата и в один голос стали просить его:

– Добро пожаловать к нам, говорят, утренний гость приносит добро.

– Да посетит добро ваши дома. Но мне нужен был Закирей, не знаете, где можно его найти? – спросил Хажмурат.

– Закирей с теми, кто собирает масло, – торопливо ответил Гуж, приподнимаясь в арбе и указывая рукой в сторону.

– Спасибо, мы пришли к нему, – поблагодарил Хажмурат. И прошёл мимо с другими «старичками».

Возле брода, где когда-то Закирей сбежал из колонны арестантов, собралось много народу.

Группа Мажида, внимательно следя за передвижением немцев по селу, переходя одну улицу за другой, приближалась к месту, где стоял Закирей. У старого брода толпилось много сельчан и немцев: люди ссорились, кричали друг на друга, спорили. Группа Мажида замедлила шаг, внимательно прислушиваясь, о чём говорят люди...

– Найдём, валаги, найдём. Только, пожалуйста, из-за этого не поднимайте на ноги всё селение.

– Скоро найдём, скоро.

– Ты, сынок, хорошо знаешь наш кабардинский обычай, сам ты кабардинец, слава богу, должен понимать, что такое кабардинка, её нравственность. Ну, сам подумай, кто может такое терпеть, так глумиться над собой кто позволит? Клянусь – никто не потерпит. И куда ты нас всех денешь? Да и что сделаете со мной, я уже старый человек и скажу прямо – я её не осуждаю. Она же кабардинка. А ты знаешь, что такое нравственность для кабардинки, как она блюдёт себя. Нет, как он только в голову взял, что может изнасиловать женщину, которая мирно сидела и чистила картошку? Ну разве кабардинка это потерпит? Она ударила его, да так вышло, что смертельно, вот он и скончался. Но ведь они и сами убили немало наших людей. А зло, говорят, не прощается никогда. Только ты можешь им объяснить всё, что нам надо, так объясни им обычай

нашего народа, скажи о нашем намысе. Ты ведь, милок, тоже кабардинец, хотя сегодня ты с ними, так сказать, спутался, не забывай нравы и обычаи народа своего, оставайся человеком. Говорят, земля колесом вертится, кто знает, как всё обернётся завтра. Так что объясни им наши законы, обычаи... – так говорил невысокий старичок, обращаясь к Ахмаду.

– Немцы – это Европа, дед, Европа! Наши обычаи и законы им чужды и непонятны. Они их не понимают. Потом, власть принадлежит им, музыку заказывают они. Они думают, что им позволено всё. Вы сами знаете, что с тех пор, как я в этом селении, зла я вам не делал и делать никому не позволял. Если вы недовольны мной, в обиде на меня, так прямо и скажите, – начал петушиться Ахмад.

– Нет, парень, на тебя мы не в обиде, но дед хотел сказать: наши женщины не привыкли, чтобы каждый встречный и поперечный залезал к ним под юбку. Если они защищают свою честь, это значит, что защищают честь народа. Видит аллах, я не осуждаю поступка нашей дочери. Нельзя, никак нельзя так с нею поступать, как они вознамерились. Наверное, ни в Ауропе и нигде поступать так нельзя... Если даже где-то и можно, для нас, кабардинцев, никак нельзя.

– Закирей, скажи и ты, как ты на это смотришь?

– Пословица говорит: «Ты жена тому, кто сильнее тебя». Вот так я и смотрю на это.

– Валаги, если даже меня убьют на месте, не дам растоптать моей чести, обычаев моего народа, – раздавались голоса со всех сторон, один перебивая другого, поддерживая друг друга.

Люди были разгорячены, потому не заметили, как подошли Мажид и его спутники.

Прислушиваясь к разговорам, Мажид и Курт обходили собравшихся. Ахмад и Закирей стояли рядом со стариком в длинной черкеске, который опирался на палку. Старик что-то жарко им говорил, а те стояли, в задумчивости опустив головы.

Мажид и Курт незаметно приблизились к ним.

– Девушка-кабардинка в присутствии старшего брата даже не взглянет на своего суженого, не то чтобы заговорить с ним. Вы должны хорошо это понимать. Так разве можно поступать, как тот немец? Кто это стерпит? Знайте, сыны мои, думайте, как хотите, но я от души горжусь тем, что наша девушка оказалась именно такой. Если даже из-за этого погибнет всё селение, мы всё же дали понять, что никому не позволено поступать с нами так, как им вздумается. Во-вторых, я уже старый человек, говорите и поступайте со мной, как хотите, если желаете, донесите обо мне кому угодно, но я твёрдо знаю, что ты не человек и не достоин этого имени, если родина не нашла тебя в минуты её беды, если ты изменил ей. Скажу прямо, Закирей, я очень тобой недоволен, и не я один так думаю, не я один тебя осуждаю. Лучше бы я услышал весть о твоей достойной смерти, чем увидел, как ты собираешь яички для врагов родины, для тех, кто захватил нашу землю и хочет превратить нас в рабов. Почему ты позоришь наш народ, разве это достойно? А мы как же? Значит, Закирей, ты изменил нам, обманул нас. Так?

– Нет, не так. Я изменил только советской власти.

– А сейчас в селении нет никакой власти. И быть холуем, прислужником у врага – это величайший позор. Ты подумай над моими словами: всё в мире меняется, никому не ведомо, как всё обернётся. Что ты будешь делать, если завтра победит та власть, которую ты ненавидишь? – сердито бросил старик и пошёл прочь, давая понять, что он сказал всё, и над его словами надо хорошо подумать.

– Что эти дикари болтают? – обратился к Ахмаду один из озверевших немцев, стоявших рядом.

– Говорит, что сами разыщут её и по-своему накажут, – ответил Ахмад, подходя к нему.

– Нет уж, накажем её мы! – свирепо крикнул немец.

– Хорошо, я так и передам им, но, знаете ли, кабардинцы больше всего в жизни не выносят насилья над собой... – как можно мягче пояснил Ахмад свирепому немцу.

– Не выносят, говоришь? Ничего, мы научим их многому, до сих пор неведомому... И выносить тоже научим. Смотри, как получается. Солдат, которого убила эта дикарка, был в рядах великой армии фюрера, она наступала героически и уничтожала русских солдат. Он был в первых рядах, когда мы брали Воронеж. И выжил. Он проявил мужество и храбрость, когда мы наступали на Кавказ. Он всегда был впереди, был храбр и силен... А теперь, видишь, убила его какая-то тварь, дочь того народа, которого даже в рабов превращать мы брезгуем, дочь дикарей-горцев. Не было бы так обидно, если бы он пал на поле брани. Мы двинулись на восток, чтобы или погибнуть, или завоевать этот проклятый восток. А что получается? Что станет с нами, если нашего доблестного солдата будет убивать какая-то дикарка, какая-то грязная тварь?

– Это правда, но...

– А если правда, то они должны понять, что мы завоевали их, мы их покорили. Значит, они должны исповедовать наши нравы, нашу мораль; вся их жизнь должна быть подчинена тому, чтобы давать нам то, что мы хотим. Запомните это все, все, все! Мы не покорим весь мир, если будем потакать чьим-то нравам. Мы будем поступать с покоренными так, как нам захочется, не иначе. Я вот что скажу тебе: за кровь одного нашего солдата мы расстреляем пятерых, а потом дадим строгое распоряжение найти эту сволочь. Не найдут её – повесят ещё пять человек. Так и будем уничтожать дикарей до пор, пока не найдут беглянку. Всё селение уничтожим полностью, если не найдут её, – отрезал немец.

В ту же минуту он выхватил пистолет и стал беспорядочно стрелять в толпу, убил старика и мальчишку.

– Вот так и будем уничтожать!

В одно мгновение толпа хлынула, двинулась было к немцам, чтобы тут же разорвать их, но мудрые старики, понимавшие, что люди бессильны против до зубов вооружённых солдат, остановили толпу:

– Остановитесь, дорогие односельчане! Не надо, остановитесь! Мы безоружны и напрасно прольётся наша кровь. Остановитесь! – старики то там, то тут поднимали руки, удерживая людей.

– Даю срок до завтрашнего утра, – с яростной злобой бросил немецкий офицер, уходя прочь.

– Хорошо, я все им объясню, – промолвил Ахмад.

– Объясни им, что уничтожим всё селение, пусть знают, – отозвался офицер, не оборачиваясь.

– Хорошо, всё скажу, – Ахмад повернулся к Закирею. – Вот видишь, как ставит вопрос – найти её и всё.

– Какой срок? – спросил Закирей.

– До завтрашнего утра.

– Поищем, найдём... Можно живой или мёртвой, да?

– Живой или мёртвой? – обратился Ахмад к немцам.

– Только живой! – крикнул издали разгневанный офицер.

– Говорит, только живой, – перевёл Ахмад волю немца.

– Понятно, – тихо проговорил Закирей.

– Расходитесь! Все беритесь за свои дела! – кричал офицер, покидая площадь. Следом за ним поплелись и остальные немецкие солдаты.

Сельские старики остались стоять.

Жители околотка собрали кто лестницу, кто бурку, кто просто доски и с печалью в глазах унесли трупы убитых сельчан. Старики стояли на месте и озирались, не зная, кого надо хоронить раньше, куда сейчас идти.

Адальбий подобрался к Закирею и тихо сказал:

– У меня, Закирей, новость для тебя есть.

– Что за новость?

– Можно прямо здесь?

– Можно. От Ахмада у меня тайн нет.

– Я – Адальбий.

– То есть как? – изумился Закирей.

– Да, Адальбий. Делай со мной что хочешь. Открою тебе правду: я загримовался и переоделся, чтобы немцы не узнали.

– Я ещё не представляю, как поступлю с тобой. Мне сказали, что только тебе одному известна судьба моей жены.

– Это правда. Я знаю всё.

– Ну, говори, что с ней стало?

– Это, Закирей, длинная история, может быть трогать её сейчас нет смысла...

– Нет, есть смысл. В жизни всё связано, всё едино: и радости, и беды. Понимаешь, Адальбий, очень трудно выяснить, кто в чём виноват и в чём его вина, но я убедительно прошу тебя рассказать всю правду, всю. Сакинат уже нет в живых, это я слышал, но... – Закирей отвернулся.

– Больше всего в жизни я боялся, что мне придётся когда-нибудь всё это вспоминать, – проговорил тихо Адальбий.

– Мне тоже нелегко это слушать...

– Нашёл я Сакинат только шесть месяцев спустя после того, как поймали тебя, – начал Адальбий, глядя в глаза Закирею. – Она покинула родные места, переселилась куда-то, боясь, что люди станут презирать и проклинать её как жену врага народа. Когда я узнал об этом, сразу же последовал за нею. Тогда она была в положении. Но я всё равно хотел

знать только её, жить с нею. А она и слышать ни о чём не хотела, пока точно не узнает всего о тебе, не убедится во всём.

И всё же я встречался с ней. Переселилась она в Пятигорск, и я частенько приходил к ней и на работу, и домой, многие часы мы проводили вместе, говорили, многим даже казалось, что мы с нею – муж и жена, только недоумевали, почему это мы живем врозь.

Вскоре она родила. Ей пришлось оставить работу и, конечно, она нуждалась в помощи. Вот я и был счастлив помогать ей всем, чем мог. По этой причине мы с нею стали встречаться ещё чаще. Она, конечно, была благодарна за мою помощь. А я был счастлив уже тем, что ей нужна моя поддержка.

Так прошло два года. Сакинат заболела и слегла. Да вот и не встала, так и умерла...

Когда она почувствовала, что смерть не отступит от неё, то попросила меня взять к себе её дочку, взять и сделать так, чтобы никто не знал, что она не моя дочь. Я не мог не исполнить её последнего желания...

Адальбий сделал длинную паузу, тяжело вздохнул, потом продолжал:
– Итак, я взял к себе девочку и по сей день её воспитывал, растил. Да, мать назвала её Мадиной, но в память о матери я назвал её Сакинат. Растил я её как мог, замечательная стала девушка. И ни одна душа не узнала, что она не моя дочь, все считают, что она моя родная. Она секретарь школьной первичной комсомольской организации...

Закирей слушал, печально уронив голову на грудь. На последних словах вздрогнул и грустно проговорил:

– Ты уж прости, что заставил тебя всё это вспоминать. Я ведь не знал, что и думать... Пусть и дальше идёт так, как началось, она уже никогда не станет моей дочерью, нет.

– Хотя я её и воспитал, всё же ты отец. Если пожелаешь, чтобы я ей открылся, то... – начал было Адальбий.

– Нет, нет, мы с нею уже не найдём общего языка, никогда мы уже не поймём друг друга, – прервал его Закирей. – Она комсомолка, даже секретарь... Стало быть... Без сомнения, она напичкана бредовыми идеями коммунизма, нашпигована их идеалами. А я, как ты понимаешь, враг всего этого, не приемлю я этого. И до самой смерти не примирюсь, буду врагом. И буду мстить, мстить, – сказал Закирей с какой-то дикой злостью.

– Мы с Сакинат ни в чём не виноваты... Если желаешь, я сегодня же сведу тебя с нею, познакомлю.

– Нет, не хочу, не надо знакомить. Если нам повезёт и мы разгромим коммунистов, и если она будет жива, то я сам найду её. Вот тогда я как родной отец распоряжусь её судьбой, она будет поступать и мыслить так, как я этого пожелаю, а пока пусть остаётся в неведении. Лучше я уйду, оставив за собой надежду, чем она станет мне внушать противные моему духу коммунистические идеи, после этого я бы просто возненавидел её... А тебе большое спасибо за то, что открыл мне всё. Когда придёт время и я буду иметь власть, учту это обстоятельство, – сказал Закирей и отошёл, стал глазами искать Ахмада, остановившегося в стороне.

– Что надо? – спросил Ахмад в ответ на его взгляд.

– Ну, всяческих тебе удач! Благодарю, что ты всё мне разъяснил, – повторил Закирей, удаляясь.

– Я не всё ещё сказал тебе! – крикнул ему вслед Адальбий.

– Что ещё осталось? – резко спросил тот, останавливаясь.

– Сакинат ранена.

– Где она?

– У партизан.

– Тяжело ранена? Выживет? Сделали всё, что нужно, чтобы спасти её? – торопливо спрашивал Закирей, возвращаясь.

– Если бы врач был да лекарства, выжила бы. За этим-то я и прибыл сюда: сказать тебе о ней и попросить, чтобы ты помог.

Закирей молча и в глубокой задумчивости стоял некоторое время.

– Вот говорят, делай добро. Кому я должен делать добро? У меня в жизни была единственная дочь, и ту ранили коммунисты, – пробормотал он себе под нос, поворачиваясь к Ахмаду.

– Нет, Закирей, ты ошибаешься, ранили её не коммуниста, а немцы, – четко сказал Адальбий.

– Но вовлекли её в партизаны не немцы, а коммунисты...

– В партизаны она ушла добровольно, – снова возразил Адальбий.

– Тяжело ранена? – повторил Закирей, будто и не слышал последнего ответа.

– Три раны. Но если бы найти скорее медикаменты, она бы выжила, – спокойно повторил Адальбий.

– А почему же не нашли всё, что нужно?

– У нас нет ни медикаментов, ни врачей, а раненых много, – объяснил Адальбий.

– Ахмад! – позвал Закирей стоявшего в отдалении парня.

– Слушаю, – подошёл тот.

– Что будем делать? Обычно ты во всём выручаешь в трудную минуту.

Не окажись ты со мной рядом, я бы пропал.

– Ну, что случилось?

– Случилось самое непредвиденное. Ради моего же родного ребёнка я вынужден помочь моим врагам. Абсурд, но... Моя дочь ранена и партизанам нужны медикаменты.

– Партизанам?!

– Да, да, партизанам. Ради моего дитя, моей единственной родной души...

– Ну, медикаменты найти можно, они есть, – пожал плечами Ахмад.

– Не только медикаменты, обязательно нужен и врач, – вмешался Адальбий, потом повернулся к Закирею: – Хотя Сакинат я и воспитал, всё-таки она – твоя дочь. Потом, ты поверь, я бы не стал рисковать и не приехал к вам, если бы у нас был другой выход. Девушку надо спасти, – добавил он, давая понять, что действительно другого выхода нет.

– Медикаментами мы вам поможем, а вот врача где взять?

– Как же лекарства-то использовать, если врача не будет? Вот если бы врача ты нашёл, тогда бы Сакинат спасли, – настойчиво повторил

Адальбий, боясь, что его не до конца поняли. – Хоть одну перевязку ей сделать. А ведь в этом селении врачи есть.

– Партизаны знают всё, – съязвил Закирей.

– Узнала об этом Сакинат. Два раза она приходила в это село.

– Ну и что же вы решили делать с этим доктором?

– Увезем его с собой, – сказал подошедший Мажид.

– Как?

– Если, конечно, вы поможете нам... Вот этот мой спутник хорошо знает немецкий язык, может прекрасно с ними объясняться, – сказал Адальбий, указывая на Курта и как бы говоря: мы тоже не лыком шиты.

– Если даже мы вам и поможем, никто в мире не должен об этом узнать.

Но это всё под силу только Ахмаду. Вам повезло, если он согласится помочь.

– Я однажды уже сказал, что немцем никогда не стану, останусь кабардинцем. Ты, кабардинец, в сто раз лучше для меня, чем все немцы в мире. Я готов помочь тебе всем, если в этом нет риска, что нас узнают, но если дело такое, что нас могут разоблачить, тогда уж извини, как говорится, своя рубашка ближе к телу, – сказал Ахмад, обращаясь к Закирею.

– Нет, не узнают ничего! – уверенно заявил Закирей.

– Тогда я готов тебе помочь.

– Ну, а как эти слова претворить в дело? – спросил Адальбий.

– Всё будет сделано сегодня же или к вечеру, – ответил Ахмад. – С наступлением темноты приходите к Закирею.

– Договорились, – живо ответил Адальбий.

Закирей и Ахмад уехали. Группа Адальбия медленно последовала за стариками, которые шли бродом. Последним шёл Хажмурат, не догоняя спутников: он поджидал группу Адальбия. Когда все вместе они пошли за стариками, Мажид приказал:

– Заходите вы тоже в тот двор, куда зайдут старики.

Хажмурат не знал, удалась ли партизанам операция по добыче лекарств и врача. Не знал, встречался ли когда-нибудь Адальбий с Закиреем. Курт тоже шёл тихо, опустив голову, о чём-то задумавшись... Все были хмурые, задумчивые. Чувствовалось, что каждый погружён в себя.

Закирей беспрерывно думал об одном и том же: узнает он свою дочь или не узнает.

Адальбий же думал о прошлом: он никогда не забывал, как по пути домой с Зольских пастбищ завернул к Сакинат и застал у её дома плачущих соседок, суесящихся людей – девушку похитили какие-то неизвестные. Все были перепуганы, все лили слёзы, глядя в сторону, куда увезли Сакинат. Соседи-парни верхом погнались за похитителями: пыль, поднятая копытами их коней, медленно оседала. Люди переживали и плакали, может быть, не столько потому, что произошло похищение, сколько оттого, что не знали, кто похитил девушку, какого он рода, как выглядит. Это больше всего беспокоило людей.

Все соседи, да и не только соседи, хорошо знали, что Сакинат и её ровесник Адальбий были помолвлены их родителями. С малолетства им было известно, что они принадлежат друг другу, и любовь их росла и

крепла с каждым днём. Правда, кабардинский обычай, строгости этикета не позволяли им открыто встречаться, но они свято хранили верность друг другу, чтобы соблюсти волю своих родителей.

– Надо быть внимательными с моими гостями, оберегать их, – говорил тем временем Хажмурат. – Без вас я ничего не смогу.

– В селении мы сумеем спрятать троих людей, – бросил в ответ один из стариков.

– Все вместе приходите ко мне. Немцы обошли вниманием мою кузню, пренебрегли ею, – вставил другой.

Так старики дошли до речки. Единственное бревно было перекинуто через речку, и старики один за другим осторожно перешли её. Потом снова собрались в группу и стали подниматься на горку. А на вершине одиноко стояла кузня. Вокруг особенных строений не было, только чуть в отдалении стоял приземистый домишко под соломенной крышей с подслеповатыми оконцами. Всё это было окружено дряхлым плетнём из колючек, местами порванным и разбросанным. Этот вид напомнил Мажиду о том, что Тык всю жизнь был неряшлив – ни кола ни двора у него не было. По этому поводу в селении ходило много насмешек в его адрес, поэтому сейчас все поняли, что это именно его обиталище.

– Мы, наверное, в дом к тебе не зайдём, – сказал старик, который говорил, что троих людей они сумеют спрятать в селении. Он оперся на суковатую палку, присаживаясь на длинную доску у ворот.

– Как хотите, – не стал настаивать Тык.

– Если кто станет интересоваться, почему мы, столько людей, здесь собрались, скажем, что обдумываем способ, как найти, как поймать ту девушку, – продолжал старик, приглашая всех присесть. Старички цепочкой уселись на длинной доске. Усадили рядом с собой Курта и Адальбия...

В сторонке лежало какое-то круглое железо. Мажид решил присесть на него, но Тык внезапно подбежал к нему с испуганными глазами:

– Не садись! Не надо, ради бога! Прошу тебя, не садись туда!

Тык прямо дрожал всеем телом. Мажид недоумённо встал.

– Что это тебя так корежит? Прямо перепугал парня, – с укором спросил Тыка один из стариков.

– Валаги, раз уж так, я скажу вам, в чём дело. Вы уж куда меня денете? В тот день, когда эти изверги захватили наше село, у моих ворот остановились два тяжёлых тягача, вернее – грузовика. С каким-то грузом. Я не утерпел, чтобы не узнать, что это за груз, а когда узнал, одолел меня соблазн и похитил кое-что. Хотя мне они и не нужны, думаю, зато и у врага их не будет. Взял и спрятал вот здесь. Теперь я сам испытываю страх, когда подхожу к этому месту – там зарыты пять мин, – сказал Тык и всплеснул руками.

– Так ты посадил нас сюда, чтобы подорвать? Хочешь, чтобы мы в небо взлетели? – пошутил один из старцев.

– Если сам не тронешь, они не взорвутся, – ответил Тык. – Их было шесть, я одну разобрал и посмотрел.

– Вот доразбираешься ты так, что в клочья тебя разнесёт, – сказал

кто-то.

– Валаги, ты всю жизнь только тем и занимаешься, что разбираешь что-то да снова собираешь; весь ваш род такой, мастеровой народ, просто золотые руки, но, честно говоря, и лентяи вы изрядные, – добавил другой аксакал.

– Довольно, оставьте Тыка и давайте поговорим о чём-нибудь другом, – предложил Хажмурат.

– Клянусь, это верно. В такое страшное, тревожное время неужели не о чем больше поговорить? – поддержали его.

Но больше никто ничего не успел сказать – во двор, еле переводя дух, влетел Закирей.

Старики испуганно переглянулись.

– Достопочтенные аксакалы, – обратился Закирей к старикам, вплотную подходя к ним, – если я чем-то вас обидел, сожалею и приношу извинения. Прошу поверить, что сейчас я говорю чистосердечно, искренне и от всего сердца: офицеры, которые стоят в доме Мисоста, поклялись, что если девушку мы не найдём до утра, то завтра они сожгут селение. Сейчас они там сидят и пьют. У кого-то из них сегодня день рождения, вот они его и отмечают. Я говорю вам правду. Да, я вот уже два месяца работаю на немцев, но не могу допустить, чтобы они сожгли моё село. Это одно. И второе – да будет высокой ваша честь – я получил неважную весть. Говорят, что моя дочь, моя девочка тяжело ранена, и необходимо спасти её от смерти.

– А у него разве была дочь?

– Откуда он её взял?

– Какая дочь? – друг друга спрашивали старики.

– Дочь Адальбия. На самом деле это моя дочь, – добавил Закирей.

– Сакинат?

– Это как же?

– Ну-у-у? – слышались голоса.

– Это чудесная девушка. В селении большим уважением пользовалась.

А сейчас она, по-моему, ушла к партизанам, – сказал один.

– Да, ушла было... – грустно проговорил Закирей.

– Ну, а какой есть способ? Как быть? Что мы можем поделать? – советовались старики, обращаясь друг к другу.

– Я улажу всё. Ахмад поможет мне с доктором и лекарствами.

– Так девушка сейчас у партизан?

– Да, – коротко ответил Закирей.

– Ну, а как же быть в таком случае?

– Поеду к ним. Вот Адальбий и его друзья помогут... Да, вы сами знаете, я работал на немцев. Нисколько об этом не сожалею и ни от кого здесь этого не скрываю, – торопливо говорил Закирей. – Вы сами свидетели, что у меня для этого были свои причины. Советская власть мне ничего не оставила, кроме единственной дочери. Но и её я в жизни не видел, не знаю. Сами видите – время жестокое. А я хочу найти свою дочь. Так помогите мне в этом и вы. Я пойду с ними, куда они поведут. Я много раз уходил от смерти, испытаю судьбу и на этот раз. Не осуждайте меня

– в мире осталась одна родная мне душа. Я не могу допустить, чтобы на моих глазах сожгли село, где родились, жили и умерли мои родители. Это тоже причина... Кто у меня есть в мире?

– Не печалься, даст аллах – вылечится.

– Война есть война, без ранений и гибели она не обходится. Да сохранит тебе аллах дочку, – посочувствовали ему.

– Слава богу, что ты хочешь помочь ей, – добавил другой старик.

– Как же мне не помогать ей? Она единственная, что у меня осталось в целом мире, – снова и снова повторял Закирей... – Потом мы ещё попытаемся, чтобы освободили двух ребят-партизан. Я ведь их взял в заложники только затем, чтобы мне нашли Адальбия, – добавил Закирей, как бы выказывая перед всеми какую-то свою вину.

Старики некоторое время молчали.

– Интересно, за нашу девушку так упрямо взялись только те офицеры, что у Мисоста, или же ещё кто? – поинтересовался Тык.

– Только они, – коротко ответил Закирей.

– Тогда, клянусь аллахом, я обещаю, что они все у меня взлетят в небо! Видишь, вон там что лежит? – показал Тык на мины.

– Это хорошо, если бы у нас был человек, который мог бы это заложить, – проговорил один из стариков.

– Валаги, я так их заложу, как никто и никогда в мире не закладывал! – совсем разошёлся Тык.

– Но мы знаем и другого, кто это может, – добавил Адальбий, многозначительно посмотрев в сторону Мажида.

Мажид понял намёк Адальбия и одобрительно кивнул.

– Тогда вот что мы сделаем, – начал серьёзно один старик, – если мы вот так будем сидеть, то дело у нас никуда не продвинется. Давайте отправимся к там, кто затеял это дело, зайдём, будто хотим с ними посоветоваться, и несколько их отвлечём. А за это время пусть Тык и другие сделают всё, что они могут. Чем погибнуть с опущенными руками, уж лучше пасть в борьбе с врагом.

– Это правда. Давайте с наступлением темноты за дело и возьмёмся, – согласились и другие.

– А зачем будто бы советовать? Разве нельзя пойти к ним с каким-нибудь подарком, раз уж они день рожденья справляют? – придумал кто-то.

– Клянусь, это лучший вариант! – заявил другой с одобрением.

– Мы всё сможем, если Закирей нас поддержит, – оживился Тык.

– Клянусь, я не обману вас, не предаю, помогу всем, чем смогу!

– Как только наступит вечер, вы возьмите одну бурку в подарок и отправляйтесь в гости, а за это время я весь дом вокруг обложу минами. Закирей, Адальбий и остальные ребята пусть сразу отправляются к партизанам. Я заложу мины так, что как бы немцы ни вышли из дома, все равно наткнутся на них. Мины все будут соединены друг с другом. Весь дом и все, кто в нём и что в нём, – всё взлетит в небо! – закончил дело Тык.

– Ты здорово нас от беды спас, – съязвил один старик.

– Если вы всё сделаете так, как я говорю, то ничего невозможного в

моём плане нет, – решительно заявил Тык. – Обещаю, что я за двадцать минут справлюсь со своей задачей.

– Ну и мы постараемся подурочить немцев, станем всякие тосты произносить, поморочим им головы, – сказал кто-то.

– А я уведу часовых, что поставлены при доме, – пообещал Закирей.

– Так давайте не передумывать. Приказ есть приказ – будем действовать, – вступил в разговор Хажмурат.

– Ну что ж, договорились: как стемнеет, встречаемся у ворот Мисоста, а я встречусь с Ахмадом, – добавил Закирей и ушёл.

– Так что, Мисоста тоже вместе с немцами отправим в преисподнюю? – пошутил Тык, поднимая свои сплошь в заплатках галифе и затягивая потуже пояс.

– Да можно и его, слишком много зла натворил, – одобрил один.

– Нет, лучше пусть остаётся, кто знает, может, он ещё в чем-то нам и пригодится. Кто бы мог подумать, например, что Закирей сделает что-нибудь доброе для села?

– Мясо, чем ближе к огню, тем быстрее жарится, – подал кто-то голос. – Всё это он делает из-за своей дочери, а ещё потому, что хорошо понял: немцы дотла спалят селение.

– Да на кой дьявол ему эта дочь-то, она ведь комсомолка, а Закирей – заклятый враг коммунистов и комсомольцев?

– И всё же она ему дочь...

– Валаги, никто не знает, его она или нет.

– Он её не воспитывал, ни одного ласкового слова от него она не слышала, какая она ему дочь? – перекидывались старики.

– Матери Сакинат я дал клятву: никто не узнает, что она не моя дочь, – объяснил Адальбий и на этом разговор был окончен.

Недолог осенний день. Стало быстро вечереть.

– Ну что ж, разойдёмся, совершим вечерний намаз и потом соберёмся, или... – начал один из стариков.

– Оставь ты свой эчинды-намаз! Если мы вот этих негодяев отправим к небесам, то считай, что мы все станем святыми, – ответил кто-то ему.

– Не будем расходиться да собираться. Если сегодня не совершим эчинды-намаз, ничего не случится, аллах простит нас, завтра сделаем два намаза и рассчитаемся с долгом, а вот нужна нам новенькая бурка, чтобы преподнести ее немцам... – напомнил один из самых древних.

– А не всё ли равно, новая она или старая?

– Конечно, всё равно – и бурку, и тех, кому её преподнесём, мы пошлём в небо...

– А если он сразу же развернёт её и посмотрит?

– Лучше новую.

– Эх, да пусть пропадёт моя бурка, – молвил аксакал.

Вскоре стемнело, и старики двинулись. Те, кто моложе, осторожно несли у себя под черкесками мины.

Старик, что решил пожертвовать своей буркой, зашёл за нею домой, а остальные пока стояли у его ворот и переговаривались. Хозяин вынес бурку, и группа двинулась дальше.

Издали доносился гул немецких танков и тяжёлых машин, этот гул всё быстрее приближался.

– Это вернулись те, что возле Эльхотова вели бои, – предположил один.

– А отдохнувшие завтра займут их места, – добавил другой.

По улицам сновали немцы, в их руках кричали, кудахтали куры, гуси, индюки.

У немецкого штаба стояла одиноко повозка Гужа, его самого не было видно.

– Наверное, привёз немцам то, что сегодня награбил.

– Каждый день он только этим и занимается.

В этот момент подкатил огромный тягач, из него выпрыгнули запылённые солдаты, не задерживаясь, сразу направились во двор штаба, рассыпались по двору.

Со всех сторон в вечернем мраке слышалась лающая немецкая речь, а старики всё шли к дому Мисоста.

Когда подошли к воротам, Закирей уже поджидал их там.

– Вы уже договорились? Где Адальбий и остальные? Вот медикаменты и бинты. Ахмад занимается доктором; придумал какую-то причину, получил разрешение за подписью самого бургомистра и теперь ищет доктора. По-моему, вас уже ничто не должно остановить, – говорил Закирей в темноте, поглядывая то на стариков, то на свёрток, который он припрятал за столбом.

В это время из дома вышли Мисост и Ахмад, подошли к воротам и остановились.

– Мисост, мы пришли поздравить и приветствовать немцев в твоём доме, – начал старший.

– Если он сегодня немного и погорячился, немец-то, мы понимаем, что он был прав, – продолжал другой.

– На самом деле, представь себя на его месте, клянусь аллахом, все селение спалишь, – ещё больше подогревал третий.

– Нет, чего и греха таить, они к нам снисходительны и терпеливы. Валаги, поделом нам, как бы они с нами ни поступали.

– Чудесные люди – прямо как кабардинцы. Вот мы и пришли поприветствовать их. А завтра с рассветом поймаем и беглянку.

– Да, мы их поздравим, они хорошие люди, – наперебой расхваливали старики врагов.

– Это вы хорошо придумали, – с удивлением сказал Мисост, – добро пожаловать в дом. Это соответствует нашему обычаю.

– Да, мы пришли, чтобы зайти в дом.

– Дома ли твои гости?

– А прилично ли, если мы все гуртом зайдём? – перекидывались старики, входя во двор.

Солдаты, охранявшие двор, тоже ничего не понимая, собрались у ворот.

– Делать доброе дело всегда прилично. Господину будет приятнее, чем больше людей придёт к нему выразить своё уважение. Давайте заходите

все... – настойчиво приглашал Мисост в дом стариков, пытаясь убедить их в том, что господину это польстит.

– Я пойду в штаб, разузнаю, как обстоят дела, – сказал Ахмад, обращаясь к Мисосту.

– Нет, лучше бы ты господину переводил, объяснял то, что хотят эти старики ему выразить, а потом мы вместе пойдем в штаб, – возразил Мисост.

– Хорошо, согласен, – ответил Ахмад и вместе со стариками направился в дом.

Мисост горделиво шагал в темноте, указывая дорогу старикам, и явно желал показать своему господину власть над односельчанами, которые признали новый порядок и уже идут к немцам на поклон, и всё это – его заслуга.

– Закирей, доктору я сказал. Ты зайдёшь к нему, он с тобой и пойдёт, – шепнул Ахмад подошедшему Закирею.

– Хорошо, – отозвался тот.

Позади стариков медленно двигались Тык, Адальбий, Мажид. Закирей подошёл к ним.

– Я буду ждать вас в кузне Тыка, – сказал он шёпотом и быстро растворился в темноте.

Старики уже подошли к самому дому.

– Если люди, вернувшиеся в штаб, управились со своими делами, то позовите сюда наших друзей-офицеров, – слышалась немецкая речь, доносившаяся из дома.

Ахмад сразу понял, что это приказ, и быстро передал его солдатам, охранявшим двор.

– И пусть захватят напитки, которые нравятся Гансу!

– Обязательно должно быть и шампанское! Сегодня день моего ангела, – одно за другим доносились из дверей распорядения, а Ахмад всё это тут же передавал часовым. Так он разослал в разные стороны всех часовых до одного.

Тем временем старики степенно зашли в комнату, где сидели немцы. Ахмад прошёл мимо аксакалов, задержавшихся в коридоре, и тоже шагнул в комнату. Старики же, нёсшие под черкесками смертоносный груз, будто того и ждали: юркнули за угол дома и положили груз у стены. Тык и Мажид тут же взялись за дело.

Огромный стол в комнате Мисоста ломился от яств и напитков. За ним, нагло развалясь, сидели немецкие офицеры, которые даже не пошевелились, когда в комнату зашли старшие.

Они смотрели на пришедших, не понимая, что им нужно. Старики тоже стояли молча, в душе осуждая неуважение к ним. Ахмад, раздвинув стариков, прошёл к столу и остановился около Мисоста.

– Старые горцы, бывает, многое и путают, многого не понимают, но они мудры и чистосердечны, – полушутя-полусерьёзно начал Ахмад. – Дело, которым сегодня мы занимались, они сделают.

– Скажи господину, что они пришли поздравить его, приветствовать, выразить своё уважение, – велел Мисост.

– Аксакалы села пришли сегодня, чтобы поздравить вас, высокочтимый господин! – сказал Ахмад.

– О-о-о! Это хорошо! – улыбнулся один из офицеров.

– У кабардинцев есть обычай подавать бокал подошедшему к столу. И ещё принято вставать, когда входит старший по возрасту... – начал было Ахмад.

– Мы хотим поставить перед собой на колени весь мир, так зачем же нам вставать перед этими старыми голодранцами? – нагло ухмыльнулся один из немцев.

– Перед этими дикарями вставать не будем, пусть говорят, зачем они пришли, что хотят сказать, – добавил другой.

– Воля ваша, – кивнул Ахмад и обратился к старикам: – Они разрешают высказать, что вы хотели. И не осуждайте их – они ведь не имеют представления о наших обычаях.

– Мы хотим сказать вот что, – начал самый старший, – пусть долго будут здоровыми. Мы рады, что они пришли, что стали нашими гостями. У кабардинцев испокон веков есть обычай делать для гостей только приятное. Исполняя этот обычай, мы и пришли сюда. Мы согласны со всем, что они делают, как поступают, мы не пожалеем своих сил и уговорим людей, чтобы помогали им, чтобы наши люди слушались их. Я смотрю, они не совсем уж молоды, видимо, у них есть семьи, дети, так пусть здоровыми вернуться в свои семьи. Ваша радость теперь – наша радость, ваша воля для нас – закон. И, если не пренебрегаешь, вот эту бурку, нашу национальную форму, мы тебе преподносим, чтобы ты её носил, – старик повернулся к тому, кто держал бурку. Тот быстро развернул бурку и протянул её старшему.

Старший преподнес бурку немцу. Именинник вскочил с места и накинул бурку на плечи. Довольно улыбаясь, он некоторое время вертелся посреди комнаты.

– Вот всё, что нам было нужно. Скажи им, Ахмад, пусть извинят, если мы их некстати потревожили.

Ахмад перевёл немцам приветствие стариков.

– Хорошо! Бурка – очень хорошо, – сказал немец, садясь за стол с буркой на плечах. – Свои владения, которые у меня будут на Кавказе, я буду объезжать на кабардинском скакуне и под этой буркой, – заявил он самоуверенно. Помолчав некоторое время, вскочил, схватил бокал, крикнул: – За это! – залпом выпил бокал, снова наполнил его, поставил на стол и сел на место. Потом насмешливо посмотрел на стариков: – Хотите выпить?

– Нет, – ответил старший.

– Тогда вы свободны, можете идти, – бросил немец, указывая на дверь.

Старики вышли из дома, неторопливо направились к воротам. Их провожали Ахмад и Мисост.

– Ахмад! – вдруг позвал немец. – Вы оба вернитесь сюда!

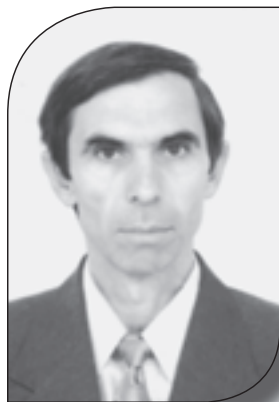
Не говоря ни слова, Ахмад и Мисост тут же вернулись.

Старики вышли из ворот и медленно побрели к себе. Они шли, но в душе переживали за Тыка и Мажиду, не зная, управились они со своим делом или нет...

Ахмед МИЗОВ

ДВЕ ВАРЕННЫЕ КАРТОФЕЛИНЫ

Рассказ

– Долго еще тебя ждать? – супруга подошла к Зурабу и отвлекла его от нахлынувших дум.

– Мы давно сидим в машине.

– Не спеши, Ляпа (так он звал жену, что в переводе означало «ценный человек»), мы никуда не опаздываем.

– Да неудобно ведь перед парнем, он ждет тебя.

– Хорошо, хорошо. Иди, садись в машину, я скоро.

Жануся, конечно, поняла, что творится у супруга на душе, и оставила его наедине с самим собой.

А Зураб стоял, как изваяние, уставив взор в одну точку. На его осунувшемся лице и нос, и губы, и глаза, казалось, увеличились в размерах. Он стоял сгорбившись. И без того небольшого роста, стал еще ниже. Стоял и смотрел на окна своей квартиры в «казенном», как он говорил, доме. Смотрел на двор, общий для тридцати семей. Нелегко ему было навсегда покинуть городскую квартиру, где побывало непомерное количество друзей, гостей. Где произносилось столько тостов. Где в самые нелегкие времена не оставался без хлеба. Он, конечно, никогда не забудет хвалебные речи, которые произносились в его адрес, вроде тех, что «он поднял до небес нашу адыгскую культуру», «такого великолепного артиста не было у адыгов», «такого исполнителя старинных народных песен не сыщешь более». Что он «совесть народа» и продолжатель славных традиций поэта-самородка Бекмурзы Пачева и сказителя-джегуако Ляши Агнокова. Конечно, в речах некоторых гостей он улавливал фальшивые нотки, но в основном люди говорили искренне. Зураба знали во всех регионах, где проживали адыги. В том числе и за границей. Всегда и везде он был желанным гостем. Особенно его превозносили в странах, где компактно проживала адыгская диаспора. Был даже такой случай. Он поехал вместе с ансамблем «Кабардинка» в Иорданию. Местный король изъявил желание познакомиться с человеком, которого тамошние черкесы возносили до небес. И встреча состоялась.

Всегда и везде ему говорили, что он счастливый человек. А счастлив ли он? И вправду, до сих пор он играл на сцене драматического театра, исполнял народные песни, собранные им в основном в молодые годы у стариков. Тогда он вместе с учеными из фольклорного института часто ездил в научные экспедиции. Чаще летом, когда театр уходил в отпуск. Где только он не выступал: почти во всех кабардинских селениях, в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Абхазии.

А вечер, устроенный в честь его 80-летия? Огромный зал дворца не вмещал всех желающих, пришедших на юбилей. Участвовал в торжествах и сам президент республики. Притом сам читал доклад о жизненном пути, о вкладе Уардагушева в национальную культуру. Особенно было приятно юбиляру в тот вечер услышать слова президента: «Когда я устаю или настроение неважное, слушаю песни Зураба и становится легче на душе». После этого люди аплодировали так громко, что едва не обрушился потолок большого зала.

Да, с одной стороны, он был счастливым человеком. Но с другой стороны, мысль все чаще уводила к сыновьям, которых он потерял... У адыгов есть пословица, смысл которой заключается в том, что у хорошего отца не вырастает хороший сын. Его старший отпрыск очутился в банде, и поделники по какой-то причине расправились с ним. А второй сын пристрастился к выпивке и пил беспробудно. Это стало причиной его преждевременного ухода из жизни – ночью попал под машину...

Аллах знает, наверное, что он в последний раз видит свою квартиру и старый двор. Вряд ли ему суждено еще раз вернуться. И зачем возвращаться, когда ни в доме, ни в окрестных многоэтажках не осталось никого из приятелей. Не с кем беседовать по душам. Все старики ушли туда, откуда не возвращаются. В селе ему будет легче. Неподалеку от дома, в соседнем квартале, живут двое участников войны. Он даже в одно время сидел с ними в немецком лагере. Правда, одного из них недолюбливал, тот был злым, двуличным, своенравным человеком. При встречах холодно держался с ним...

Вот и все. Он оставляет навсегда родное гнездо, где он видел, пережил много радостей и горя. Хватит жить в городе. Что ни говори, после войны переехал сюда и с тех пор обитает в столице. Но в первые годы много скитался по чужим углам. Нынешнюю квартиру получил не так уж давно, лет тридцать назад. При этом не забросил усадьбу отца. Если не считать зимы, каждые выходные он выезжал в родное село Жанхотхабль и трудился в саду. Ухаживал за деревьями. Но в последние три-четыре года оставил любимое занятие. Силы были уже не те. И заключил устное соглашение с соседями-родственниками. Они взяли полностью на себя уход за садом. Урожай делили поровну.

Уже несколько лет, как снесли старый неприглядный отцовский дом. Когда справляли его 75-летие, глава района обещал Зурабу построить новый. И вправду, за год с небольшим во дворе был выстроен добротный, не очень большой дом. Но дело не сразу довели до конца. Лишь недавно дом был достроен благодаря гостившему у него крупному фабриканту-адыгу из Турции. На его средства.

Вот и все. Сегодня он оставляет городскую квартиру. Но все же не исключено, что иной раз будет наведываться сюда. Ведь квартиру он оставляет дочери. Когда ее старший сын женится, приедет на свадьбу. Если... если, конечно, доживет до той поры.

– Тха, ты уже перебарщиваешь, старый, – крикнула ему жена, – уже давно наш скарб отвезли в село.

Зураб медленно направился в сторону ожидавшей его машины.

До того как решили навсегда возвратиться в село, супруги обсуждали этот вопрос долго. Иной раз они не решались так запросто переехать к родному очагу. Но в конце концов Зураб, слывший всю жизнь волевым человеком, настоял и назначил день отъезда. Когда он написал заявление об уходе с работы, и министр культуры, и руководство родного театра отговаривали его от этого шага. Они говорили, что театр без него осиротеет, что люди приходят на спектакли в основном из-за него. Но он ни в какую. «Если посчитаете нужным, чтобы я непременно участвовал в каком-то спектакле, – сказал он, – Жанхотхабль расположен не за семью реками. Найдете меня».

...Когда супруги приехали в село, грузовая машина с вещами была разгружена. Дочь уже распорядилась – соседские парни помогали занести вещи, посуду в дом. Когда распространилось известие о том, что Зураб с супругой переехали в село, сразу же родственники, соседи начали заходить во двор. Вместе с мужчинами, пришедшими поздравить его с возвращением к родному очагу, Зураб сел на скамейку, расположенную под орешником, и начал обсуждать сельские новости. Сидели долго. Потом встал старший из гостей и сказал: «Вы с супругой, конечно, устали с дороги, вам надо отдохнуть».

Как только соседи и родственники покинули двор, к Зурабу подошла невестка его старшего брата, ближайшая соседка.

– Шунах (так она звала старика), вы с наной проголодались с дороги, пойдемте, перекусим.

– Валлахи, можно и поесть, – встал Зураб. – Пошли, старая, посмотрим, что нам приготовила Дыганах¹.

Когда Зураб вошел в дом, за маленьким столиком сидел ее дошкольного возраста внук и снимал кожуру с вареной картошки.

– Тха, этот мальчик не хочет есть джедлибже¹. Он так любит рассыпчатую картошку с сыром, другого ему не надо.

Когда Зураб увидел в руках пацаненка большую картофелину, на мгновенье замер. В его памяти сразу всплыл эпизод военной поры, когда картошка спасла его от лютого голода.

– Дыганах, – сел Зураб, – дай мне тоже одну картошку, если есть.

– Есть, конечно, но... не лучше ли джедлибже?

– И джедлибже тоже покушаю...

Покинув дом родственника, Зураб зашел к себе в дом и прилег, сказав жене, чтобы его не беспокоили.

Почти несмолкаемые автоматные очереди со стороны противника не дают поднять голову. Даже если встанешь, бежать некуда: вокруг только одна степь. Когда большую группу новобранцев, среди которых был Зураб, вели в сторону фронта, будто свалившись с неба, путь им преградили немцы и стали поливать свинцом. Большая часть, наверно, погибла. Когда стрельба немного стихает, командир сзади кричит бешено: «Вперед!» Куда это «вперед», большинство без оружия. «Вперед» – это

1 Блюдо из курицы (каб.)

шаг навстречу неминуемой гибели. Многие послушались командира, и все, кто побежал, полегли как один. В конце концов, часа через два, все стихло. У наших, кто был с оружием, закончились боеприпасы. Через некоторое время со стороны немцев кто-то кричит на русском: «Если хотите остаться в живых, с поднятыми руками идите в нашу сторону. Мы вас покормим. Не хотите – всех перебьем». Немного осталось в живых из новобранцев. Может быть, сотня, полторы. А было их не менее пятисот. Из офицеров и других кадровых военных в живых уже никого не было.

Жить-то хочется. И сперва двое-трое с поднятыми руками пошли навстречу немцам. И Зураб тоже примкнул к ним...

Группу вели пешком через занятые фашистами города и села. Из одного лагеря в другой. Иной раз не кормили целыми днями. Многие поумирали в дороге. Через много дней пленных из ростовских земель доставили до какого-то большого города, что на Украине, и погрузили в эшелоны.

Лагерь на немецкой земле, куда их привезли, был переполнен, и вскоре группу пленных с Кавказа перевезли в Польшу.

Когда их устроили в лагере отдельно, начали кормить три раза в день. Правда, еда была в основном баландой – из картошки и листьев свеклы, но голодные молодые люди ели с большим аппетитом.

Пленников гоняли целыми днями, обучали азам военных действий. Учили метко стрелять из пистолета, автомата. Сперва Зураб не понял, для чего немцы возились с ними, но потом один из поваров, тоже пленный, на ухо нашептал ему, что их хотят противопоставить своим, советским войскам.

Со временем, примерно через год, узники лагеря получили большую свободу. Специалистов разного направления – инженеров, строителей, плотников да и крепких физически парней – увозили на разные работы. Каждый день на территорию лагеря приходили и гражданские, и военные люди и забирали определенное количество рабочих рук. А вечером приводили обратно. Потом начали забирать на несколько суток. В общем, начальник лагеря и старший охранник на свое усмотрение, видимо не задаром, отдавали людей в аренду. И Зураб несколько раз попадал в число тех, кто трудился на ферме. Более того, некоторым из пленных иногда перепали деньги, на которые они, в свободные от учений дни выходя из лагеря, покупали еду и курево. Охранники на это закрывали глаза. Может быть, их считали своими, так как все были уже одеты в немецкую форму.

Жизнь в лагере шла размеренно, люди привыкли к режиму. Но однажды привезли новую партию с Кавказа. В этот день пленные сидели без дела. Погода была ненастной. «Может быть, среди них есть кто-то из Кабарды?» – подумал Зураб и, приблизившись настолько, насколько разрешил ему один из конвоиров, начал всматриваться в лица измученных голодом и долгой дорогой людей. Пленных выстроили в несколько рядов, и офицер с переводчиком, подходя к каждому, спрашивал: «Коммунист?»

Конечно, никто не сознавался, что состоял в рядах партии, но если таковые каким-то образом обнаруживались (Зураб был свидетелем такого случая чуть раньше), их сразу же выводили за лагерь и расстреливали.

Всматриваясь в лица пленных, Зураб оживился: среди них он увидел несколько односельчан. Даже троих бывших одноклассников. Был с ними и Хажби, которого он не выносил. Теперь есть с кем поговорить по душам на родном языке. Вот радость-то!

Когда вновь прибывшим пленным сказали, чтобы они заняли места в бараках, Зураб подбежал к односельчанам и обнял их. Вечером перебрался к ним со своей постелью. И после ужина целый вечер они рассказывали друг другу, как их забирали на фронт, каким образом попали в плен.

А уже после того, как легли спать, Мажид шепнул ему на ухо:

– Хажби нельзя доверять. Мы подозреваем, что, когда попали в плен, он выдал одного коммуниста и того расстреляли. Он знает, что ты член партии?

Услышав такой вопрос, Зураб похолодел.

– Да, знает.

– И что ты будешь делать?

– Не знаю.

В эту ночь Зураб спал плохо. Все думал и думал. А что если и вправду Хажби возьмет да и донесет на него? Тогда все, конец... Ничего другого не остается, надо согласиться с Миколой, украинским парнем, который как-то предложил ему смотаться из лагеря. Он тоже был коммунистом и боялся, что рано или поздно об этом станет известно немцам. Но Зураб не соглашался с ним по одной причине: беглецов обычно задерживали и расстреливали. Притом на глазах у всех узников. Правда, за последний месяц в лагере таких случаев не было. Куда убежишь, если вся округа занята немцами? Но Микола твердил, что он все продумал. Он хорошо владел немецким, но об этом знали лишь несколько его приятелей в лагере.

Утром Зураб подошел к нему и объяснил суть дела: его могут выдать. Микола заметил, что бежать станет легче еще и потому, что их одели в немецкую форму. Договорились, что покинут лагерь завтра, за полночь. Тем более что имелся лаз, через который можно уйти свободно, незамеченным...

В этот день у Зураба все валилось из рук. Его пальцы тряслись, даже не мог в отведенное время зарядить автомат, что раньше проделывал быстрее всех. Из-за этого инструктор-фашист ударил его кулаком в затылок. Когда пришла очередь бросать гранату, эпизод чуть не закончился трагически. Зураб смог бросить ее лишь на десяток метров. Если бы все не стояли за железным ограждением, осколки могли задеть кого угодно. Вот тут-то и досталось ему. Инструктор, взбесившись, долго избивал его ногами, потом заставил бегать вокруг поля, пока Зураб не упал... Да и в лагере его ждал сюрприз: старшему в столовой дали указание, чтобы в этот вечер Зураба не кормили, поскольку он «не заработал» на ужин.

...Ночью у Зураба ныло все тело: ведь немецкий сапог вволю погулял по его ребрам. О том, что они с Миколой покинут лагерь за полночь, знал только Мажид. Он дежурил в столовой и обещал, если получится, принести им что-нибудь из еды на дорогу. Зураб лежал одетый, а Мажид не появлялся. Подождав еще какое-то время, он потихонечку вышел, так как знал, что Микола уже ждет в условленном месте. На пороге его встретил Мажид.

– С едой не получилось, Зураб, – сказал он тихо. – Офицер нынче был зол, ни на шаг не отходил от нас.

– Ну ничего, как-нибудь перебьемся. Если меня с Миколой поймают и расстреляют, расскажешь все моим родным. А вы, чует мое сердце, рано или поздно выйдете отсюда. Ну, давай...

– Дай Аллах вам удачи!

Целый день, почти без отдыха Зураб и Микола скитались по польской земле, занятой немцами. Они шли куда глаза глядят, обходя селения и маленькие города. Беглецам нужен был большой город, откуда, по мнению Миколы, эшелоны отправлялись на восточный фронт.

Больше всего их беспокоила одна мысль: если в лагере узнают, что они ударились в бега, за ними устроят погоню, оповестят все немецкие части, гарнизоны вокруг. Но они все же надеялись, что там спохватятся нескоро: в лагере подумают, что они отданы в аренду и вкалывают у какого-то фермера.

Когда стало смеркаться, недалеко от маленького поселения они увидели большой стог сена. Уж лучше там переночевать, от греха подальше, а то ночью шастать по занятой врагом земле небезопасно. Кто знает, может их случайно увидит гестапо, начнут допытываться... Беглецы вынули из стога несколько охапок, получилась как бы маленькая пещера, и забрались внутрь.

Рано утром, как только забрезжил свет, они продолжили свой путь. Оба были голодны. Особенно Зураб, которого еще позавчера лишили ужина. Второй день тоже не принес успеха: они так и не встретили город или станцию, где могли проходить поезда.

Под вечер беглецы заметили на поле шалаш. Приблизившись к нему с тыльной стороны, они остановились неподалеку. Если там пусто, можно переночевать, а если кто-то находится внутри, у Миколы были заготовлены нужные слова. Как-никак, они в немецкой форме, а шалаш, скорее всего, принадлежит поляку...

В шалаше никого не было. На столе лежали две вареные картофелины. Крупные. Рядом стояло ведро с питьевой водой.

Такая была вкусная картошка! В жизни ничего подобного Зураб не ел. Как жаль, что было всего две картофелины. Зураб, наверное, съел бы целый казан. Запив водой, беглецы улеглись валетом на длинной деревянной доске, что служила сторожу кроватью.

В эту ночь они выспались на славу. Ведь две предыдущие ночи они почти не спали. Да еще свежий ветерок ласкал их тела.

Утром продолжили свой путь. Они понимали, что если долго будут скитаться на чужой земле, дело может кончиться плачевно. К полудню,

наконец-то, заметили вдаль очертания большой железнодорожной станции.

Людей на вокзале было много. Немецкие солдаты садились в длинный поезд. Беглецы вскоре очутились среди огромной толпы. Прислушавшись к разговорам, Микола понял, что состав направляется на Украину. На восточный фронт. Повезло! Они сели в последний вагон. Микола предупредил Зураба, чтобы он все время делал вид, что спит, иначе солдаты, заполнившие вагон, могут подойти и спросить о чем-нибудь. А он по-немецки ни гу-гу.

Примерно через два часа поезд тронулся. Ночью пересек границу Польши, и беглецы очутились на родной советской земле. У солдат было прекрасное настроение: они все время выпивали и пели. Молоды были, лет по 17–19 всем. Они не обращали внимания на двух отшельников, кемаривших все время. Правда, пару раз подходили хорошо поддавшие молодые люди и предлагали присоединиться к ним, но Микола отказывался.

Утром поезд остановился на небольшой станции. Беглецы не знали, конечная это остановка или нет, но когда все вышли из вагона, они последовали за солдатами. Незаметно отошли на приличное расстояние, направились к окраине города. Вот радость-то! Они были на родной земле, но... она находилась в руках фашистов. И надо было держать ухо востро. Никаких документов при них не было, а патруль может подойти и поинтересоваться. Нежелательно было встретиться и со своими. Микола, боевой офицер и командир взвода, знал, что наши не жалуют тех, кто был в плену, могут посадить в тюрьму. Выход был один. Надо было найти партизанский отряд и влиться в него.

Но до этого Николай решил пойти на хутор, где жила его родная тетька, отдохнуть маленько, привести себя в порядок. До хутора, по его расчетам, было далеко. Надо было преодолеть примерно километров триста.

...Три недели беглецы кочевали по украинской земле. Провизию добывали в основном под покровом ночи, с большой осторожностью, на окраинах хуторов. Беглецы были в немецкой форме, и люди безропотно снабжали их, думая, что они фашисты. Ночевали в лесу, на полях, в стогах сена, как это было один раз в Польше.

Однажды, днем неожиданно напоролись на старика, пришедшего в лес за дровами. Убедившись, что он простой сельский житель, не связанный ни с кем — ни с фашистами, ни с партизанами, — беглецы сказали, что ему нечего бояться, они свои, бежали из плена. Старик поведал о положении дел в округе. Оказывается, в этих краях полно немцев, они бесчинствуют, так как партизаны наносят им большой урон. Николай понял, что в немецкой одежде ходить опасно, так как немцы, скорее всего, знают друг друга, и могут их расколоть. Уж лучше в гражданской одежде.

Под вечер старик привез одежду, еду и посоветовал им держаться подальше от поселений.

Опять долгие скитания по лесам, лугам, полям, безлюдным

местам. Скорей бы уже встретить партизан... Но, как назло, ни днем, ни ночью не было видно ни души.

Уже третий день Николай и Зураб не ели. До того они были голодны, измучены долгими скитаниями, что решили войти в первое же попавшееся село и попросить еду. Дальше было невмоготу. И вот в полночь осторожно вошли на хутор, затаились, прислушались и, убедившись, что опасности вроде нет, постучались в окошко крайнего дома. В ту же минуту собака, видимо привязанная, начала отчаянно лаять где-то неподалеку, учуяв запах чужих людей. Из дома вышла женщина. «Чего вам надо?» – «Нам бы поесть немного, мы очень голодные», – еле вымолвил Микола. Хозяйка вернулась в дом, и вскоре на пороге появился внушительного вида мужчина, под два метра, да еще с пистолетом в руках.

– Кто такие? Дезертиры? – И наставил на них пистолет.

– Да нет, що вы? Мы с немецкого плена бежали. С Польши, – еле вымолвил Микола.

– Не рассказывай сказки. Ну-ка, вперед!

Открыл сарай, завел туда обоих.

– И не вздумайте выбраться отсюда. Вам же будет хуже. А завтра разберемся, кто вы такие.

Потом позвал жену.

– Милка, принеси им чего-нибудь поесть, а то, небось, до утра не дотянут эти доходяги.

Через некоторое время женщина принесла нехитрую еду, воду. Потом мужчина запер их снаружи.

Утром, когда хозяин дома открыл дверь сарая, беглецы поняли, в какую беду попали. У мужчины на рукаве была нашивка, которая означала, что он полицей. Надо же такому случиться, видимо, не под счастливой звездой они родились.

– Выходите!

В руках у него был, как и накануне, пистолет.

Дал им по лопате и повел за огород. Там была мусорная свалка. И велел полицей копать им яму.

– А что за яма?

– Не твоего ума дело. Раз я сказал копай, значит копай!

Лицо у Зураба было чернее тучи. А как же иначе? Бежать из немецкого плена, проделать такой огромный путь, и на тебе – попались в лапы полицей. Зря Николай сознался, что они бежали из лагеря. Можно было придумать другую легенду... Вот и все. Собственными руками копает себе могилу. Руки плохо слушаются, сам еле держится на ногах. А здешние полицей жестоки. Не зря предупреждал их старик, приносивший одежду. Говорил, что некоторые полицей лютуют хуже фашистов.

Когда вырыли яму до пояса, полицей повел их обратно во двор. Завел в сарай и запер, предупредив, чтобы сидели тихо и мирно для их же блага. Вскоре жена хозяина занесла им еды и заперла за собой засовы.

Зураб и Микола гадали, чего же хочет от них полицай. Может, намерен сдать их гестаповцам, которые, видимо, часто устраивают облавы? А для чего тогда рыть яму? Вопросов было много, да только ответов не могли найти.

Ночью беглецы услышали крик, бешеный лай собак на хуторе. Вскоре шум стал приближаться. Николай понял, что во двор вошли немцы. Он уловил часть разговора, глядя на них через щель. Во дворе было двое немцев с собаками. Хозяин встретил их. Один их фрицев спросил: «Что-нибудь слышно про партизан?» – «Найн, найн!» – замахал огромными ручищами полицай. Одна из собак отчаянно рвалась с поводка, тащила за собой хозяина в сторону сарая. «Чего это ты беснуешься? – прикрикнул на нее фашист. – Может, в сарае кто-то прячется?» – «Ну ты сказал, – засмеялся другой, – чтобы полицай спрятал у себя партизана? Видимо, кошка забежала в сарай, увидев собак... Пошли, нам еще другие дворы обходить надо».

Хозяин подошел к ним.

– Пойдем в дом. Покушайте, горилка есть.

– Может, зайдем? – спросил один немец другого.

– Да некогда сегодня. В другой раз.

Когда во дворе стало тихо, у Миколы отлегло от сердца. «Интересно, почему полицай не выдал нас немцам?» – спрашивал он Зураба. Может, он работает на советских?

Утром ни свет ни заря хозяин открыл дверь. Дал в руки лопаты, велел следовать за ним. Остановились возле ямы. Хозяин начал подробно расспрашивать их. Беглецы рассказали все по порядку.

– Я не по своей воле стал полицаем, – сказал хозяин. – Хотите верьте, хотите нет, с тех пор, как я работаю, ни один человек не пострадал из моего хутора... Вы слышали, как ночью во двор заходили фрицы? Почти каждый вечер такая картина. Вы могли попасть им в лапы, но на этот счет у меня была своя легенда. Так что я не дал бы вас на съедение этим псам. Вот что, друзья, пока не стало светло, уходите в лес. Но осторожно. Там во многих местах, правда в основном на подступах, фашисты устраивают засады. А в лесах, если зайти вглубь, есть несколько мелких отрядов. Там вам будет лучше. Желательно, чтобы по одному, а не вместе, ушли на поиски партизан. Если вдвоем попадетесь, шансов спастись будет меньше. Если вдруг, не дай бог, вас схватят, скажете, что вы дезертиры, не хотели воевать... Ну, с богом!

...Зураб долго бродил по лесу. Однако не было слышно ничего, кроме щебета птиц да треска сучьев. К полудню он так устал, что еле передвигал ноги. От жары клонило в сон. Выйдя на какую-то поляну, прилег на травку. Над головой гордо парил одинокий орел. О, если б он смог так же летать, то давно очутился бы в родных местах. Навестил бы свою черноглазую красавицу с волосами как смоль... Она была намного моложе его. Ей было лет семнадцать, не больше. Когда уезжал на фронт, накануне ночью тайно навестил ее и спросил напрямик: «Ты будешь ждать меня?» Девушка ничего не ответила, сверкнула глазами и забежала обратно в дом...

– Руки вверх!

Открыв глаза, Зураб увидел перед собой двух заросших густыми бородами людей с автоматами. Партизаны отвели его в глубь леса, заставили пересказать свою историю заново. И Зураб оставался с ними до тех пор, пока не очистили Украину от немцев. Правда, его не посылали в разведку, он не участвовал в стычках. В основном из-за того, что заболел. Но он не бездельничал. Рисовал карикатуры на Гитлера, которые партизаны иногда вывешивали на деревьях, на видных местах, где проезжали фашисты.

...Когда Зураб открыл глаза, солнечные лучи баловались на стене. Жануся была в другой комнате и с кем-то говорила по телефону. Услышав скрип кровати, она заглянула к мужу:

– Как никогда, ты сегодня спал долго.

– Валлаги, Ляпа, если я один раз сладко спал в жизни, то сегодня это случилось второй раз.

– Тха, я тоже спала хорошо, только пару раз проснулась.

Прошло три месяца с того дня, как Зураб переехал в село из города. И вот однажды неожиданно во двор зашла дочь со своими двумя сыновьями.

– Ты посмотри на них! – обрадовался старик и обнял внуков. – Почему вы до сих пор не навестили нас? Вам дада и нана уже не нужны?

– Тха, если б не экзамены у старшего... – положила Нафисат сумку на скамейку. – Ты как себя чувствуешь, дада?

– Как видишь, хорошо. Дай бог каждому старику моего возраста такого здоровья, что у меня.

– Тха, выглядишь ты гораздо лучше, чем несколько месяцев назад.

– А как же! Здесь воздух чистый, тишина. Дня три-четыре как посетил места детства на берегу Черека, вдоволь нагулялся. Даже словами не выразишь, какое удовольствие получил.

– Это хорошо, что ты наслаждаешься здешней жизнью.

– Как с экзаменами?

– Все сдал. Теперь скоро начнем готовиться к поступлению в сельхозакадемию.

– Значит, на агронома-садовода?

– Да. О другой профессии и слышать не хочет.

– Это очень хорошо! Лично я рад такому решению. Поступит, окончит академию и придет работать в село. У нас же в колхозе огромный сад! Если доживу до этого, хорошо, не доживу – так мой дом завещан ему, старшему.

Дочь ничего не ответила отцу.

– А младший? В какой он класс перешел?

– В восьмой. Говорит, что каникулы хочет провести здесь.

– Так это же прекрасно! Мы так скучаем по внукам.

– А где мама?

– Она еще вечером поехала в Докшукино – сестру больную проведать. Когда уходила, сказала: чует мое сердце, завтра должны приехать дочь с детьми. Наверно, скоро прибудет.

Нафисат разогрела еду и накормила сыновей. Зураб не хотел, сказав, что не так давно перекусил. Солнце припекало так, что невозможно было делать какую-то работу по дому. Можно было только сидеть в тени.

– Иди сюда, Нафисат, здесь не так жарко.

Дочь вышла из дому и встала возле отца.

– Ты садись рядом, не стесняйся, здесь только мы с тобой.

Нафисат присела рядом с отцом.

– Куна, мне кажется, тебя что-то беспокоит. Лицо почему-то задумчивое.

Дочь не сразу откликнулась на его слова.

– Да ты выскажись. Нельзя тоску держать в себе – она как тяжелый камень на сердце давит. Ты поделись ею, и на душе станет легче.

– Хотела, чтобы мама тоже рядом была, но раз ее нет... Не знаю, как ты примешь то, что услышишь, но я не день, не два думала об этом. Выскажусь коротко, не буду терзать тебя. В общем, я не хочу, чтобы мои дети носили фамилию бывшего мужа. Ничего не хочу от этого рода – ни денег, ни богатств, никакого имущества. Не так давно на базаре одна пожилая женщина спрашивает меня: «Я тебя знаю, но не могу припомнить, где именно виделись с тобою. Чья ты сноха?» Когда я назвала фамилию мужа, у нее настроение мгновенно переменялось. «А-а, – говорит, – ты, значит, сноха одного из сыновей Хаждаута. Какой позор совершил его младший сын, это уму непостижимо. Ну разве можно убить продавщицу за то, что она не дала в долг бутылку водки? Аллах все видит. Не зря его убили в тюрьме, и правильно сделали...» Не дослушав ее, поспешила с рынка... Я справлялась в ЗАГСе на этот счет. Мне сказали, что если дети согласны, я могу поменять фамилию. Вот нынче, дада, начали менять паспорта. Если ты согласен, я хочу поменять фамилию на твою.

Услышав это, старик не смог сдержать слез. Через некоторое время спросил у дочери:

– А мальчики? Они согласны?

– Конечно! А почему им не быть согласными? Ничего хорошего от своего отца они не видели. Ни одного доброго слова не слышали. Это еще ничего, сколько раз им доставалось от него, сколько раз вынуждены были прятаться от него, пока он, пьяный, не засыпал. Ты думаешь, они забыли все это? Их отцу, кроме выпивки, ничего не было нужно.

Какое-то время они сидели молча. Потом Зураб встал.

– Что-то спина заныла. Пойду-ка я, полежу малость.

Едва Зураб услышал радостный возглас жены, вернувшейся под вечер, тут же встал и вышел из дому. Жануся не могла нарадоваться внукам. Обнимала их поочередно.

– Питуна, – позвал младшего Зураб, – пойдика поймай вон того петуха, что копошится в загоне. Сегодня у нас большой праздник.

Зарезав петуха, старик подошел к жене и дочери, сидевшим на скамейке.

– Давайте, Ляпа, вставайте и готовьте гедлибже, жамуко и еще что-нибудь свежее. И одну из бутылок достань. Ту, что с портретом Сталина.

– Интересно, а с кем ты хочешь пить?

– Хочу посидеть со сверстниками, стариками.

– Тебе же нельзя спиртное. Разве забыл – во время юбилея пару рюмок выпил и три дня потом валялся на койке.

– Ну, не обязательно пить. Пусть стоит на столе.

– А почему именно сегодня ты решил?

– Сегодня особенный день, Ляпа! Когда утром моя правая бровь зачесалась, я понял, что услышу радостную весть. Сегодня я чувствую себя молодым, словно двадцатилетним парнишкой.

– Да что за весть?

– Аллах вернул нам сыновей!

Жануся, ничего не поняв, поочередно смотрела то на мужа, то на дочь.

Когда Зураб объяснил ей суть дела, она села на скамейку и начала громко всхлипывать.

– Чего ты устраиваешь поминки? Радоваться надо! – присел рядом Зураб.

Некоторое время они сидели молча.

– Знаешь, Ляпа, – начал тихо Зураб, – скажу честно: раньше я особо не верил в Бога. Сама знаешь – советская пропаганда. Теперь я ничуть не сомневаюсь, что всем миром правит Аллах. Он всемогущий. Отнял наших сыновей и вот... вернул. Теперь, когда помру, не надо меня оплакивать, даже можно похоронить под веселый марш. Есть кому взяться за носилки, на которых меня понесут на кладбище: Уардагушев Мурат, Уардагушев Хасан... Знаешь, о чем я в последнее время думаю, Ляпа? Может быть, Аллах отнял наших сыновей из-за того, что они не были достойны своих родителей?

– Ты так не говори, Шунах. Если мы с тобой не могли воспитать их нормально...

– Дело не в этом. Если не суждено, если на лбу не написано, человека никак не воспитаешь нормальным. Ну вот, смотри на сыновей Куны – золотые ребята, они не станут плохими людьми.

Старики замолкают.

– Оглядываясь назад, на восьмидесятилетний путь, сознаю, что я, конечно, совершил немало ошибок, – как бы про себя тихо начал Зураб, – но я больше всего сожалею о том, что не совершил хадж. Эта мысль не отпускает меня с тех пор, как мы переехали сюда. Почему я не сделал этого лет десять назад, когда был полон сил? Я и сейчас, да, и сейчас мог бы поехать, но вряд ли смогу находиться в такой огромной массе людей. Ноги могут подкоситься. Для этого нужно хорошее здоровье. Да

и такую жару не выдержит сердце. Наверное, отдам душу Аллаху там. Хоть и говорят, что те, которые помирают во время хаджа, прямиком попадают в рай, я предпочитаю окончить свои дни на родной земле, чтоб меня похоронили здесь, где родился.

Зураб увидел, что дочь выходит из дому, встал и направился в ее сторону:

– Ну что, Куна, скоро?

– Гедлибже уже готово. А жамуко – дело пяти минут.

Старик подозвал к себе младшего внука, стоявшего у ворот:

– Питуна, иди-ка сюда.

Мальчик подбежал к нему.

– Ты же знаешь, где живет Мажид? Я как-то посылал тебя к нему.

– А-а, да, вон туда, наверх, где зеленые ворота.

– Молодец, запомнил. Так вот, иди к нему и скажи, что я зову его вместе с Хажбием. Они соседи. Не забывай: вместе с Хажбием.

– Хорошо, дада, я сейчас!..

– А Хажбия зачем зовешь? – подошла Жануся. – После того, как он поступил так с тобой... Да и когда мы сюда переехали, он с другими стариками заходил, а ты вообще не стал говорить с ним, только холодно пожал руку и все.

Нет, Зураб не забыл... По вине Хажбия он мог загреметь на десять лет в тюрьму. Когда односельчан, побывавших в немецком плену, допрашивали в НКВД, ни с того ни с сего Хажбий брякнул, что в лагере к ним присоединился и Зураб. После этого сколько раз его вызывали в органы! Все время мучили одним вопросом: «Почему ты скрывал, что был в плену у немцев?» А он твердил, что об этом его никто до сих пор не спрашивал. Ему не помог бы даже и документ, выданный в партизанском отряде, получил бы на полную катушку, если бы не начальник НКВД. Он помнил, что Зураб отменно играл в довоенных спектаклях и прекрасно исполняет адыгские народные песни. Когда дело дошло до него, сказал: «Разве можно сажать такого талантливого человека?» И с тех пор его не беспокоили.

– Хажбия зачем зову? – обернулся Зураб к супруге. – Ничего, ради такого дня пусть посидит с нами. Он тоже человек...

Перевел Н. Константинов

Саимат БЕРЗЕК-КУМЕХОВА

ТАЙНА СЕРЕБРЯНОГО ПОЯСА

Рассказ

Самым близким для меня человеком и настоящей матерью стала моя тетя по отцу – Куна-нана. Она помогала мне и когда я училась в школе, и в колледже, и вообще, везде и всюду. Я не могла дождаться ее возвращений из Москвы, куда она часто уезжала по служебным делам. Восхищаясь ее умом, грамотностью и ее бесконечной заботой о нас с папой, я всегда была благодарна ей, уважала все ее решения и сильно ее любила. Как-то случилось так, что я не видела Куну-нана почти полтора месяца и с нетерпением ждала ее возвращения. Наконец она вернулась, и я ее уговорила остаться у нас на ночь, чтобы рассказать о тайне, которую мне удалось раскрыть, и что эта тайна связана именно со мной, с моим отцом и с еще одной немолодой женщиной.

– Что же это за тайна у тебя? – с улыбкой спросила моя нана-Куна.
– Не может такого быть, чтобы у твоего отца – моего брата – были бы какие-то тайны, которые он скрывает от меня.

– Может, еще как может! – горячо возразила я. – Поначалу я и сама не верила в эту тайну, пока не увидела все своими глазами. Моя любимая нана-Куна, я столько размышляла и чего только не пережила за полтора месяца. Так послушай, что я тебе расскажу. – Обняв ее, я начала свой рассказ:

– Весной в нашу кардиологическую больницу, где я работаю, была доставлена очень красивая женщина, седовласая, с ухоженной белой кожей, с правильными чертами лица. Ее привезли на машине «скорой помощи» без сознания и без сопровождения родственников. По оценкам врачей, состояние ее было тяжелым. Но после интенсивной реанимации и в ходе лечения, к великой нашей радости, ей стало значительно лучше.

Человеческая натура такова, что если кому-то очень плохо и ты видишь, как вдруг на твоих глазах происходит чудо и этот человек оживает, ты безотчетно радуешься его удаче, как своей. Я радовалась и одновременно гордилась возможностями и умением наших врачей, которые вернули ее к жизни, и безмерно была счастлива, каждый раз видя ее очаровательную улыбку, при том что у нее всегда были очень грустные глаза.

Временами у меня появлялось огромное желание поговорить с ней, узнать, почему никто из родных не приходит к ней и почему в

ее глазах столько грусти и скрытой боли. И никогда не могла бы себе представить, что ее боль и грусть как-то коснутся нашей семьи.

В канун майских праздников стояла хорошая погода, все вокруг расцветало, яркое солнце поднимало настроение, и женщинам тоже хотелось быть яркими и красивыми. В хорошем настроении я сделала себе макияж, надела лучшее свое платье, подпоясалась кожаным ремнем с серебряной пряжкой и, радуясь весне и жизни, пошла на работу.

Поздравив всех своих коллег, я принялась обходить палаты, забежала и к грустной и одинокой Альсурат (я уже знала ее имя), чтобы поздравить с майскими праздниками.

Когда я вошла в палату, заметила высокий и стройный силуэт на фоне окна. Услышав мое приветствие, женщина обернулась, но так и осталась стоять, словно замороженная, забыв даже ответить на приветствие. Затем, ничего не слыша, Альсурат подошла ко мне и попросила, чтобы я сняла мой потрясающий массивный пояс, который виднелся в просвете распахнутого халата, брошенного поверх платья.

– Там, на обратной стороне пряжки должны быть выгравированы буквы, – словно отвечая немому удивлению в моих глазах, едва слышно произнесла она.

Я сняла и отдала ей пояс. Как только Альсурат увидела надпись, руки ее дрогнули, глаза наполнились слезами, и она так же тихо спросила:

– Откуда у тебя этот пояс, где ты его взяла?

– Мне подарил его отец, в прошлом году, когда мне исполнилось двадцать... а на пряжке – мои инициалы.

– Кто твой отец, скажи мне, пожалуйста?!

Я назвала фамилию моего отца, имя и отчество, прибавила к этому, что он полковник милиции, и некоторое время ждала ее объяснений. После минутного замешательства, тихо, словно ее оставляли силы, женщина сказала:

– Я не знакома с твоим отцом... как жаль, что я его не знаю... – пояс выпал из ее рук, она, не договорив, рухнула на пол без сознания.

Обвиняя весь белый свет, себя, отца, Альсурат, медсестер, врачей, я снова препроводила ее в реанимацию, и потом, в течение дня, в каждую свободную минуту бегала узнавать о ее состоянии. Но к концу моей смены она так и не пришла в себя.

После дежурства я прибежала домой. Отец сидел на кухне и спокойно завтракал. Я не знала, с чего начать разговор, ибо все-таки подозревала своего отца в каких-то связях с Альсурат, и сомневалась, захочет ли он рассказывать об этом. Налив ему и себе чаю, подседа к столу, положила рядом пояс с серебряной пряжкой и как бы невзначай спросила:

– Папа, скажи, пожалуйста, сколько сейчас могут дать денег за этот пояс? Это же настоящий антиквариат!

– Он бесценный, и продавать его нельзя. Не смей!

– А за сколько ты его купил? – продолжала я беспечным тоном. – Может, помнишь: когда и где?

Отец недовольно поморщился.

– Что за неуместный допрос? Я его не покупал. Мне подарили этот пояс за спасение одного мужчины и его двоих детей... это было в восьмидесятых, на горной дороге произошла авария и люди упали в пропасть.

– Ужасная история. А что случилось с его женой? Папа, ты знал ее? А может быть, вспомнишь ее фамилию? Хотя бы, с какой буквы начинается. Случайно, не с «Б», как наша. А имя? Не начинается ли оно на «А», так же, как и мое?..

– Его жена погибла на месте происшествия. Я своими глазами видел ее безжизненное тело. Сколько лет прошло с тех пор. Нет, я не помню ни имени той женщины, ни фамилии. Но скажи мне, почему тебя это так интересует? И зачем тебе понадобились деньги?

– Да потому, папа, что вчера в кардиологии одна пациентка чуть не умерла, увидев на мне этот пояс. У нее был сердечный приступ. Она сейчас в реанимации. И такое вот странное совпадение: ее инициалы – Б. А. – точно как у меня.

– Постой, это действительно какое-то странное совпадение, может ли такое быть... – Отец задумался, взгляд его стал напряженным. – Этот пояс был найден на месте происшествия в горах, рядом с придорожным камнем, – вслух рассуждал он, – и вполне возможно, что когда-то принадлежал вашей пациентке.

– Но как же так, папа? Почему тогда не узнали, чей он, почему не искали? – взволнованно спрашивала я.

– Ты, дочка, спроси ее об этом сама, когда она поправится. И если действительно эта вещь принадлежала ей... нам придется ее вернуть. Я тогда дал слово вернуть пояс, если объявится его владелец. – Отец поднялся из-за стола. – И прошу тебя, больше не спрашивай меня об этом. Поверь, мне очень тяжело даются эти воспоминания... – Не сказав больше ни слова, он вышел из кухни.

Я знала характер моего отца и была уверена, что ничего от него не добьюсь. Но эта история сильно заинтриговала меня, я не могла дожидаться очередной смены, молила бога, чтобы Альсурат поскорее поправилась, надоедала врачам, дежурившим в реанимации. Но долгие дни ожидания сменялись такими же, за дежурством тянулось другое, а состояние Альсурат по-прежнему оставалось тяжелым, она была в состоянии комы.

В тревожном ожидании я не могла направить свои мысли на что-нибудь другое, искала в библиотеках книги на исторические темы, пыталась найти людей, кто хоть как-то соприкасался с золотом и серебром старинного производства. Мне удалось выяснить, что мой пояс действительно не простой, и сделал его – в следование старинной черкесской традиции – из кожи и серебра с чернью и инкрустировал драгоценными камнями великий мастер по имени Дыжиноко Малил в прошлом веке по особому заказу.

К концу мая все мои мысли и занятия были связаны только с моим поясом и с единственным именем – Альсурат. Сама удивлялась своей одержимости и неустанно продолжала поиски того, что могло бы пролить свет на эту историю.

В книгах я нашла тамгу и родовую фамилию Альсурат. Она принадлежала к очень знатному и известному кабардинскому роду. Но почему она всегда одна? А что если все-таки это не ее девичья фамилия и Альсурат записана по фамилии мужа, если таковой существовал в ее жизни? У меня возникало множество вопросов, на которые я не находила ответов. Есть ли у нее дети? Кем она работала, есть ли у нее профессия?

Я упорно верила в возвращение Альсурат к нормальной жизни, ждала, как если бы это был самый близкий и родной мне человек. Бегала в реанимацию по десять раз в день, а когда была не моя смена, сидела на телефоне, постоянно справляясь о состоянии Альсурат.

В начале июня рано утром я позвонила в больницу, и мне сообщили, что больная открыла глаза и потихоньку приходит в сознание. Хотя этот день не выпадал на мое дежурство, я, окрыленная вестью, помчалась в кардиологию и попросилась ухаживать за ней, заверив главврача, что Альсурат – моя родственница.

После недели поддерживающей терапии ее перевели в обычную палату, и теперь я свободно могла общаться с ней. С каждым днем я все больше и больше привязывалась к Альсурат, к ее спокойному тихому голосу, к ее очень приятной внешности, к ее печальным зеленовато-серым глазам. От нее исходило такое тепло, что мне иногда хотелось прижаться к ней и думать о моей покойной матери. Я даже иногда находила какое-то сходство между моей матерью и Альсурат. Мне хотелось задать ей миллион вопросов, но я сдерживала себя, щадя ее здоровье и боясь, что она еще раз упадет и умрет, и с нетерпением ждала, когда она окрепнет или, может быть, сама заговорит о серебряном поясе.

Мало-помалу все мои коллеги поверили, что Альсурат действительно моя родственница, хотя никто из них не подозревал о том, что же меня так сильно привязало к ней и что мой серебряный пояс чуть было не отправил ее на тот свет, и эту мою тайну я скрывала от всех.

Однажды моя подруга и сменщица Таисия подошла ко мне и показала старое фото с артистами какого-то национального танцевального ансамбля. Она сказала, что в том ансамбле танцевала в молодости ее очень знаменитая тетя и, что меня совершенно ошеломило, на этой же фотографии изображена моя родственница Альсурат. Снимок, по ее словам, был сделан после выступления в Москве. Не веря своим глазам, я выхватила фотографию из рук подруги. Значит, Альсурат – бывшая артистка танцевального ансамбля, поэтому в ней и эта стать, и изысканность в движениях, и ухоженная красота.

– Ты показывала Альсурат эту фотографию? – спросила я Тасю.

– Еще нет, но хочу показать...

– Нельзя ей это показывать!

– Почему нельзя?

– Потому что воспоминания ее сильно волнуют, и с ней может случиться инфаркт. Я показала ей мой старинный серебряный пояс, и ты сама знаешь, что после этого случилось. Оказывается, в молодости у нее был точно такой же пояс. Я чуть не убила ее невольно, прошу тебя, забери и никогда не показывай ей это фото.

– Если она участница ансамбля и если она на этом фото... – задумчиво произнесла Таисия, но я ее перебила:

– Значит, она тоже была тогда в Москве и, возможно, у нее тоже сохранилась подобная фотография. Но зачем ей воспоминания и инфаркты. Дай-ка, взгляну еще разок. – Я снова взяла снимок в руки и стала всматриваться. – По-моему, здесь она даже в том серебряном поясе... Да, сомнений быть не может – это тот самый пояс.

Теперь меня распирало любопытство: где и когда она могла приобрести такой же серебряный пояс, как у меня. И почему, увидев пояс, Альсурат получила второй инфаркт? А что скрывает от меня отец? Почему ему так неприятно говорить о поясе? Вопросов было слишком много, и я едва сдерживала желание поговорить с Альсурат о моем... или же о двух очень похожих поясах?

В кардиоцентре появилась симпатичная белокурая женщина. Подойдя к нам на посту медсестер, она спросила, как ей найти Альсурат, и представилась – ее фамилией. Я сразу вызвалась проводить ее в палату, где лежала Альсурат, предположив, что женщина с такой же фамилией вполне может оказаться ее дочерью. Предположение подтвердилось, когда посетительница заявила, что хочет немедленно забрать свою мать с собой в Москву. Меня эта новость озадачила: как поступить с поясом? То ли просто отдать его, то ли попросить Альсурат рассказать о том, что связывает ее с моим отцом и с моим поясом.

Мои сомнения разрешились неожиданно просто: лечащий врач сказал, что в данный момент дочь Альсурат не может забрать ее из больницы. А потом я узнала, что и сама Альсурат не хотела ехать с белокурой женщиной, Мариной, и что она ей вовсе не родная дочь, а воспитанница, хотя и носит ее фамилию.

После долгих раздумий и колебаний я решила: в воскресенье, в следующее мое дежурство, непременно подарю Альсурат серебряный пояс, и если он действительно принадлежит ей, она обязательно расскажет его историю. Но, с другой стороны, если эта вещь не ее и она не примет моего подарка? Или, в любом случае, так же, как и мой отец, ничего рассказывать не станет? Но... но в пятницу, зайдя вечером в палату к Альсурат, я чуть было сама не получила инфаркт. На тумбочке у ее кровати лежал серебряный пояс, совершенно неотличимый от моего. А рядом с Альсурат сидел огромный мужчина с седыми усами и в военной

форме. Я обомлела. Потом, придя в себя, развернулась, чтобы уйти, но Альсурат ласково попросила:

– Не уходи, моя деточка! Я прошу тебя, задержись на минутку.

Позволь представить тебе генерала...

Усач вмешался и сам завершил фразу:

– Просто генерал.

– А это моя медсестра... – снова начала Альсурат.

– Просто медсестра, – вставила я в тон генералу и пошла к двери.

– Деточка, прошу тебя, не уходи! – повторила Альсурат. – Сейчас, в присутствии вот этого генерала, я хочу сделать тебе подарок от всей души... Этот пояс действительно мой, но ты по праву должна владеть им, ты заслуживаешь его. – Она взяла с тумбочки серебряный пояс и, попросив меня пока помолчать, надела его поверх моего белого халата.

– У меня есть точно такой же, дома, – попыталась я объяснить, но тут в разговор снова вступил усатый генерал:

– Извините меня, но, похоже, что у вас дома вы уже не найдете точно такого серебряного пояса.

– Именно такой, они похожи как две капли воды!

– Не может этого быть!

– Почему не может, если не верите, спросите у Альсурат, она меня один раз уже видела здесь, в палате, в серебряном поясе. Ведь правда?

– Правда, – сказала Альсурат.

– Правда-то правда, да с кривдой, – усмехнулся генерал и встал со стула. – Мне уже пора, дела ждут. Всего вам доброго! Извините, если что не так. Мы очень долго искали вас, – сказал он Альсурат. – И я очень рад, что все-таки нашли.

– Спасибо вам огромное, – поднялась и Альсурат. – Вы возвратили мне очень дорогую память. Еще раз благодарю вас, – повторила она, провожая усатого генерала из палаты.

«Что связывает Альсурат с этим генералом? – с некоторой досадой думала я. – Она с ним на «вы», значит – он чужой человек... может, бывший муж? А откуда взялся точно такой же пояс, как мой?..»

Как только за посетителем закрылась дверь, я не сдержавшись, спросила у Альсурат:

– Это ваш родственник?

– Нет, деточка. Просто хороший человек. Случилось так, что он стал невольным свидетелем моих жизненных перемен и значительных потерь, это было в восьмидесятых, тогда я потеряла и свой серебряный пояс – в горах вблизи Кисловодска. И тогда же судьба подарила мне двоих детей.

«Как это подарила двоих детей? – недоумевала я, а потом от внезапной догадки пришла в ужас: – Двоих детей, которые могут оказаться детьми моего отца?!»

Вот почему отцу было неприятно говорить о поясе. Значит, он бросил моих братьев или сестер, а я росла одна. И никто об этом до сих пор не знал...

Тут моя нана-Куна прервала мой рассказ и спокойным тоном уточнила:

– Но разве Альсурат не сказала, что не знает твоего отца. Если они не знакомы с моим братом, как он мог подарить ей детей? И еще он говорил, что на месте происшествия видел труп той несчастной... Что-то тут не сходится... Да, но что было дальше, продолжай, пожалуйста.

– Хорошо, я продолжаю. Как только генерал-усач вышел из палаты Альсурат, я сняла с себя серебряный пояс и, положив обратно на тумбочку, твердо сказала:

– Альсурат, я не могу принять этот подарок. И не возьму, пока вы не расскажете все, что связывает вас вот с этой старинной вещью.

– Это давняя и долгая история, моя деточка. Я все расскажу, только, прошу тебя, подожди до воскресенья, мне надо кое-что уточнить. А пока не обижай меня и своего отца... Милая, добрая девочка, ты сегодня должна отнести этот пояс домой и показать своему отцу... А потом, как мы договорились, я тебе расскажу все по порядку.

– Поклянитесь, что скажете всю правду.

– Клянусь! – улынулась Альсурат. И я вышла из ее палаты с серебряным поясом.

После дежурства я шла домой и всю дорогу задаваясь вопросом: какой из двух поясов оригинал, а какой – копия? Я не хотела, чтобы мой пояс уступал подарку Альсурат, и была уверена, что именно мой пояс должен оказаться оригиналом. Но почему она потребовала, чтобы я показала ее подарок отцу? Что-то их связывает все равно. Но что? И при чем здесь двое детей? Интересно, они девочки или мальчики?

Когда я пришла домой, папы еще не было. Я решила найти свой пояс и сравнить его с тем, который принесла от Альсурат. Но, странно, сколько ни искала, так и не смогла найти его. Еле дождавшись отца, я спросила с тревогой:

– Папа, ты не видел моего серебряного пояса?

– Видел.

– И где же он? Что-то я не нахожу...

– И не найдешь. Этот пояс больше не принадлежит нашей семье.

– Как так? Ты же сам подарил его мне на день рождения.

– Подарить-то подарил. Извини, но я уже говорил тебе, что дал слово, а это дороже всего. Пояс я отдал тому генералу, который когда-то вручил мне его как поощрение. И, наверное, он уже вернул пояс владелице – вашей пациентке. Этот пояс был сделан по заказу ее отца. Поняла?

– Когда же ты успел его отдать?

– Вчера утром.

– Мог бы и меня поставить в известность, – я обиженно отвернулась.

– Не мог, я опасался, что ты действительно собралась продавать его, и тогда мы с генералом не сдержали бы слова.

Теперь я понимала, что речь идет об одной и той же вещи. Есть один пояс – оригинал, и нет никакой копии. Я вспомнила, что прочитала в какой-то книге: кабардинские мастера по серебру и золоту никогда не повторяли

своих работ и не позволяли другим мастерам делать с них копии.

– Не обижайся из-за этого злополучного пояса. Мы с генералом решили купить тебе настоящий национальный костюм. А пояс к нему будет еще красивее. – Отец произнес эти слова печально, затем обнял меня и прижал к своей груди.

– Не надо мне ничего покупать! У меня уже есть мамин национальный костюм. И, конечно, не буду обижаться на тебя, – улынулась я, решив схитрить таким образом, – если расскажешь всю правду.

– Какую правду? Я же никогда тебя не обманывал.

– Правду о нашей пациентке и двух ее детях. Что ты знаешь об этом, папа, пожалуйста, не скрывай ничего. Я ведь уже взрослая, и все пойму, прошу тебя, расскажи!

– Я ничего не знаю ни об этой женщине, ни о детях. Поверь, я даже никогда ее не видел.

– Почему тогда эта женщина, кстати, ее зовут Альсурат, попросила меня показать тебе эту вещь, причем, как и ты, утверждает, что вы никогда не были знакомы. – Я достала из сумки серебряный пояс и протянула его отцу. – Она подарила его мне в присутствии какого-то генерала...

Увидел пояс, отец схватил его и стал рассматривать, как будто видел его впервые, приговаривая при этом:

– Лично пациентка вернула, говоришь? Молодец генерал, настоящий адыг. Человек слова! Вот это друг, верный друг, до конца. Спасибо ему. Не опозорил перед дочерью... Теперь, моя девочка, никто и никогда не отнимет его у тебя, – радовался отец. – На, носи его на здоровье. – И он протянул мне пояс, как сделал это год назад, – торжественно и с гордостью.

– Спасибо, папа. Ну, а наш разговор, давай отложим его до понедельника, – поддразнила я отца.

– Откладывай хоть на сто лет, главное – моя совесть чиста и я знаю, что теперь все будет нормально. Иди к себе. Спокойной ночи.

Дождавшись воскресенья, я примчалась на работу и сразу поспешила к Альсурат. Она, как обычно, тепло встретила меня, предложила присесть и, видя крайнее нетерпение на моем лице, не стала тянуть с рассказом. И вот что она рассказала:

«В то время, в те годы, судьба испытывала меня на прочность, заставляя проливать то слезы счастья, то слезы от потери. Ты не сможешь представить, милая девочка, какие воспоминания всколыхнулись во мне в тот момент, когда я увидела на тебе серебряный пояс. Тридцать лет назад я была молода, как ты, и точно так же носила этот пояс. Судьбе было угодно, чтобы мы встретились здесь. Да... Я тоже тогда была нарядной и красивой. В тот день я гуляла со своей пятилетней дочерью, мы жили с родителями моего мужа, сам же он работал в другом городе по настоянию своего отца – руководителя одного из ведущих предприятий республики. Только по выходным дням муж имел возможность приезжать к нам, и тут же уезжал обратно. Я была солисткой национального ансамбля, и когда убежала

на репетиции, девочку свою оставляла свекрови. Наш танцевальный ансамбль готовился к очень ответственному фестивалю в Москве. К отъезду мой отец заказал у известного мастера тот самый серебряный пояс – к костюму, в котором я должна была выступать на фестивале. Я была очень счастлива, но... За день до отъезда свекровь позвала меня к себе и попросила, чтобы я поклялась ей в том, что не брошу своего мужа, что бы ни случилось в моей жизни, добавив при этом, что она должна рассказать мне что-то очень важное. Поясняя что-либо до отъезда она отказалась, вернешься, сказала, тогда все узнаешь. На следующий день я уехала в Москву. Наш ансамбль занял призовое место, и через две недели, окрыленная успехом, я вернулась домой. С нетерпением ждала встречи с мужем, чтобы поделиться радостью. Но свекровь вдруг заявила:

– Не жди его, он не придет.

– Почему, что с ним? – вырвалось у меня.

– У моего сына проблемы с какой-то женщиной и ее детьми.

Я вытаращила глаза.

– С какими детьми?!

– Именно об этом я и хотела с тобой поговорить. Знаешь, я часто вижу его в городе возле первой поликлиники.

– Он часто бывает в городе? Но почему не заезжает к нам?

– Не знаю. А вы не поссорились? Что вообще происходит между вами?

– Нет, мы не ссорились... Ничего такого, что могло бы оттолкнуть его от меня.

– Тогда я не понимаю! – всплеснула руками свекровь. – Мой сын сказал, что вы поссорились из-за того, что ты не хочешь больше рожать, а он хочет иметь сына, наследника, продолжателя нашего рода.

– А... вот оно в чем дело! Простите, но вы знаете, чем я занимаюсь, и у меня есть хорошие перспективы в творчестве. Я не могу бросить все и стать многодетной мамашей, которая постоянно торчит на кухне... простите, я пойду погуляю с Иринкой.

Взяв дочку за руку, я вышла погулять, все еще под неприятным впечатлением от услышанного. Размышляя и вновь прокручивая в голове разговор со свекровью, я не заметила, как набрела на улицу, где расположена первая поликлиника. Вдруг моя малышка вскрикнула:

– Мама, мама, посмотри! Там папина машина!

Действительно, впереди, у входа в поликлинику, стояла белая «Волга» моего мужа. Дочь вырвалась у меня из рук и подбежала к автомобилю отца. В салоне, на заднем сидении, играла маленькая девочка, примерно лет трех.

Когда я подбежала к ним, моя дочь уже приоткрыла переднюю дверь, взобралась на сиденье и, уставившись на девочку, пролепетала:

– Это машина моего папы, это моя машина!

Белокурая девочка, увидев незнакомых людей, заплакала. Я открыла заднюю дверь такого знакомого мне автомобиля и взяла девочку на руки, чтобы успокоить.

– Не плачь, милая. Как тебя зовут? Тише, тише... не плачь.

Девочка успокоилась, очутившись на моих руках, и перестала плакать.

И когда я во второй раз спросила, как ее зовут, она сказала, смешно растягивая слоги:

– Ма-ли-на...

– Значит, тебя зовут Марина, Маришка. А где твоя мама?

– Там, – она указала в сторону поликлиники. – Вот моя мама!

Оглянувшись, я увидела очень красивую блондинку, только что вышедшую из поликлиники, а рядом с ней – моего мужа с младенцем на руках. Я так и замерла на месте, а наша дочка, заметив отца, сползла с сиденья и подбежала к нему. Он, однако, сделал вид, что не заметил ее. Не понимая, кто эта женщина и почему мой муж не обращает внимания на нашу дочь, потрясенная, я продолжала стоять неподвижно. Мой муж тем временем передал младенца своей спутнице, отстранился от нашей дочурки и направился к машине. Со мной он даже не поздоровался, открыл дверцу и сел за руль. Блондинка тоже прошла к машине, устроила младенца на заднем сиденье, затем с царственной горделивостью приблизилась ко мне, забрала притихшую Малинку, нежно сказав ей:

– Пойдем к папе, дочурка.

– К какому папе? – еле слышно прошептала я.

– Это мой папа! – вскрикнула наша дочь и подбежала к дверям машины, которые ее отец не собирался открывать.

Я наблюдала эту картину со стороны и мне казалось, что мой муж сошел с ума, в одно мгновение став абсолютно чужим для нас человеком. И он, выйдя вдруг из автомобиля, поднял нашу дочь, поднес ко мне, поставил рядом и произнес железным голосом:

– Я не твой папа, детка! Вот твоя мама, иди к ней. – Вернулся в машину, с ревом завел мотор и уехал.

Мои руки похолодели, ноги налились свинцом, язык онемел. Мне показалось, что я сейчас умру, не понимая, какая перемена произошла с моим мужем. Если бы не дочка, я, возможно, и не выжила бы тогда. Ни один знаменитый актер, наверное, не смог бы так искусно сыграть роль незнакомца, как мой муж в тот день. Я ни на минуту не могла забыть эту картину, и другую, последовавшую за этим случаем, жуткую картину, которые стояли перед моими глазами все эти годы.

Я без ума любила своего мужа и все время надеялась, что все это игра, а за ней стоит что-то неведомое мне, и поэтому он должен был поступить именно так. Очень надеялась, что он вернется к нам, и если бы он пришел и повинился, я простила бы ему все. Но... он так и не успел никому ничего сказать и объяснить. Через два дня нам сообщили, что мой супруг попал в автокатастрофу на горной дороге, с ним была женщина и двое детей. Когда мы с братом моего мужа и его отцом приехали на место аварии, все было оцеплено. Милиционеры на вопросы подошедшего свекра ответили: «Пока ничего не известно, сюда нельзя, не мешайте».

Он вернулся и сказал своему водителю, чтобы меня не выпускали из машины, пока все не прояснится. Я дрожала и непрерывно плакала, готовясь к самому худшему. Через некоторое время к машине подошли начальник районной милиции, оказавшийся моим двоюродным дядей, и мой младший деверь. Начальник кричал на деверя:

– Немедленно увезите отсюда Альсурат! Она не должна знать о проделках твоего избалованного брата! – Повернувшись к своим сотрудникам, поторопил их: – Скорее, скорее! Поезжайте за автокраном.

Деверь пытался перекричать его:

– Он жив?! Мой брат живой?!

– Да живой, но автомобиль свалился в пропасть, надо поднять!

Когда я услышала, что мой муж жив, как будто какая-то новая сила появилась в ногах. Я вышла из машины и, даже не поздоровавшись с дядей, спросила:

– Где дети моего мужа, они живы?

– Откуда ты знаешь про детей? Кто тебе сказал?

– Я все знаю. И даже разговаривала с его блондинкой дня два назад.

– К сожалению, она погибла, а ее детям, вот там, оказывают медицинскую помощь...

Мы направились к карете скорой помощи. Прошагав несколько шагов в сторону, откуда доносился плач и крик детей, на обочине дороге я увидела труп женщины. Ее светлые волосы растрепались и были в крови. Лицо прикрывала детская пеленка, одна нога была босая и торчала как-то неестественно...

От всего пережитого и увиденного мне стало плохо, в глазах потемнело, подступила тошнота, дыхание сбивалось. Я прислонилась к валуну, стоявшему на обочине дороги, сняла с себя серебряный пояс, положила его рядом, а сама спустилась по склону к ручейку, чтобы напиться. Мне стало чуть легче. Когда я поднималась от ручья к дороге, вдруг услышала сильный плач ребенка и поспешила на этот плач, совершенно забыв о моем поясе.

У «Малинки» была повреждена рука, девочка очень громко плакала. Младенцем тоже оказалась девочка, шестимесячного возраста.

Как только мы подошли к отцу моего мужа, мой дядя приказал своим подчиненным принести документы пострадавших. Когда один из милиционеров принес их, дядя обратился к моему свекру:

– Вот, смотрите, это паспорт вашего сына, водительское удостоверение, а вот это – свидетельство о браке, а вернее, о тайно узаконенном гареме вашего сына. А вот паспорт погибшей женщины, второй жены вашего сына. Вот свидетельство о рождении ваших двух родных внучек.

Вдруг в стороне послышались крики.

– А вот и ваш сын, его уже подняли из пропасти, – прибавил дядя, указывая в ту сторону.

Свекор бросился к носилкам, на которых лежал его сын, но милиционеры не подпустили его.

– Не мешайте, отойдите, он ранен, ему нужна помощь...

Когда носилки поместили в «скорую», я увидела, что у моего мужа открыты глаза, он в сознании, и услышала, как он плакал и кричал:

– Простите меня, папа, прости меня Альсурат!

Я зарыдала в голос, услышав перешептывание за моей спиной: «Ни к чему теперь просить прощения, погубил молодую женщину!». – «В наше-

то время, как он мог завести сразу две семьи?!». – «Ну и завел же он себе гарем, интересно, кто же старшая жена?». – «Бог его правильно наказал!». Эти люди и не подозревали, что «старшая жена в гареме» стоит здесь же и все слышит.

Моего мужа отвезли в больницу, и как только он выздоровел, его судили и дали восемь лет – за аварию, повлекшую смерть человека, и за подделку документов. На суде его спросили: как ему удалось зарегистрировать два брака в одной республике? Он признался, что заявил начальнику паспортного стола о якобы потерянном паспорте с регистрацией брака. За хороший магарыч ему выдали «чистый» документ, в котором и сделали отметку о браке, но уже с другой женщиной. Все ради того, как сказал он, что очень хотел иметь сына. Но Всевышний всегда справедлив.

Тогда же я приняла решение: помочь этим сироткам, ведь они ни в чем не были виноваты. По крайней мере, если не воспитывать самой, то хотя бы участвовать в их воспитании. Мой свекор привез детей в наш дом, нанял для них нянечку. Через какое-то время, не выдержав этой обстановки, я пришла в родительский дом. Но отец тогда сказал:

– Дочка! Прости своего мужа, ты же любишь его, вернись в дом его родителей, к детям-сиротам, оставшимся без отца и матери. Твоему супругу сейчас тяжелее, чем тебе. Если бы не погибла их мать, я бы не посмел давать такие советы. Но детям нужна мать. Прошу тебя, вернись и прими детей, как своих.

А мама, слушавшая отца со слезами на глазах, добавила:

– Иначе я прокляну молоко, которым тебя кормила. Эти дети – божий дар тебе с небес.

Я вернулась, приняв мудрый совет родителей, отказавшись от своих планов, и всю свою жизнь посвятила воспитанию трех моих девочек.

Через пять лет мужа освободили. Всех наших девочек нам удалось поставить на ноги, дать им высшее образование, выдать замуж, материально обеспечить. Но три года назад мой муж умер. Перед смертью он раскрыл детям тайну их рождения. Лучше бы он этого не делал! Приемные дети не поняли меня и не оценили, что я для них сделала и что ради их благополучия я принесла в жертву свою жизнь и свое творчество. Они обиделись на меня за сокрытие этой тайны и уехали жить в Москву. Моя родная дочь живет со своей семьей в Швейцарии. А я здесь, в Нальчике. Это мой любимый город. Мне кажется, что я никогда не смогу его покинуть, хотя Малинка, узнав о моей болезни, смягчилась, приехала из Москвы и хотела меня забрать на лечение к себе, но я не смогла уехать с ней. Кстати, мою белокурую Марину ты здесь видела, перед тем как ко мне приехал генерал...»

– Как же? Конечно, видела! Это же я повела ее в вашу палату. Симпатичная, она мне очень понравилась, – мне хотелось как-то утешить Альсурат.

– Да, она красивая, образованная, богатая и очень умная.

– Альсурат, вам, наверное, лучше уехать к Марине в Москву или в Швейцарию к родной дочери, чем оставаться одной. Вам дальше тяжелее будет справляться со своими болезнями.

– Я задумываюсь об этом довольно часто, но никак не решаюсь,

– Альсурат тяжело вздохнула и замолчала. Через несколько минут промолвила: – Что-то у меня голова кружится, надо бы мне прилечь.

– Да-да, Альсурат, ложитесь, пожалуйста, но, если не трудно, ответьте еще на один, очень интересующий меня вопрос. Каким образом ваш пояс попал к моему отцу?

– А, это отдельная история. Я устала, и сегодня ничего больше рассказать не смогу. Остальное – завтра, ладно?

– Завтра, так завтра. Спасибо за то, что поведали о своей жизни. Отдыхайте.

Понятно, что я не была удовлетворена рассказом. Жизнь ее, конечно, очень интересная, хоть и трудная. Но она ни словечком не обмолвилась о моем отце. «Возможно, – подумала я, – ей есть что скрывать?..»

Едва дождавшись следующего дня, войдя в палату, я спросила ее:

– Альсурат, как же все-таки этот пояс попал к моему отцу?

– Моя девочка, пойми меня правильно, – ответила моя собеседница. – До приезда ко мне «усатого генерала», как ты его назвала, я понятия не имела, каким образом мой пояс попал в вашу семью. Сейчас я попытаюсь воссоздать те события, основываясь на рассказе генерала.

В тот злополучный день, когда мой муж попал в аварию, как я уже говорила, я забыла свой пояс у придорожного валуна, потом, когда вспомнила, решила, что навсегда лишилась подарка отца. Искать не стала, и, если честно сказать, не до пояса мне тогда было.

В 80-х годах твой отец работал милиционером и участвовал в расследовании по этому делу. По-видимому, он и нашел в горах мой пояс. «Усатый генерал» работал следователем, и с твоим отцом они дружили. Это генерал прямо на месте происшествия подарил твоему отцу серебряный пояс, но при этом предупредил:

– Дарю его как благодарность за помощь. Если же найдется человек, потерявший этот пояс, дай мне слово, что ты его вернешь владельцу. А если не найдется, то по истечении двадцати пяти лет – и если у тебя родится дочь – ты подаришь его своей дочери. Даешь слово?

– Даю слово, что верну, если объявится владелец, а если нет – даю слово, что подарю дочери, – ответил твой отец, принимая подарок от следователя, то есть от нынешнего генерала-усача.

Как только генерал сообщил мне, что этот пояс тебе подарил твой отец, как и мой отец когда-то... я не посмела отнимать его. Понимаешь, один серебряный пояс связал столько людей, познакомил их, и столько сомнений породил. Но все разрешилось, благодаря тебе, моя девочка. Если бы в майские праздники ты не надела, а я не увидела бы его...

– Вы бы не знали, у кого находится ваш потерянный пояс, и я не узнала бы этой истории, где столько всего – и радости, и боли, и переживаний...

– Да, моя девочка. События моей жизни и моя боль подточили мое здоровье, поэтому я и попала сюда. И я еще раз убедилась в честности и порядочности моего народа – в лице твоего отца и генерала, в твоём лице. И будущие поколения адыгов, я очень надеюсь, такими и останутся, – так закончила свой рассказ Альсурат.

БЕШТОКОВ ХАБАС КАРНЕЕВИЧ (5.06.1943, сел. Исламей Баксанского района КБР) – кабардинский поэт.

Сочинения: «Ракетодромхэр» (Ракетодромы): Стихи. Нальчик, 1969; «Розэм и чэзуш» (Пора роз): Стихи. Нальчик, 1973; «Адэжь щыналъэ. Си лъахэм. Гугъэ. Адэшхуэр» (Земля отцов. Поклон) // Гуашхъэмахуэ. 1976. № 4; «Бынунагуэ» (Семья): Стихи, поэма. Нальчик, 1976; «Красный всадник»: Стихи и поэма. М., 1977; «Къольдыж гурыщэр. Гъатхэщ» (Возрождение чувств. Весна) // Гуашхъэмахуэ. 1978; «Адэжь щыналъэ» (Земля отцов): Стихи. Нальчик, 1978; «Нарт макъамэхэр» (Нартские напевы): Стихи, поэмы. Нальчик, 1981; «Напэ» (Лицо): Стихи, поэмы. Нальчик, 1985; «Мывэ лъэхъэнэ» (Каменный век). Нальчик, 1985; «Фылыгаунынгэ тхылъ» (Книга любви): Стихи, поэмы. Нальчик, 1988; «Псым щхъэщыт жыг закъуэ» (Одинокое дерево над рекой): Стихи и поэмы. Нальчик, 1991; «Лирикэ» (Лирика): Стихи и поэмы. Нальчик, 1993; «Насрэн ЖакIгэ» (Насрен Длиннобородый): Поэмы. Нальчик, 1995; «Тенджыз Iуфэ гъушанэ» (Вдоль берега моря): Стихи, поэмы. Нальчик, 1998.

ГУБЖЕВ МУХАДИН МАЧРАИЛОВИЧ (1913, сел. Карагач Прохладненского р-на КБР – 1997, Нальчик) – кабардинский прозаик, поэт.

Сочинения: «Акъужь гуакIуэ» (Приятный ветерок): Стихи, поэмы. Нальчик, 1960; «Бжбахъуэм и пшыIэм» (В шалаше пасечника): Рассказы. Нальчик, 1965; «Дышэ бзу» (Золотая пташка): Стихи. Нальчик, 1967; «Лэгъупыкью» (Радуга): Стихи. Нальчик, 1973; «Кто сильнее?»: Стихи. М., 1973; «Гулизар»: Рассказы. Нальчик; «Цурка и Ежик». М., 1980; «Къуршхэр щыблэм щышынэркъым» (Скалы не боятся грома): Стихи. Нальчик, 1981; «Гъуэгу нэху» (Светлая дорога): Поэма. Нальчик, 1984; «Мурад шэху» (Тайная мечта). Рассказы для детей. Нальчик, 1988; «Iушым хешыр и Шыхульагуэ» (Умный выбирает свой Млечный путь): Роман. Нальчик, 1990; «Дыгъужь лъакъуитI» (Двуногий волк): Роман. Нальчик, 1994.

ЗАНКИШИЕВ ХУСЕЙН ХАДЖИДАУТОВИЧ (29.05.1938, сел. Верхняя Балкария Черекского р-на КБР) – балкарский писатель, журналист.

Сочинения: «Сын гор – сокол Балтики»: Документальная повесть. Нальчик, 1971; на балк. яз. – 1985; «Огъурлу муратны жарыгъы» (Свет доброй цели): Сборник рассказов и очерков. Нальчик, 1990; «В дни войны и мира»: Сборник

рассказов и очерков. Нальчик, 1995; «Туудукъланы къанатлары» (Крылья внуков): Очерки. Нальчик, 1999.

КАРДАНГУШЕВ ЗАРАМУК ПАТУРОВИЧ (10.01.1918, сел. Псыгансу Урванского р-на КБР – 25.12.2008) – кабардинский драматург, фольклорист.

Сочинения: «Нартхэр. Къэбэрдей эпос». (Нарты. Кабардинский эпос). Нальчик, 1951; «Къэбэрдей нэроднэ уэрэдхэр» (Кабардинские народные песни) // ЛХА. «Къэбэрдей». 1955. № 8; «Къаншоубийрэ Гуацэгъагърэ» (Каншоубий и Гуашагаг). Нальчик, 1956; «Мыщэ шу» (Медведь-наездник): Рассказы для детей. Нальчик, 1958; «Нэгумэ Ш. Б. Адыгэ народым и тхыдэ» (Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Пер. на каб. яз.). Нальчик, 1958; «Дыщэ кланэ» (Золотая крупинка): Сказки. Нальчик, 1959; на русск. яз. – 1961; «Хъуэжэ и таурыхьыщэ» (Сто историй Ходжи) / Предисловие, запись и обработка в соавт. с А. М. Маховым. Нальчик, 1959; «Ныбжьэгъу пэж» (Верный друг): Рассказы для детей. Нальчик, 1960; «Золотая крупинка»: Сказки для детей. Нальчик, 1961; «Адыгэ Гуэрыуатэхэр» (Адыгский фольклор). Нальчик, 1963. Т. 1; 1970. Т. 2; «Адыгэ псалъэжьхэр» (Адыгские пословицы) / В соавт. с А. М. Гукемух. Нальчик, 1965. Т. 1; 1967. Т. 2; 1982; «Агънокъуэ Лашэ. Усэхэр» (Агноков Лаша. Сочинения) / Предисл., сост. Нальчик, 1966; переизд. 1993; «Кабардинские народные сказки» / Предисл., сбор и обраб. в соавт. с А. И. Алиевой. М., 1969; «Нарты. Адыгский героический эпос». М., 1974; «Кабардинские народные сказки». М., 1980; «Нэгъуей и къуэ Лъэпщэгъуэ» (Сын Нагоя Лапшаго): Сказки для детей. Нальчик, 1981; «Верный друг: Рассказы для детей». М., 1981; «Адыгэ хъуэхъухэр» (Адыгские здравицы). Нальчик, 1985; 2-е издание – 1994; «Агънокъуэ Лашэ. Усэхэр» (Агноков Лаша. Сочинения). Нальчик, 1993; «Къэбардэрэ Альтудрэ» (Кабарда и Альтуд): Пьеса в 3 действиях //АП. 1993. № 36-38, 40-43, 45-47; «Хъуэжэ и таурыхьыщэ» (100 историй Ходжи). Майкоп, 1994.

НАЛОЕВ АХМЕДХАН ХАМУРЗОВИЧ (1921, сел. Старый Урух Урванского р-на КБР – 2010) – кабардинский писатель, прозаик.

Сочинения: «Гушыпальэ» (Юмористический словарь). Нальчик, 1963; «Урыху акъужь» (Урухский ветер): Рассказы. Налшык, 1966; «Къэрагъул зэблэкыгъуэ» (Смена караула): Повесть. Налшык, 1967; «Лъагъуэхэмрэ гъуэгухэмрэ» (Пути дороги): Рассказы. Налшык, 1969; «Рейхстагым адыгэбзи тетщ» (Надпись на рейхстаге): Рассказы. Налшык, 1972; «Тень пламени»: Повесть и рассказы. Нальчик, 1973; «Нэхущ шу» (Всадник рассвета): Роман. Налшык, 1977, на русск.

яз. – 1981; «Бжьэр къэпщаш». (Пчелиный рой): Повести и рассказы. Налшык, 1980; на русск.яз. – 1988; «Пшэплъ жьжьэхэр» (Далекие зори): Повести и рассказы. Налшык, 1984; «Всадник рассвета»: Роман. Нальчик, 1981; «Тхыгъэхэр томищу» (Избранное в 3 томах). Налшык, 1993-1995.

НАЛОЕВ ЗАУР МАГОМЕДОВИЧ (1928 – Старый Урух Урванского р-на КБР – 2012) – кабардинский писатель, фольклорист, литературовед.

Сочинения: «Бзухэм я бзэр» (Язык птиц): Стихи. Налшык, 1959; «Инэ мыкъуэ» (Ина-Муко). Обработка народных песен и игр для детей. Налшык, 1960; «Аслъэныкъуэ» (Аслануко): Сказки в стихах для детей. Налшык, 1967; «Джэгузэхэшэ» (Приглашение к игре). Обработка народных песен и игр для детей. Налшык, 1971; «Усэхэр» (Стихи. Лирика). Налшык, 1973; «Дыгъэеджэ» (Приглашение солнца): Стихи для детей. Налшык, 1976; «Къру закъуэ». (Одинокий журавль): Новеллы. Налшык, 1981; «Усэрыбжэ» (Считалка). Обработка народных песен и игр для детей. Налшык, 1991; «Таурыхьыцэ» (Сто сказок). Налшык, 1992; «Самые чудесные сказки» / Перев. произведений европейских и русских сказочников. Нальчик, 1994. «Советскэ Къэбэрдейм и Гуэрыуатэр» (Фольклор советской Кабарды) В соавт. с А. Дадовым и А. Шортановым. Налшык, 1956; «Къэбэрдей поэзием и антологие» (Антология кабардинской поэзии) В соавт. с А. Дадовым. Налшык, 1957; «Из кабардинской народной лирики» / Состав. З. Налоев. Нальчик, 1957; «Къуаш Бетал. Тхыгъэхэр». (Куашев Бетал. Сочинения) / Сост., вступ. ст., ком. Налоева З. Налшык, 1958. Т. 1.; 1966. Т. 2.; ОИКЛ (на каб. яз.) Налшык, 1965; (на русск. яз.) Нальчик, 1968 (Руководитель авт. коллектива З. Налоев); «Послевоенная кабардинская поэзия». Нальчик, 1970; «Из истории культуры адыгов». Нальчик, 1978; «Джэгуакъуэмрэ усакъуэмрэ» (Джегуако и поэт). Налшык, 1979; «Этюды по истории культуры адыгов». Нальчик, 1985; «Лъабжьэмрэ щхьэкъэмрэ» (Корни и ветви). Налшык, 1991; «Адаб Баксанского культурного движения» / Разыск., исслед., подгот. к печати З. Налоев. Нальчик, 1991; «Елбэд Хъэсэн. Гукъинэж» (Эльберд Хасан. Воспоминания) / Состав., вступ. ст. и ком. З. Налоева. Налшык, 1991.

ПАПАХА ПРЕЗИДЕНТА

Казбеку Кокову посвящаю...

Легче было дозвониться в Париж, чем Харуну в Булунгу. После нескольких безуспешных попыток я оставил эту затею на совести «Мегафона» и попросил своих ребят, а им было по пути, чтобы заглянули к Харуну домой и предупредили о моем приезде.

Я уже третий день как в работе: снимаю фильм о моем президенте Валерии Кокове. Как быстротечно отпущенное Богом время! Потoki воспоминаний закружили в водовороте и унесли меня в прошлое. Я и забыл уже, когда оставил за плечами далекие 70-е. Кто подкинул идею снять фильм о Харуне Малкандуеве, пожалуй, и не вспомнить. Да это и не столь важно. Да, был наслышан о нем, но личного знакомства не водил. Заглянули в операторскую, сказали, что в горах есть мужик, который всю жизнь чабанит, зовут его Харун, а фамилия Малкандуев. Я согласился, а еще сказали, что я не пожалею. То были пророческие слова – я действительно не пожалел и благодарен судьбе, что она свела меня с этим удивительным человеком.

Старенький телевизионный УАЗик, надрываясь пуповиной, медленно ползет вверх по серпантину, оставляя все ниже и ниже горный аул. Накануне прошел дождь. Полусгнившие листья в грязи. Дорога местами жирная, как бараний курдюк, а местами, по обочинам, солнце уже успело подсушить: появились сухие корочки, как на коровьих лепешках, они здесь повсюду, заблудиться просто невозможно – дорога одна, она-то и вывела нас на кош.

Он шел навстречу в каракулевой серой папахе с орденом Ленина на темно-синем пиджаке. Милые с детства очертания вождя мирового пролетариата красовались на ткани, пропитанной бараньим запахом, да и соленым потом тяжкого изнурительного труда. Руки крепкие, крупноватый нос, чтобы вдыхать побольше горного воздуха. Смотрю в лицо, нахожу некоторое сходство с театральным гением Георгием Товстоноговым. В глаза сквозь густую листву, раздвигая деревья, протиснулось солнце. Добрая улыбка собрала красноватые щеки в два комочка.

– Салам алейкум!

– Уалейкум ас салам!

Рукопожатие черствое, как наждак, будто всю жизнь ладони бетон месили.

С дороги покушать надо, приглашает в кошару. Вовремя поспели

к котлу. Сочные горячие куски баранины доставал ножом, подаренным Валерием Мухамедовичем, и клал их сверху на испеченные здесь же горячие лепешки, а вокруг всего этого сыр, огурцы и всякая другая всячина. Все это основательно и сочно пропитано соком баранины. Ну и художник же ты, Харун, подумал я. Ко всему этому пищевому натюрморту появилась в его руках она, незабвенная спутница в горах. Полилась горным родником по граненым стаканам. «Ну что, выпьем за дорогу, за ваш приезд». Глухой звук эхом приласкал наши уши.

Хорошо сидим, слово за слово. Харун ел мало, тщательно вылизывая лезвием ножа остатки мяса с ребра, при этом не забывал подкладывать куски мяса, брал уже руками. «Баран жирный попался, надо было давно резать, уже ходить не мог, курдюк по земле таскал». Смотрит с удовольствием, как на маток перед зимним окотом. А мы в ответ молчали и много ели после долгой дороги, заливая все это водкой и холодным айраном. И как тут не вспомнить строки стихотворения русскоязычного балкарского поэта Алима Алафаева: *«Прекрасней нет лекарства от разных бед и ран. Да здравствует балкарский целительный айран!»*

Мы не заметили, как из-за гор неожиданно выплыли с позолоченными облаками сумерки. Солнце в горах не успеет проснуться, встать с постели, как тут же ложится опять. Красавец, как услышал? «Овцы пришли». Встал первым. Теплый, принесенный ветром запах бараньего стада щиплет мое дыхание. Пастуха взяли в плотное кольцо и, подобно огромному питону, сжимали и сжимали его кольцами, будто хотели переломать ему все кости. Каждый взятый по отдельности баран пытался или лизнуть, или, заигрывая с ним, боднуть его, привлекая тем самым к себе внимание. Я стал свидетелем высшего пилотажа проявления нежности и любви. Он говорил им что-то на балкарском языке, другому они просто не внимали бы. Язык впитан был в них с материнским молоком. Харун стоял и улыбался, был очень доволен, массировал им уши, детворе – то одному, то другому – отдавал свои руки, и они, причмокивая, с пенкой на губах сосали его искореженные пальцы.

Ущелье готовилось ко сну. Аул, обвешанный огоньками, лениво огрызался лаем собак и шумом реки. Тучное стадо коров баржой проплыло по центральной дороге. То тут, то там скрипели ворота. Вечерело, но еще видны были очертания гор, нависшие над аулом. А там, вдали, вдоль дороги маячил силуэт одинокого ослика, который понуро опустил свою голову, неспешно семеня тонкими ножками, сиротливо уходя в ночь. Ну а здесь, наверху, под черным небом, бараны расстаются с Харуном.

Из любопытства спрашиваю:

– Харун, почему они тебя так любят, они же не собаки?

– Потому и любят, что я такой же, как они. Тебе не понять. Я всю свою жизнь чабаном хожу. Иди, понюхай, понюхай мой орден. Чем пахнет? Бараном пахнет.

Окна открыты. Я проснулся, но лежу с закрытыми глазами. Запоздалая рыжая осень шуршит сухими листьями в уголках моей памяти. Кто-то или что-то лижет мне лицо. Язычок тёплый-тёплый, как мамина грудь. Мне страшно. Открою глаза и увижу, что все это приснилось. Запах детства кружит мне голову. Слышу голос матери: «Сынок, отец приехал». Я бегу, а на двор неожиданно, с темного неба огромным куском обвалились сумерки.

Вижу, отец на лошади с белым живым комочком на седле. «Возьми, это тебе». Он бережно опускает щенка-кавказца мне на грудь. Пока отец возился с лошадыю, которая тяжело дышала, ведь дорога была нелегкая, от Герпегежа через Чертов бульвар, я уже лез по лестнице на сеновал. Щенок быстро освоился и притих. Тычет мордочкой мне в лицо, отыскивал мои губы, давай их кусать. «Ура! Остаемся на ночь», – только подумал, а она уже залезла к нам под одеяло. Пахнет сеном и мышами пахнет, которые, как и рыжая осень, шуршат то тут, то там. Но все это ненадолго. Скоро не спеша, лениво приползет мой кот, и они разбегутся в другой конец чердака. А вот и он, по-хозяйски сонно, мурлыча, улегся у меня на груди. Щенок, чуть посапывая влажным носом, уже весело бегает в лабиринтах собачьих снов. Корова Майка отгрынула очередную жвачку, куры никак не уgomонятся, смотрю в окно, где горит керосиновая лампа. Там тепло, там печка, там моя мама, мой отец.

Мать приготовила три ведра теплой воды. Сейчас отец присядет на корточки в медном тазу, расслабит сгусток накачанных мышц на теле, и мама начнет поливать его теплой водой, жалуясь на то, что вот-вот в доме закончатся дрова и нечем будет топить. Что забор в огороде исхудал, надо бы обновить, не мешало бы прикупить на зиму побольше жмыха и сена для скотины. Отец все это будет слушать молча, с закрытыми глазами, изредка сплевывая воду. Потом мама даст ему полотенце, свежее белье, нальет калмыцкого чая с сыром, отец выпьет и пойдет спать, а мать будет еще долго-долго возиться по дому, а я, крепко прижавшись к щенку, буду плакать от обиды на отца, который не позвал, не взял меня к себе, а мне так хотелось, свернувшись калачиком, спрятаться у него подмышкой и вдыхать в себя останки запоздалой осени, мокрого леса, родниковой воды.

Я знаю, проснется отец, проснется с рассветом, а мать встанет раньше, соберет ему в дорогу сменное белье, головку домашнего сыра с хлебом и проводит до ворот, где будет ждать лошадь, которая увезет в который раз его в предрассветную мглу, чтобы вернуться потом через неделю или две. Открываю глаза и вижу на лице чуть седовласой красивой женщины слезы: «Пошел дождь и отец ночью забрал тебя к себе, а щенка оставил. Он так сладко спал, совсем как и ты. Вот я и принесла к тебе». Щенок лижет мне лицо, язычок теплый-теплый, как мамина грудь, как мамины слезы, которые осенней капелью стекают мне на глаза.

«Давай, вставай, солнце на дворе. Пойдем в лес за дровами». Осень грустная, осень рыжая, осень маминых слез, осень моего детства, как я хочу остаться с тобой навсегда.

Еду к Харуну. Он ждет меня. Встречает у своих ворот в серой папахе с орденом Ленина на груди, похудел, стал ниже ростом, земля не отпускает, и это хорошо. Все что осталось от бывшего – папаха, нос да Ленин, который живет всех живых. «Сколько не виделись, Харун?». Обнимаю его, еще уловимый запах баранины, руки мозолистые. «Как Валерия Мухамедовича похоронили, скоро год будет, вот и не виделись». – «Уже не чабанишь?» – «Нет, вот с гор спустился за пенсией, сторожу в школе. У меня образования никакого, дверь в школу ногой не открывал. Знаешь, чем в дом заходить, я тебе Казика Кокова барана покажу. Уже ходить не может. Курдюк очень большой стал. Резать давно пора. Сколько ждем – никак не придет, я хочу, чтобы соседи увидели его, как на отца похож. Я когда его увижу, сразу плачу». – «Я обязательно передам. Тебя уважать надо. И барана уважать надо». – «Меня сильно уважают, барана – не знаю, я его очень люблю и отца люблю». Заходим в дом. «Я специально для тебя лягур держал. Хороший получился. Хичины горячие сейчас принесут. Айран свежий есть. Мария, моя жена есть. Что еще чабану надо? Я помню, как ты хичины любишь».

Ну и память. О хичинах я рассказал ему в свой первый приезд.

1957 год затерялся в Черекском ущелье. Балкарцы один за одним возвращались в родные места. В наш двор пришла многолетняя семья. Мы поделились с ними хлебом-солью. По вечерам собирались цыганским табором вокруг двух огромных котлов. Помню большие чугунные сковородки, почерневшие от костра и копоти, где жарились хичины, и бидон без ручки со свежим айраном. Полный двор детворы. Мы обжигались горячим мясом, дули в обе щеки на горячие хичины, смазанные маргарином, и глотали их кусками, запивая из алюминиевой кружки холодным айраном. Ближе к полуночи сытые животы и тепло догоравшего костра быстро делали свое дело – мы засыпали. Кто поменьше – на руках у матерей, ну а кто постарше – уходили в сарай на чердак, где на сеновале, свернувшись в один живой комочек, устраивались под тяжелым бараньим тулупом.

Проснувшись ранним утром, мы спускались к остывшим котлам, где на дне под толстым бараньим жиром теплилась еще шурпа, а древняя старуха Мазират смазывала холодные хичины маргарином и кидала их на сковородку. Подкрепившись остатками пищи, мы уходили на целый день к старшим помогать им месить глину с соломой, поливая холодной родниковой водой, чтобы потом из высохших саманных кирпичей строить теплые дома. Что давало нам, пацанам, силы, что согревало нас, что объединяло в одном стремлении – так это одна мысль о том, что настанет вечер, и мы, отмыв с трудом засохшие куски глины с разбитых в кровь ног, опять соберемся цыганским табором у костра, где будет ждать нас бабушка Мазират, которая будет печь нам хичины, смазанные на этот раз, быть может, сливочным маслом.

Лягур отменный. Хичины тонкие-тонкие, как салфетки, сквозь них можно разглядеть фактурное лицо Харуна. Я предложил встать – солнце еще в зените. «Ну что, идем? У огорода хороший камень есть, отцовский, весь аул как на ладони». Харун, дорогой, как ты прочитал мои мысли: готовая точка для съемок. Обвешанные видеоаппаратурой, мы с Хановым медленно шагаем вслед за ботинками Харуна.

Действительно, камень огромный.

– Аслан, разговаривать на русском или балкарском будем? – хитро прищурился, спрашивает он.

– Фильм будет на русском.

– Я уже говорил тебе – в школу дверь не открывал, какой, Аслан, тут русский. На моем языке русский не так хорош.

– Да брось, Харун, все будет нормально, – успокаиваю я.

– Вот смотри, то был 1983 или 1984 год. Хорошо не помню, – начинает пастух. – Валерий Мухамедович с гостями из ЦК прямо ко мне на кош приехал. Заранее ничего не предупреждал. Хорошо, что барашка резаный был. Только что, свежий. Он заходит, ассалам алейкум, дорогой Харун, говорит, он меня крепко обнимал, а я ему говорю, что вы, себя испачкаете. Как раз в отаре окот был. Я весь грязный был, ничего, говорит, помоемся. Вот что скажу: как он умный, мудрый, добрый, всему Северный Кавказ такой не был. Он мог даже Кремль любой место работать. Вот еще один пример, когда приводил к нам газ. Он тоже приехал, ты ведь тоже с ним был, помнишь? Там лента красная резать надо был. Так он меня увидел, подошел, обнимал несколько раз. Разве этот человек не мудрый, не умный? Он меня крепко обнимал, женщина рядом был, мне даже неловко стало перед ними. Мужчины смотрят на нас, даже я немного стеснялся. Он – нет. Он не брезговал. Я кто? Я простой чабан, а он большой человек был.

Я еще вот скажу: его отцовский брат, Николай, он председателем Кызбурун-3 был, а когда мы с Казахстана вернулись, он в Чегемском районе инструктором был. Такой же добрый, такой же умный. Утрата была нашей республике. Жалко, он рано ушел. Я вот, Аслан, скажу, вот сын Валерия Мухамедовича, Казбек, ведь это сын сначала сын секретаря обкома был, а потом президента. Его сын этим не хвастал. Такой же добрый, хороший, простой. 55 лет я чабаном работал, я говорил, в школу дверь не открывал, по-русски хорошо говорить не могу, еще вот я скажу, с чистым сердцем говорю, если Валерий Мухамедович остался бы жить, а ты, Харун, отдавай свою жизнь, вот Аллах свидетель, я бы отдал. Спокойно отдал. Лучше такие умные люди для народа пусть живут. Еще как я скажу: есть руководители, у которых на много раз меньше должность, а сами себя считают, будто он с неба упал, а вот Казбек, с чистой душой говорю, он не такой.

– Похож на отца? – спрашиваю я.

– Сильно похож, такой же добрый.

– Приезжает?

– Последний время нет.

– Я ему сказал, Харун, что еду к тебе. Он обрадовался, свою машину дал, просто сейчас очень занят по работе. Привет тебе большой от семьи. Они тебя очень любят.

– Однажды Казбек мне доброе дело сделал. У меня был старый машина «Нива», его отец еще первый секретарь был, за первое место в республике, которое я занял, он тогда эту «Ниву» мне подарил. Эта машина 12 лет ходила, старая была, сын продал, целую ночь почему-то о Валерии Мухамедовиче думал, а утром захотел Казбека увидеть. Взял такси и поехал в город, где «Каббалкресурсы». Он меня встретил и сразу спрашивает, мол, чем ты, Харун, приехал. Такси приехал, отвечаю, прямо с Булунгу, а он мне говорит, ты, Харун, больше такси не будешь ездить, пойди, говорит, подбери себе машину, я тебе ее куплю. Вот, скажи, я все думаю, если бы эти люди добрые не был, они бы это сделал? Не сделал бы. Так что я всю жизнь, пока не умру, я Валерия Мухамедовича не забуду. Он больше мне чем брат. Я никогда это не скрываю, я это открыто говорю, и еще, Аслан, это слово я тоже не забываю.

Мы сидели у меня на коше, Коков говорит мне, Харун, вот эта республика разная наций живет, и евреи есть, и цыгане есть, турки есть, но основной, говорит, три наций коренной: кабардинцы, балкарцы и русские, и даже еще других есть, говорит, я всех одинаково люблю. Я постараюсь, Харун, чистой душой, чтобы все народы хорошо жили и всегда чтобы мир был. Аслан, смотри, он в самое плохое время президентом стал, там Адыгэ Хасэ, там Тёре, каждый тащит себе одеяло, никто о народе не думает, а он контроль держал, ничего не допускал, но я точно знаю, он все народы одинаково любил. Вот, Аслан, смотри, около 30 тысяч чеченцы, другой был бы – наверное, никого не принимал бы. А он их пожалел, принимал, обогрел, накормил. Вот этот чеченский народ, хоть Валерий Мухамедович умер, должен его крепко помнить.

Вот смотри, Аслан, Казик, он знал, что я очень уважал его отца, даже брат брату не может лошадь подарить, время такой, а все-таки он мне машину подарил, его человечность как у отца не был бы, он не подарил бы. Если бы я был какой большой начальник, тогда ясно, а я чабан, обыкновенный чабан. С 44-го года 14 апрель я начал барашка пасти. 11 лет был мне, а мне на иждивении четыре рот был. Вот в школу я не ходил, один класс образования не имею, а вот такой, как я, меня любит, уважает, отец и сын. Я, Аслан, как-то на русском складно не могу говорить.

– Харун, помнишь, когда Валерий Мухамедович приезжал к вам в село и обещал газ провести? Вы поверили ему, или были такие, кто сомневался?

– Аслан, вот смотри, если честно, газ сюда это так, будто я Гагарин стал. Вначале не поверил, но весь народ хорошо Кокова знал. Аслан, сам подумай, из Нальчика в Булунгу газ кто проведет? Сколько затрата, сколько труба надо, кругом горы, камень, а ну-ка попробуй. А вот сейчас возьми – никто за дровами не идет, у кого грузовой машина хорошо, а другой на ишак возил, а сейчас дома все чисто, комната чисто, разве человек не мудрый, что он балкарцам сделал?

Один раз он говорил, что самая главная задача у нас с тобой, Харун, чтобы республика была спокойная. Я, говорит, читал много историй, и ни разу у кабардинцев и балкарцев не был конфликт. Я у него несколько раз на приеме был. Там приемный день – неприемный день, а меня принимал. Внизу, на проходной, Белый дом, говорю, скажите, что Харун с Чегема приехал. Честное слово, один раз в неприемный день ходил. Как раз, я не знаю, как-то забыл, с ним был такой худошавый помощник...

– Радик Хашхожев, наверное. Худой, с усами?

– Радик Хашхожев, Радик. А он сейчас где, интересно? Очень хороший парень.

– Он у Канокова.

– Там же помощник? Хорошо, умный парень. Там трое милиционеров был, охрана, трое кабардинцев, один звонил, куда не знаю, а он как раз спускался...

– Кто? Радик?

– Да, по коридору идет, пять-шесть метров, смеялся, Харун, давай, президент тебя ждет. Лифт поднимаем, клянусь Богом, вот, клянусь Аллахом, возле дверей стоял, расчет, наверное, держал, вот-вот подойдет Харун. И обнимал, и посадил, и вот как дела у вас там, и как село? Вот как я хотел помощника увидеть. Когда Валерий Мухамедович умер, я его видел, но ближе подойти не мог, милиция не пускала

– Харун, я тебя видел, ты первый в ряду стоял.

– Да, там и Путин, и дагестанский, все был. Ты как раз кругом ходил, снимал. А вот один раз, когда в республике большой праздник был, я где обком партии, туда подходил. Коков там стоял. Гостей рядом много был. Он увидел меня – метров двадцать был, не больше. Как увидел, не знаю. Людей вокруг меня много был. Папаху, наверное, увидел. Клянусь, он их прямо оставил, пришел, обнимал, вот так под руку взял, подвел к гостям и говорит: «Это мой друг, уважаемый в республике человек, чабан Харун Малкандуев». Целая республика мимо парадом марширует, а он меня вот так представляет.

– Да, Харун, такое не забудешь.

– Я никогда не забуду, клянусь, Аслан, вот самый дорогой в жизни – это мать. Клянусь своей матерью, я нисколько не жалею свою жизнь, только чтобы он живой был. Он если бы остался живой, я спокойно свою жизнь отдам, вот так каждому отвечаю. Когда вот, Аслан, он из обкома ушел, а президента должен был избрать народ, некоторые люди так говорили, мол, директором совхоза «Белая речка» будет. Туда-сюда. А я отвечал – посмотрим, не будет. Он президентом будет.

Я спорил, потом, Аслан, я сон видел, вот клянусь родной матерью, я сон видел. Это сон где-то вот в Астрахани. Там где-то самое меньше пять тысяч народ на площади, а в середине – Валерий Мухамедович. Только его голова выше всех. Как раз одета был серый папаха. Вот вы меня извините, у меня хозяйка – татарка, я ему говорю, вот утром такой сон видел, а она мне, клянусь Аллахом, если Валерий Мухамедович не будет президентом, ты, говорит, на месте мне голову снимай. Я, говорит, довольна буду. Он точно будет, сказал. Потом племянница у меня, там где

«Султан» магазин, семена продает, эта племянница, Марзият ее звать, она раньше в психбольнице врачом работала, сейчас свой магазин есть, потом я в Нальчик поехал и там в магазине сидел, я, говорю, племянница, вот такой сон увидел, а вы, обратно, извините, хозяйка, звать Мария, а вот мол, ваша теть Мария так и сказала, что обязательно он будет президентом, если не будет – голову снимай, она довольна будет, так и сказала. А она мне, хозяйка, обратно говорит, что бы ни стало, купи шапку такой же цвет и ты должен одевать. Я все это племяннику говорю, он сразу пошел, вот эту папаху за три тысячи купил. Тогда немножко дешевле было.

– Харун, сколько лет не снимаешь папаху?

– Да вот считай, когда Валерий Мухамедович президентом стал, я ее тогда взял, теперь не снимаю. Мне приятно как-то.

– Не хватает его?

– Честное слово, за то, что он мне что-то делал, совсем нет, а чисто по-человечески я его крепко уважал, не хватает, конечно, вот, Аслан, один здесь художник умер, Аккизов Якуб. И приехал один мужик, фамилия его Биттиров, и мы сидим у моего дома. Якуб мой сосед был. И вот этот Биттиров рассказывает, как он вместе учился с Валерием Мухамедовичем на четвертом курсе. И поехал как-то в Кызбурун кукурузу собирать. Мы друг другу говорили: ребята, теперь он домой уйдет, потому что председатель колхоза был его отец. Он из дома теперь не выйдет. А он прямо с нами в бригаду пошел. Ровно неделю работал. Потом один вечер домой ушел. Мы тогда друг другу говорили: пока эта уборка не закончится, наверное, не вернется из дома. Уже где-то 11 часов дня, запряженный бричка идет. Когда ближе-ближе подходил, старик-кучер с Валерием Мухамедовичем сидит. Рукой машет, кричит, мол, сегодня работать не будем. Такой барашка, два индюк, курица, два корзина лакум, паста, сладкий вода. Тот день до самого утра песни пели с девушками, танцевали, много кушали. Вот он, Биттиров, так хвалил его, они вместе пять лет учились.

– Харун, как ты думаешь, почему после смерти Валерия Мухамедовича многие люди стали о нем плохо говорить, хотя при его жизни молчали? Ведь Валерий Мухамедович просто физически не мог любить каждого, как, допустим, тебя любил. Для всех же хорошим не будешь?

– Никак не думаю. Это трусливые люди. Мне их жаль. Их детей жаль. Вырастут, как будут? Такой будет, как отец, мать? Я тогда в город поехал, племянник отвез. Пошел в редакцию, сказал, хочу хорошие слова сказать о Валерии Мухамедовиче, чтобы газета напечатала. Не надо, сказали, я сразу понял – бояться, а что бояться, до сих пор никак не пойму. Туда пошел, сюда пошел, никто не захотел. Это не твердые люди, слабые. Аллах может их и простит. Не знаю. Такой люди есть на земле. Любой президент уйдет, так будут говорить.

Аслан, я на кладбище бывал, я цветы положил, чтобы красивый был могила, а со мной еще два кабардинца был двоюродные, это Пшихачевы, мои родственники, они со мной туда пошли. Один мужчина

с маленькой мечеть подошел. Сначала он по-кабардински говорил, брат переводил, слезы в глазах этому мужику был. Большой спасибо тебе за то, что ты пришел на могилу. Вот этот цветы принес. Он показывает этот небольшой мечеть, это Казбек построил, забор новый, красивый, плитка положил. Он меня спрашивал, как меня зовут, я говорил – чабан Харун Малкандуев. Харун, говорит, я обязательно дома им скажу, что ты приходил на могилу. Им приятно будет. И два часа стояли. Кроме моих слез ничего не было. Я Пшихачеву говорю – я отцовских братьев не захватил, они раньше ушли, но, говорю, чем родной брат Валерий Мухамедович мне больше. Брат хочет не хочет – все равно брат, а вот он – президент, Аслан, простое уважение чабану. Это не каждый президент так сможет...

– Президент один, а чабанов много.

– А в республика сколько чабанов? Грамотные чабаны, неграмотные. Он все это учитывал, совсем маленький я был, когда с Казахстана начинал работать, честное слово, я не хвастаю, с Казахстана семь наград есть, заслуженный животновод КБАССР есть, мастер такой, мастер сякой, много грамот есть, богатство я никогда не смотрел, лишь бы на земле работал, даже газета одно слово обо мне скажет, я доволен был, больше чем деньги. Вот такой у меня характер.

– Ну что, мой дорогой Харун, на том и порешили. Выключаем камеру...

– Эх, Аслан, как я хочу, чтобы он был сейчас живой. Мне хорошо был бы от одной этой мысли, спокойно, знал, как жить. Я сто процентов уверен, он в мой двор заглянул бы, мимо не ходил бы...

– Харун, ну что ты, вот и слезы в глазах. Чувствую, как не хватает тебе Валерия Мухамедовича...

«И мне не хватает», – думаю про себя.

Знаю Харуна без малого уже 30 лет и никак не могу понять, что связывало его, простого чабана, какая невидимая ниточка морским узлом повязала душу его, сердце его с человеком, который по роду своей деятельности и по жизни своей водил дружбу с президентами многих стран, королями, шейхами, человеком, с которым Борис Николаевич коротал в разговорах всю ночь на больничной койке до утра и ни с кем более, человеком, голос которого возвращал уходящих и убегающих на свои рабочие места в зал Совета Федерации, человеком, который не дрогнул, не прогнулся в смутное время, когда решались судьбы целых народов? Думаю, сам Аллах послал его нам в то время.

А чего не хватало Валерию Мухамедовичу с его высочайшим интеллектом, что он искал и находил ли в этом простом балкарском мужике в серой папаше с орденом Ленина на груди? Он никогда не говорил ему «Здравствуй», а говорил всегда при встрече «Ассалам алейкум, дорогой Харун», обнимал и целовал его, как самого родного человека. Они дружили, дружили крепко, они не предавали друг друга.

Он не осыпал его ни золотом, ни бриллиантами. Он просто знал, что есть на этой грешной земле у него друг, великий чабан всех времен и народов, который много лет безвылазно живет высоко в горах, в кошаре, куда гость может войти в любое время дня и ночи; сесть за руль УАЗика и приехать к нему на кош, где примут его как самого близкого и родного человека, уступят место у костра, обогреют и накормят...

Харун сам за рулем. Решил проводить меня до выезда из аула. «Харун, а куда пропали мои любимые ослики?» – «Куда пропали, никто не знает. Как Коков газ принес, ишак никому не нужен стал. Теперь дрова не возят», – почему-то с грустью в глазах произнес он.

И добавил: «Аслан, ты мне сегодня большое счастье сделал. Как будто целый день с Валерием Мухамедовичем говорил. Я слышал, он тебя очень любил. Тьфу, анна сын, вот, вспомнил, Аслан, недавно опять сон видел, как будто на коше сижу, уже темно становится, с аула густой туман поднимается. Смотрю – человек на дороге, Аслан, не поверишь, сердце так сжимал, походка узнал, точно, думаю, Валерий Мухамедович, давно не был. Я встал, а он рукой машет, зовет к себе. Иду-иду. Навстречу пошел. А туман сел на землю. Ничего не видно, куда пропал?»

«Вот видишь, Харун, рано еще, надо жить, сколько Аллах даст. Он еще будет приходить к тебе на кош, Харун, время придет, а оно придет обязательно, и мы все встретимся с ним...»

«Еще как встретимся, все в руках Аллаха...»

Небо черное. Горы черные. «Харун, гроза собирается». – «Да... бурку в след грозе не расстилают, как сказал однажды Валерий Мухамедович». – «Да, – думаю, – и бурка некстати, коль буря прошла, как говорят кабардинцы».

Остановились, вышли из машины, обнимаю его, все тот же запах, еле уловимый, далекий-далекий из моего детства.

Казик, дорогой, собери всех своих друзей, только не звони ему, легче дозвониться в Париж, прихвати с собой подарки, помни: о щедрости твоего отца в горах до сих пор слагают легенды. Харун встретит вас в серой папаче с орденом Ленина на груди. Посадит вас за свой стол, будет брать руками жирные куски мяса и кормить вас. А вы будете слушать его и много кушать, запивая холодным айраном. Он будет вам долго-долго рассказывать о своем великом друге, и вы не заметите, как из-за гор неожиданно выплывут с обгоревшими облаками сумерки. Солнце в горах не успеет проснуться, встать с постели, как тут же ложится опять.

Казик, когда будешь прощаться, не забудь, оставь Харуну сотовый отца, уверен, он дозвонится, он в горах, он ближе к небу...

Нальчик–Булуңгу, 2012

Валерий РЕВЕЛИС,
зам. директора по методической работе
МОУ СОШ № 32 г.о. Нальчик

«СОБАКА ЛАЕТ, А КАРАВАН ИДЁТ»

Знакомство моё с А. Г. Емузовым произошло летом 1988 года, когда по семейным обстоятельствам я решил перебраться на постоянное место жительства в Нальчик из Махачкалы, где до этого без малого двадцать лет проработал преподавателем Дагестанского государственного университета. По счастливой случайности для меня не нашлось места в Кабардино-Балкарском государственном университете, и я обратился в Кабардино-Балкарский институт усовершенствования учителей (КБ ИУУ), который в то время возглавлял Анатолий Гузерович Емузов. После ознакомления с моей трудовой книжкой Анатолий Гузерович сказал, что институт находится в стадии серьёзных преобразований и мой вузовский опыт работы может вполне пригодиться. Мы о многом поговорили в ту первую встречу, и я понял, что передо мною незаурядная личность, с которой будет интересно работать. В этом я неоднократно убеждался потом, на протяжении всей совместной работы с ним.

В конце восьмидесятых – начале девяностых годов, когда мне довелось работать под руководством А. Г. Емузова, институту усовершенствования учителей предстояло измениться вместе со страной. Наше общее образование хоть и было лучшим в мире, но уже требовало модернизации через введение в практику альтернативных, конкурирующих между собой образовательных систем и подходов, разработанных психолого-педагогической наукой и апробированных в длительных педагогических экспериментах советскими учёными и педагогами в двадцатые-семидесятые годы прошлого столетия

Сейчас даже не верится, что все учителя огромной страны в то время работали по единым программам, по единым учебникам, по фактически единым расписаниям занятий, в соответствии с документами, опубликованными в так называемых «Сборниках приказов» (само это название журнала передаёт царившую атмосферу в народном образовании того времени). Роль методистов, из которых и состоял, в основном, коллектив КБ ИУУ в конце восьмидесятых годов, была в том, чтобы это единство обеспечивать и совершенствовать через усовершенствование учителей и руководителей школ. Методисты института, кроме своей основной работы, часто привлекались к инспекторским проверкам деятельности школ и отдельных учителей, суть которых состояла в сличении реальной практической деятельности с эталонными образцами деятельности, закреплёнными в нормативных документах. «Всесильные» методисты того времени могли влиять на судьбы руководителей школ и учителей, а поэтому имели соответствующий гонор и авторитарные привычки. Каждый из них считал себя часовым на посту того предмета из школьного учебного плана, с названием которого совпадало название его кабинета. Любые посягательства на нерегламентированные изменения в образовании вызывали бурную ответную реакцию методистов.

В этот период и началась перестройка всей системы образования страны, преобразование институтов усовершенствования учителей в институты повышения квалификации работников образования с включением в структуру институтов научно-методических кафедр, исследовательских лабораторий, отделов. Роль новых структур и людей, их наполнявших, состояла в выявлении существующих образовательных проблем при формировании конкурентной среды, в разработке и практической апробации новых путей достижения требуемых образовательных результатов. С появлением всё новых комплектов учебников и учебных пособий, различных педагогических систем и технологий возростала роль института как центра экспертных оценок их качества. К тому же в нашей республике к тому времени возникла острая необходимость практически с нуля в короткие сроки разработать содержание национально-регионального компонента образования, написать и выпустить новые учебники и учебные пособия. Этим всем и занимались «методисты» и «кафедраль» института. Но организовать их совместную деятельность было совсем нелегко. Здесь и пригодился опыт дипломатической работы Анатолия Гузеровича Емузова. Он очень многое сделал для формирования и организации успешной совместной деятельности сотрудников нового института, постоянно успешно преодолевая сопротивление консервативного большинства. И иногда, когда уже всех его усилий и убеждений было недостаточно для достижения требуемых результатов, он в сердцах повторял: «Собака лает, а караван идёт вперёд». И эта его фраза сильно поддерживала тех, кто, не страшась усталости, шёл по пути прогрессивных преобразований.

Пришедшие в новые структуры института специалисты были, в основном, вузовскими преподавателями, имеющими учёные степени и учёные звания. Для них выявление проблем, постановка задач, разработка путей их решения, проведение исследований и экспериментов, чтение лекций и проведение семинарских занятий было естественным и органичным компонентом деятельности, в отличие от методистов, живших «по приказам и инструкциям». И Анатолий Гузерович в полной мере использовал указанный опыт кафедральных работников. Так перестройка образовательной системы республики требовала формирования современных, основанных на научной периодизации развития ребёнка ступеней образования. Переход с одной ступени на другую должен был сопровождаться изменением всей организации учебной и внеучебной работы, системы отношений между детьми и педагогами, принципов контроля и оценки. Но при этом должна была сохраняться определённая преемственность в подходах, чтобы адаптация детей к новой образовательной ступени не травмировала их психику, а была комфортной и естественной. Напомню, что в то время дошкольные образовательные учреждения работали отдельно от школ и все призывы к преемственности в подходах выслушивались и дошкольными работниками, и учителями школ внимательно, но мало влияли на положение вещей. Институт выявил эту проблему и принялся за её решение.

По инициативе А. Г. Емузова, силами только что образованной кафедры проблем дошкольного воспитания и начального обучения, при поддержке министра народного образования Хажисмеля Гисовича Тхагапсоева, 4-7 декабря 1990 года была проведена республиканская научно-практическая

конференция работников образования на тему: «Пути совершенствования преемственности учебно-воспитательного процесса в дошкольном учреждении и в школе». Конференция тщательно готовилась. Были изучены многочисленные публикации с опытом работы по проблеме преемственности образовательных учреждений страны.

Эта конференция имела ряд последствий. Она поставила вопрос о необходимости более глубокой интеграции учреждений дошкольного и начального школьного образования, в скором времени стали появляться экспериментальные образовательные учреждения – учебно-воспитательные комплексы «Детский сад-школа». В некоторых местах, например, в то время в посёлке Чегем-1 детский сад присоединяли к общеобразовательной школе и называли вновь образованное учреждение учебно-воспитательным комплексом типа «Детский сад-школа-лицей». Институт организовывал и всячески поддерживал этот процесс преобразований, оказывал научно-методическую помощь коллективам новых учреждений. Мы опирались на опыт организации подобных учреждений в г. Москве, где директорами работали Евгений Александрович Ямбург (Центр образования № 109) и Владимир Николаевич Просвиркин (УВК-лаборатория № 1679). Мы дружили с ними, постоянно обменивались делегациями, и здесь нам очень помогал дипломатический опыт Анатолия Гузеровича. Многие наши руководители образовательных учреждений прошли стажировку в Москве на базе указанных образовательных учреждений. Создаваемые новые образовательные комплексы носили статус экспериментальных учреждений и находились под патронажем института.

Указанная конференция выявила также и проблему низкой квалификации ряда дошкольных работников. Выявленная проблема позволила сформулировать задачу, суть которой состояла в организации массового обучения дошкольных работников с целью получения ими высшего педагогического образования по направлению «Педагогика и психология дошкольная». У нас в республике в то время таких специалистов не готовили, и многие воспитатели дошкольных учреждений и даже заведующие детскими садами не имели специального высшего образования. Анатолий Гузерович командировал меня в г. Москву и в г. Ленинград для поиска вуза, который смог бы помочь нам организовать обучение дошкольных работников на базе Кабардино-Балкарского института повышения квалификации по заочной форме обучения. И такой вуз удалось отыскать. Им оказался Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ), который к тому времени имел опыт аналогичной работы в г. Сочи. Процесс организации учёбы дошкольных работников в стенах института с участием профессорско-преподавательского коллектива РГПУ (было подготовлено 170 специалистов) – сам по себе и нелёгкий, и очень поучительный. Мы приобрели опыт делового взаимодействия с крупнейшим педагогическим вузом страны, что очень способствовало организации переподготовки и по другим новым направлениям и специальностям: практическая психология, география, мировая художественная культура.

В те годы нами фактически осваивались новые методы управления, связанные со стратегическим планированием через разработку и реализацию

проектов, когда мы шли от реальной проблемы, а не только от приказа, причём опережали время, а не плелись у него в хвосте.

Ярким примером этому служит и участие ряда образовательных учреждений республики и КБ ИПК в поисковом педагогическом эксперименте «Экология и диалектика». Сама история вхождения в этот эксперимент поучительна и ярко характеризует тех замечательных людей, которые стояли во главе республиканской системы образования и Кабардино-Балкарского института повышения квалификации на переломе 80-90-х годов.

Уже через месяц после начала моей работы в институте, в январе 1989 года Анатолий Гузерович по личной инициативе командировал меня, в ту пору доцента кафедры предметов естественно-математического цикла, в г. Москву, в Центральный институт усовершенствования учителей (ЦИУУ) на месячные курсы методистов кабинетов математики региональных ИУУ для ознакомления со спецификой работы системы повышения квалификации работников образования и подготовки цикла лекций для наших будущих слушателей. В один из дней учёбы в ЦИУУ нас повели в Московский городской институт усовершенствования учителей (МГИУУ), где представили основные достижения системы образования г. Москвы. В частности, перед нами выступил заведующий кафедрой предметов естественно-математического цикла МГИУУ, профессор Лев Васильевич Тарасов, который рассказал о разработанной им новой модели средней школы «Экология и диалектика», включающей в себя три ступени: дошкольную (он тогда называл её предварительной, а сейчас мы называем её предшкольной), основную – с 1 по 9 классы, и профильную (лицейскую, 10-11 классы). Школа «Экология и диалектика» была создана как Школа духовного возрождения личности (отсюда слово «экология» в названии) и как Школа радости, где на всех этапах обучения обеспечивалась активная созидательная работа психики учащихся (отсюда слово «диалектика», как синоним слова «развитие»).

Наряду с традиционными предметами школьного учебного плана были разработаны новые курсы, изменены объёмы изучения предметов, разработан и введён интегративно-гуманитарный подход в преподавании, выстроена новая система оценивания образовательных результатов. Обо всём этом нам поведал в двухчасовой лекции Л. В. Тарасов, призвав в конце слушателей сотрудничать с ним в построении новой школы – школы «Экология и диалектика».

Он передал мне четыре страницы текста, где была изложена концепция построения новой школы и её учебный план. Вечером я разыскал по телефону нашего министра Х. Г. Тхагапсоева, который, к счастью, оказался в командировке в Москве, и доложил о встрече с Л. В. Тарасовым. Хажисмель Гисович попросил зачитать ему текст концепции по телефону, а потом сказал, что образование республики нуждается в воплощении указанных идей и попросил продолжить диалог с Л. В. Тарасовым с целью приглашения его в г. Нальчик для обсуждения перспективы совместной экспериментальной работы. По приезду в республику я обо всём рассказал А. Г. Емузову и встретил его самую горячую поддержку. Работа закипела. В апреле того же года в Нальчик приехал Л. В. Тарасов. Он выступил с рассказом о новой модели школы «Экология и диалектика» перед коллективом института, перед

коллективами школ, изъявивших желание участвовать в эксперименте. Мы заключили договор о совместной экспериментальной деятельности между КБ ИУУ и МГИУУ и приступили к работе. Последующая десятилетняя совместная деятельность по экспериментальной обработке содержания и методов обучения школы «Экология и диалектика» сильно изменила всех её участников. Освоенный школами-участниками эксперимента интегративно-гуманитарный подход позволил им подняться до статуса гимназий и на протяжении длительного времени, вплоть до нынешних дней, лидировать в развитии образования. Я бесконечно радуюсь успехам коллективов гимназий №№ 1, 13, 14 г. Нальчика, гимназий № 5 г. Тырныауза, № 6 г. Баксана, № 1, г. Майского, № 2 г. Прохладного, общеобразовательных школ № 2 г. Чегема и № 5 г. Нарткалы, ряда прогимназий этих городов, которые свыше десяти лет работали в экспериментальном режиме и сейчас являются успешными образовательными учреждениями. Институт повышения квалификации под руководством Анатолия Гузеровича Емузова приобрёл за несколько лет бесценный опыт ведения подобных экспериментов и стал одним из самых авторитетных учреждений дополнительного профессионального образования страны. Мы все очень выросли в институте в тот период. А некоторые подходы, разработанные в те годы, являются вполне конкурентными и для нынешнего времени.

Я часто думаю, возможно ли всё то, о чём я вспомнил в этих заметках, в наши дни, когда институт повышения квалификации медленно погибает в тесных объёмах университета, а педагогические и руководящие работники образования практически лишены реальной научно-методической поддержки. Грустно всё это. Самое главное, что нынешний институт не выполняет по известным причинам своего предназначения в период глубокого реформирования современного образования. Сегодня повсеместно идут неутраченные дискуссии о том, какой быть российской школе в ближайшей перспективе. Сейчас важно понять, что переход к новой школе – это не только изменение учебных тем, набора самих предметов или учебного плана, – 2 часа на физику, или 5 часов, или вообще её убрать, 10 часов на историю или 1 час. Речь идет о более глубоком, кардинальном изменении – изменении метода работы.

И роль ИПК в организации процесса изменения методов работы, как никогда, огромна. Но, к сожалению, Институт повышения квалификации работников образования в качестве структурного подразделения университета эту роль не может выполнить, несмотря на высокий профессионализм его нынешнего директора и коллектива. Одно радует, что все процессы, инициированные Институтом повышения квалификации, когда им руководил Анатолий Гузерович Емузов, продолжают влиять на «погоду в доме», стимулируют многих творческих людей в образовании соответствовать времени, действовать и развиваться.

Хаджимурат ШЕБЗУХОВ

В поэтический сборник замечательного черкесского поэта Хаджимурата Шебзухова вошли стихи разных лет, написанные на черкесском и переведенные на русский язык. Поэзия Х. Шебзухова глубоко этнична, она отражает философское мировидение автора, его светлое отношение к непреходящим ценностям адыгской (черкесской) духовности.

Автору удаётся добиться сопричастности читателя к раскрываемой теме благодаря богатому арсеналу художественных средств, благодаря тому, что для его поэзия не является самоцелью; он не писал надуманных стихов, а в поэтической форме раскрывал волнующие его проблемы. Он спрашивал и сам давал ответы на такие животрепещущие вопросы, как «что происходит с нами?», «для чего мы в этом мире?», «какая судьба нас ожидает?». И один ответ на все вопросы: мир меняется, меняются отношения и материальные ценности, но есть у адыгов великая духовная ценность, которую они должны беречь пуще своей жизни, – это адыгство, это квинтэссенция жизни всего народа.

В добрый путь, стихи мои

Я с вами, стихи мои, не расставался.
С одними из вас мне пришлось нелегко.
Беречь вашу силу и меткость старался,
Чтоб свет путеводный ваш бил далеко.

Быть может, и есть в вас мои упущенья,
Но не в красоте лишь цена скакуна.
Работою мысли и силою зренья
Вас именно выбрать мне воля дана.

Всех мыслей больших, что сознанию подвластны,
Души красоту в вас с любовью вложил.
Начало вы в сердце нашли моём страстном,
Теперь в добрый путь – для того вас сложил.

Вам груз не взвалю непосильный на плечи,
Вас не превращу в бесполезных послов.
Из вас не сложу бесплодные речи,
Стихи мои, будьте из добрых лишь слов.

Взращенные в сердце, подобно Редеде¹,
Стихи, справедливостью вас закалил.
Живите, как нарты, отважно на свете,
Иначе – вас просто на ветер пустил.

Пусть дети веселятся

Девчонки, бывало, когда вы играли,
Покой воцаряли вы в сердце моем.
Искусно курлыканию вы подражали,
И просо вы как бы косили серпом.

Я также азартом игры заражался.
И только лишь солнце за гору зайдет,
На звук «ора-ора» я бешено мчался –
Я думал, там главное произойдет.

Мы звонко кричали, игру затевая...
Заполнить долину подчас мог наш спор.
Включался в игру Зеленчук, подпевая, –
Сильнее звучал тогда шумный наш хор...

Мне живо те дни вспоминаются, Рита,
Когда тебя встречу теперь.
И все, что, казалось, уже позабыто,
В душе воскресает, поверь.

Со «всадником-пешим» и «ора-ора»,
«Журавушка-просо» и прятки. –
Шумит у адыгов в игре детвора,
Катается в шуточной схватке.

Я благословляю тебя, молодёжь,
Пусть радуют юные годы.
Опору и силу в корнях ты найдёшь,
Которые есть у народа.

Поздравленье с первым шагом

Готовится к празднику шумно семья
По случаю «первого шага».
Соседи идут к малышу и друзья,
В разгаре семейная сага.

¹ Редедя (Ридада) – герой адыгского фольклора, а также – торжественная величальная песня.

Виновник речей взрослых не признаёт,
Он смотрит вокруг, улыбаясь,
Сползает он с маминых рук и встаёт,
Один «прогуляться» пытаюсь.

Споткнулся, качнувшись, и снова пошёл,
Упав, поднимается споро.
Он жизненный путь, несомненно, нашёл,
Уже не нужна и опора.

А нана ему приготовила стол
Со множеством разных предметов
Малыш поглядел и ладошкой всё смёл,
Что тут означало приметы.²

Сестра его ловко на ручки берёт,
Баюкает песней былинной.
Усталость тут «нарта» совсем достаёт,
Он спит на груди лебединой.

Вот столько всего наш герой натворил,
Что гости сидят в удивленьи.
Теперь нужно, чтоб тамада говорил,
Всему дал своё объясненье.

Погладил усы свои пышные дед,
И был этот тост старшим сказан:
– Детей современных в том вижу секрет,
Что каждый быть сильным обязан.

Не стану я много сейчас говорить –
Пусть в людях живёт человечность.
Чтоб люди могли открывать и творить,
Пусть веком добра будет вечность.

Колыбельная

Спи, мой первенец, спокойно –
Колыбель качает мать.
Не гляди так беспокойно –
Сон поможет сильным стать.

Чтобы стал ты нартом сильным,
Звёзды с месяцем горят.

Воды рек своих обильных
Принимают с гор моря.

Пусть продлится сновиденье,
Утро радует всегда.

Со счастливым пробужденье
Исполняется мечта.

² Когда ребенок только начинает ходить, ему устраивают праздник, во время которого на столик кладут предметы, означающие будущую его «профессию».

В колыбели из самшита
Вырастай ты, как камыш.
В малой почке чудо скрыто,
Ты – сокровище, малыш.

В правом деле – сын народа –
Ты проснись, как Батараз.
Что-то со своим приходом
Сделай в самый первый раз!

Любовь

Мечты красивые вселяя,
Она является во сне.
Что на душе, определяя,
Бушуют в жизненной волне.

Подобно молоку грудному,
Ты возродила сотни лет.

И, как предание иное,
Историй разных ты сюжет.

О горы, девятью пластами
Вы золотой растите плод.
Тропую горною над вами –
Любовь, что вечно здесь живёт.

У адыгов был такой обычай

У адыгов был обычай в честь ребёнка
Весть благую с всадниками слать.
Приглашал сажать глашатай звонко
Десять саженцев, затем джигитовать.

А потом, по достиженьи года,
Первый шаг ребёнка отмечать.
Был такой обычай у народа
Колыбель зарубкой помечать.

И не то я время вспоминаю,
Когда стали жить адыги врозь.
Добрим словом чудо поминаю,
Когда вместе жить всем довелось.

Говорят: «свершив добро, кинь в реку»,
«Для густого леса сбереги ростки».
Земля, сады служили человеку,
Он выжил, так как были все близки.

Немало на сегодня потеряли
Растений и животных – суть земли.
И те, кто опыт предков отвергали,
Кроме ошибок, что скопить смогли?

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Очерк

Глава семьи

Юсуп Кучинаев с детства был приучен к труду. Жизнь в горах не была сладкой. Надо было из камня выжать сок, чтобы обеспечивать себе более или менее безбедное существование. Да, именно, существование. И это было нелегко среди скал, где люди испытывали острую нужду в клочке земли. Оставалось одно – заниматься скотоводством. В подростковом возрасте Юсуп косил сено, пас овец и коров, чистил сарай. Словом, работы не было конца. Отец Огурлу (что означает *добрый*) часто говорил ему: «Помни сынок, чтобы по-человечески жить, надо трудиться, просто так, даром, ничего не дается». И Юсуп трудился, не зная ни сна, ни отдыха. Построил хороший дом по тем временам. Благо, сам усвоил плотницкое и столярное дело, поэтому все делал своими руками. Держал скот по своим возможностям.

Однако пришло время, когда чрезмерные усердие и трудолюбие не поощрялись, а наказывались. Началась охота на так называемых кулаков, коим сочли и Юсупа Кучинаева. В 1937 году зловещий механизм репрессивной машины стал вращаться с невиданной быстротой, перемалывая самую работающую часть крестьянства. Юсупа арестовали, имущество его конфисковали. Спрашивается за что, за какие грехи?! Ответ мы знаем. Имел немного больше скота, чем соседи, жил немного лучше. А это уже «преступление», уголовно наказуемое.

И загремел Юсуп по воле «тройки» из Верхней Балкарии аж до Енисея. В порту Игарка работал на мясокомбинате. Оттуда часть заключенных этапировали на строительство Беломорско-Балтийского канала им. Сталина. В эту группу попал и Юсуп Кучинаев. Там люди умирали пачками. Строительство контролировало ведомство человекообразного монстра Берии. Он устроил заключенным, работавшим на строительстве канала, настоящий ад. Их морили голодом, медицинскую помощь не оказывали. Многие умерли с лопатой или киркой в руках. О неимоверно жестоких условиях содержания заключенных на Беломорканале, бесчеловечного к ним отношения, если помните, писал Солженицын. С началом войны и без того плачевное положение заключенных стало еще хуже. Сотни невольников изъявили желание пойти на фронт: лучше погибнуть на поле боя, чем подохнуть в болоте этого проклятого канала. Откуда им было знать, что этим они подписали себе смертный приговор. Загрузив две баржи с добровольцами, вышли в море. Но не суждено было им дойти до переднего края. Фашистские бомбардировщики

разнесли в пух и прах баржи. Волны Балтики проглотили тела погибших, среди которых был и Юсуп Кучинаев.

Старший сын

Омар, старший сын Юсупа, от природы был физически сильным, любил спорт. Сдал нормы на значки «БГТО» (Будь готов к труду и обороне), «Ворошиловский стрелок» и другие. В дни комсомольской юности знал о героях Гражданской войны, летчиках, спасших челюскинцев, о стахановском движении, папанинцах и т.д. Каждый молодой человек хотел быть похожим на них, и Омар – не исключение. В школе он изучал военное дело. Учился разбирать и собирать винтовку, обращаться с гранатой. Фильмы «Чапаев», «Мы из Кронштадта» захватывали душу юноши.

Но, вопреки положению Конституции, что сын за отца не отвечает, ложное обвинение Юсупа распространилось и на его семью. Омара выгнали из Ленинского учебного городка как сына врага народа. А он так хотел учиться и тяжело переживал, что лишили права на образование. В те годы грамотных людей было очень мало, и Омара Кучинаева взяли на работу в финотдел Хуламо-Безингийского района без проволочек. Он исправно выполнял свои обязанности, его уважали, приводили в пример другим. Однажды, снабдив его наганом, поручили поехать в Нальчик и привезти деньги. На обратном пути на него напали бандиты. Видимо, кто-то сообщил им, что Кучинаев везет деньги. Пришлось применить оружие. Лошадь под ним, чуя опасность, рванулась в сторону от дороги, чуть не сбросив седока. Все же Омар доставил деньги по назначению в целости и сохранности, за что получил благодарность от районного начальства.

Наступил грозный 1942 год. Фашистское командование бросило большие силы на Сталинградское направление. Шли кровопролитные бои под Ростовом-на-Дону. Говорят, только умалишенные не боятся смерти. Я с этим не вполне согласен, потому что видел многих ребят, которые ходили в военкоматы с заявлениями об отправке их на фронт. Они знали, на что идут, и выжить в той страшной войне было очень мало шансов. И все же очень многие добровольно становились в ряды защитников Отечества. Добровольцем ушел на фронт и Омар Кучинаев. Заместитель командира взвода разведки старший сержант Кучинаев много раз ходил в тыл врага, чтобы установить его огневые точки и своевременно сообщить командованию. Не всегда удавалось оставаться не замеченным противником. Были случаи, когда приходилось вступать в бой. Теряли боевых товарищей, но что

делать, на то она война!

В феврале сорок четвертого года Омар в письме матери Салихат писал: «Завтра нам предстоит выбить немцев с высоты, которую они заняли и мешают продвижению наших войск. Если останусь жив, напишу...» Это было его последнее письмо. Он, наверно, чувствовал свою смерть, потому, видимо, и писал «если останусь жив».

Зарыдала Салихат горячими слезами. Нет больше ее любимого первенца, сына Омара! «О Аллах! За что ты так жестоко наказал нас, утонул в море отец, погиб сын, едва исполнилось двадцать лет!» – причитала бедная мать.

Вскоре на имя Салихат пришло письмо от командира воинской части, в которой служил ее сын: «Ваш сын Кучинаев Омар Юсупович, – писалось в нем, – возглавляя группу разведчиков, неоднократно ходил в тыл врага, приносил ценные сведения о расположении немецких войск, их техники и огневых точек, без «языка» никогда не возвращался. Но, к сожалению, на войне убивают. Омар погиб смертью храбрых, защищая Родину от гитлеровских захватчиков...»

Общеизвестно, что с момента вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз Красная Армия вела тяжелые бои в труднейших условиях со значительно превосходящими силами противника и несла большие потери. Так было на многих участках огромного фронта. Положил голову на алтарь победы и парень из высокогорного аула Омар Кучинаев. Трудно понять, почему в жизни так происходит? Отца, безвинного человека, уничтожила существующая власть, а сын с оружием в руках защищает эту же власть. Конкретный пример – отец и сын Кучинаевы.

Дорога в никуда

«Беда одна не ходит», – говорят в народе. В феврале 1944 года, защищая Родину от фашистов, погиб сын Салихат Омар, а в марте этого же года пришли ее выселять. Это было неслыханное беззаконие и произвол, впоследствии осужденные мировой общественностью. Но это будет потом, по происшествии многих лет. А сейчас мать погибшего на войне сына в течение двух часов должна собраться в дорогу, неизвестно куда и зачем. Один офицер и два бойца вошли во двор рано утром восьмого марта. Дети еще спали. Салихат была в ужасе, не зная, что делать, безумными глазами уставилась на незваных гостей. Офицер посоветовал ей брать теплые вещи и побольше продуктов. Дорога предстоит длинная. Обшаривая глазами все углы дома, один из солдат обратил внимание на фотокарточку в маленькой рамочке. Взял ее, присмотрелся. Не может быть! Глазам своим не верит. Нет, это он! Омар!

– Товарищ лейтенант! – крикнул вдруг солдат. – Я знаю этого парня, мы вместе воевали. Это Омар. Мы служили в разведроте, не раз я ходил с ним за языком. Храбрый был, надежный.

Узнав от матери, что Омар погиб, солдат пособолезновал.

Сказал, что он попал во внутренние войска после ранения, будто оправдывался перед Салихат. Лейтенант приказал своим солдатам погрузить ее вещи на машину, помочь взять все необходимое, что может пригодиться в дороге и на месте прибытия.

Чужбина явно недружелюбно встретила переселенцев с Кавказа. Уж больно много небылиц распространили о них среди местного населения. Постепенно балкарцы реабилитировали себя трудолюбием и честностью, поэтому отношение к ним изменилось в лучшую сторону. Салихат и Аниуар работали в Джамбуле на железнодорожной станции, очищали дороги от шлаков и разного хлама. Потом переехали в Киргизию, в город Кизил-Кия. Здесь семью Салихат постигла еще одно горе, умер сын Абдуллах, 13-летний мальчик. Уму непостижимо, как она перенесла столько горя. Балкарки, без сомнения, самые выносливые женщины в мире! В этом нет никакого преувеличения. Благодаря им наш народ выжил, хотя голод и болезни унесли жизнь сотен и тысяч стариков, женщин, детей...

Хочу поведать читателям, как пришло мне в голову писать о Кучинаевых. Мы с Аниуаром, средним сыном Юсупа, полвека проработали в газете. Я уже ряд лет на заслуженном отдыхе, а Аниуар еще не бросил пера. Я часто посещаю редакцию, и каждый раз захожу к давнишнему товарищу. И всегда вижу фотографию его старшего брата Омара. Узнав, что он погиб на войне, решил написать о нем. «Он ничего героического не совершил», – говорит Аниуар. А я привожу такой пример: известный военный писатель Константин Симонов одно время вел передачи по телевидению о полных кавалерах ордена Славы. Однажды он высказал такую мысль. Если солдат сделал хоть один выстрел в сторону врага, о нем люди должны знать. А Омар сделал много выстрелов, ходил в разведку, приводил «языков». То, что это правда, свидетельствует рассказ того солдата, который в сорок четвертом пришел выселять мать своего однополчанина.

Братья-писатели

Думаю, что стоит познакомить читателей и с младшими сыновьями Юсупа. Мне кажется, что трудолюбие отца в генах передалось его детям. Работоспособности Аниуара и Магомета можно позавидовать. Без отрыва от основной деятельности Аниуар получил специальность агронома (он много лет возглавлял отдел сельского хозяйства газеты), закончил филологический факультет КБГУ. Скажу, почему я заговорил о работоспособности. Работа газетчика – это адский труд, и знают об этом только журналисты. Но все же мой коллега находил время для творческой деятельности. Он – автор нескольких книг. Широкому кругу читателей известны его повести «На стремнине жизни», «Пленники шайтановой пещеры». «Поэма скорби», посвященная трагедии балкарского народа в связи с изгнанием его из

родных мест, глубоко взволновала тех, кто на себе испытал это чудовищное злодеяние против ни в чем не повинных балкарцев. Многие звонили в редакцию газеты «Заман» и благодарили автора за «Поэму скорби». А ведь среди них были и такие, которые не знали и в глаза не видели автора

произведения. Моя старшая сестра (теперь ее уже нет в живых) спрашивала меня, кто такой Аниуар Кучинаев. Говорила, что она плакала, когда читала поэму. Быть может, не все согласятся со мной, но я осмелюсь назвать «Поэму скорби» романом в стихах.

Аниуар заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской Республики, член Союза писателей России. Как-то в разговоре спросил его: «Слушай, друг, имея талант стихотворца, почему ты так поздно начал писать?» – «А ты будто не знаешь, сколько времени отнимает работа в газете», – был ответ.

Магомет, младший из братьев, отца своего не помнит. Он был совсем маленьким, когда забрали Юсупа. Магомет – истинный патриот своего народа. Происхождение балкарцев, их древний быт, традиции и обычаи, и многое другое является предметом исследования писателя-историка. Он одинаково хорошо владеет балкарским и русским языками. Его роман «Горькая дорога в рай» написан автором на русском языке. Двухтомник Магомета «История Балкарии с древнейших времен и до конца XX века», роман «Дети Солнца», «Айыу бла кертме ашаргъа базынган» (не могу дать точного перевода с балкарского, только скажу, что название романа означает: кто осмелился состязаться с медведем в потреблении лесных груш) вызвали живой интерес читателей.

Жаль, что Юсупу не довелось видеть своих сыновей Аниуара и Магомета взрослыми, нашедшими свое место в жизни, ставшими уважаемыми людьми в обществе, радоваться внукам и внучкам. Судьба не была к нему благосклонной. Смею утверждать, что это было не что иное, как злодеяние сталинских властей, вся политика которых была направлена на уничтожение лучшей части народа.

ДВЕ ПОЛОВИНЫ ЖИЗНИ ЛИЗЫ

Большая семья

Отца Петра в Пензе и губернии хорошо знали. Он удивлял еще смолоду. Молодой, с большими перспективами дворянин стал священником. Кто-то из посвящавших в сан, очевидно, был любителем древней истории. Петру дали фамилию римского императора Коммода. Так начинающий священник стал Коммодовым.

Много лет Петр дружил со Львом Николаевичем Толстым. Тот был старше, но охотно поддерживал дружбу. Их встречи обычно заполнялись спорами – слишком разнились взгляды на общество, на религию.

В семье Коммодовых четверо сыновей были офицерами, служили в столице, в гвардии, один сын – священник, еще один – инженер связи, двое пошли по экономической и торговой части. И только младшенький, Петя, учился в гимназии. Трое дочерей получили медицинское образование.

Лизонька

Е. П. Коммодова, 1913 г.

Большие связи отца и, особенно, братьев дали возможность средней сестре, Елизавете, работать в Крыму, в Ливадийском дворце. Это был санаторий царской фамилии и тогдашней элиты.

Очень привлекательную, отзывчивую, ласковую и трудолюбивую девушку все называли Лизонькой. Ей приходилось оказывать медицинскую помощь и членам царской семьи, особенно маленькому царевичу Алексею.

В 1915 году она вышла замуж за Михаила Стюарта. Молодой офицер, по происхождению из Шотландии, барон. Он имел все: блестящую карьеру, положение, двухэтажный дом в Ялте, состояние. Не было только здоровья – туберкулез.

Лизу несколько не изменило то, что она стала баронессой. Муж не возражал, чтобы она продолжала работать в Ливадии, которая превратилась в военный госпиталь для офицеров, раненных на германском фронте. Такая служба в то время была весьма престижной. По примеру самой императрицы и ее дочери многие знатные и богатые дамы становились сестрами милосердия в военных госпиталях.

Лизоньку очень ценили еще и за то, что она умела находить подход к любому, самому мрачно настроенному раненому, часто для всех вдохновенно

читала стихи Надсона, Никитина, Кольцова, Лермонтова. Множество стихов она знала наизусть еще с детства.

Сожженные революцией

В России одна за другой совершаются февральская и октябрьская революции 1917-го. Разгорается гражданская война. Крым становится оплотом белогвардейцев. К полуострову идут иностранные суда с оружием и боеприпасами для 150-тысячной армии Врангеля. Английские и французские специалисты руководят строительством укреплений на Перекопском перешейке, учат белогвардейцев обращаться с новейшей военной техникой – танками и самолетами.

Армия Врангеля выходит из Крыма, захватывает часть южнорусских районов, пытается прорваться к Донбассу, готовится к походу на Москву. Красная Армия ведет тяжелые бои с белополяками, не может сосредоточить против Врангеля необходимые силы, чтобы перейти в наступление. Врангелевцы пользуются этим все лето и начало осени.

Лиза несколько раз близко видела Врангеля. Генерал-лейтенант, барон, высокий, с вытянутым породистым лицом, всегда в черной бурке (отсюда – «черный барон»), он производил суровое впечатление.

В начале осени 1920 года происходят жестокие бои под ставшей потом легендарной Каховкой. Конница и пехота белых, усиленные броневиками, не считаясь с потерями, пытались остановить наступление 51-й стрелковой дивизии под командованием Блюхера. Силы Врангеля бросили на этот участок фронта необычный тогда вид оружия – четыре английских танка. Но красноармейцы смогли подбить два из них, а два были взяты абсолютно целыми.

Врангелевцы терпят сильнейшее поражение, отступают и укрываются в Крыму.

«Крым неприступен! – самоуверенно считают белогвардейские генералы. – Сюда можно попасть только по узкому Перекопскому перешейку, перекрытому Турецким валом высотой 8 метров, или через Сиваш – «Гнилое море». Везде ряды заграждений из колючей проволоки, блиндажи, ходы сообщения. Перед валом глубокий, шириной в 20 метров, ров».

К этому времени большевики заключили мир с панской Польшей, и с Западного фронта на юг были переброшены полки Первой Конной армии.

Утром 8 ноября начался штурм. Перекоп пал в течение суток. Но взят был очень большой ценой: некоторые дивизии потеряли три четверти своего состава.

Из морских портов Ялты, Керчи и других мест Крыма срочно отплывают в Турцию и дальше десятки пароходов, переполненных теми, кому нельзя оставаться на российской земле.

Бежать удается не всем. По всему Крыму начинается настоящая охота на «беляков» и «буржуев». Ими считают всех, кто приехал в Крым в последние два года. За несколько дней уничтожены тысячи людей.

Коллектив Баксанской больницы. Елизавета стоит третья слева, 1926.

В Ливадии раненых офицеров выволакивают из палат во двор, рубят шашками или расстреливают. Тела сбрасывают в бассейн главного фонтана.

– Это вам за наших погибших товарищей!

Кое-кто из медперсонала попытался остановить расправу.

– Молчать, белые подстилки! И вам такое устроим!

Главврача и коменданта Ливадии расстреляли. Остальных выгнали.

Мужа Лизы расстреляли. Дом в Ялте конфисковали. Пришлось ютиться где попало. Маленькая дочка простудилась и умерла от воспаления легких. У Лизы в жизни все рухнуло.

– Как жить дальше? Зачем?!

А жить-то надо...

И только глубокое осознание того, что самовольный уход из жизни – страшный грех, удержало ее от рокового шага. Она уезжает из Ялты, бежит на родину, в Пензу. Как добралась туда, через еще бурлящую Россию, не помнит.

В Пензе узнает новую страшную весть: отец расстрелян, в живых только три брата, в родительском доме – ревком, сестер приютил кто-то из бывших прихожан отца. Работы никакой. На улице – иногда злобные взгляды и откровенно угрожающее:

– Прибить бы вас, поповские дочки!

Так проходит более двух лет...

В газете однажды сестры прочитали, что русских врачей правительство Кабардино-Балкарской автономной области приглашает приехать для организации медицинской помощи населению.

А что? Там хуже не будет!

Время лечит

Встретили их в Кабарде очень тепло. Сразу определили на работу. Старшую, Дину, – в станицу Прохладная, младшую, Анюту, – в Котляревскую, среднюю, Елизавету, – в селение Баксан. Это были самые большие поселения области. В каждом есть медпункт, на 2–5 коек больничка, небольшие коллективы медработников.

Больных очень много, дня часто не хватает для их приема. Чесотка, дизентерия, оспа, у мужчин парша головы – мохнатые бараньи папахи люди снимали только на время сна, существовал и вредный обычай брить голову ножом. Много хронических больных. А врачей – единицы. В селах только народные лекари, знахарки.

В какой-то степени это спасало. Ведь у кабардинцев отдельные стороны народной медицины были весьма развиты, из века в век передавались знания целебных свойств пустырника, чистотела, крапивы, чеснока, плодов шиповника, дикой груши, калины.

Народные целители в своей практике широко применяли окись железа, медный купорос, сурьму, глину, соль, желчь коровы. Рост очень распространенного зоба (жэжгъууз) замедляли настоем коры дуба, чесотку и паршу лечили зольными мазями, солеными отрубями, дегтем или смесью серы и топленого масла.

Елизавета Петровна старательно записывает рецепты, иногда использует в своей практике. Кабардинки-знахарки знали секреты сложных операций. Оспа, например, оставляла переболевшему множество шрамов-оспин, особенно обезображивала лицо. Чтобы этого не произошло, надо было каждую оспинку проколоть хорошо прокаленной иглой или колючкой некоторых растений. Выступивший гной смыть перебродившим кислым молоком молодой козы. Сколько терпения нужно и больному и целителю!

Много работать Лиза была согласна – не оставалось времени для мыслей о личном горе. Сознание нужности людям, безмерная благодарность с их стороны, уважение маленького, но очень дружного коллектива – целительны для души!

Правда, жизнь еще дважды бьет ее. Через два года Дина заразилась сыпным тифом, спасти ее не удалось. Еще через год от дизентерии умирает Анюта.

Жить можно, жить нужно!

В 1933 году Елизавета Петровна усыновляет маленького Гену. Это сын ее брата Константина.

Е. П. Коммодова, 1968 г.

В 1934 году ее переводят в Чегем I. На нее возлагают задачу в большом селе организовать медицинское обслуживание. Сразу находится замечательная помощница. Молоденькая Таужан Пшунокова только что окончила созданную при Ленинском городке медшколу. Таужан оказалась очень энергичной и деловой.

Через год Лиза, как ее давно называют больные, смогла спокойно оставить на Таужан село – ее переводят в Герменчик.

Это новое село только начало формироваться. В медпункте, который находился в одном из строений колхозного двора, могут получить медицинскую помощь и рабочие расположенного недалеко Лубзавода, и жители соседнего небольшого села Жеремоко.

Малярия и роженицы требуют особого внимания и сил. Против малярии – хинин и добровольцы, которые несколько раз за лето опрыскивают обширные заросли камыша вокруг села. Роженицам нужны опыт, терпение и доброта Лизы, «фызгальхуэ», как ее называли.

Были в практике Елизаветы Петровны тяжелые, сложные случаи. У Маржинат Бекановой за три часа родились три мальчика и две девочки. Все остались живы. У Хузицы Тлуповой плод располагался поперек. Роды длились сутки. И Лиза ни на минуту не отошла от нее, сумела рукой сантиметр за сантиметром повернуть рождающегося в нужное положение.

Два предвоенных года Елизавета Петровна проработала в Нартане. В начале 1941 года ее перевели в селение Кенже. Медпункт здесь хороший, в бывшем княжеском доме. Дом стоит в середине обширного сада, на возвышенности.

– Осенью 1942 года пришлось мне, – вспоминает Елизавета Петровна, – находить выход из очень сложного положения. В период оккупации больные, как прежде, идут ко мне! А помочь нечем. Стала вспоминать рецепты народной медицины. Самое эффективное средство придумала сама – хэкьурт. Да-да, немного поджаренная кукурузная мука, я делала порошки, давала больным, от самого разного. И помогало! Конечно, действовал психологический настрой больного.

В 1943 году произведен последний перевод – в соседнее село Шалушка. Здесь с Хажисом Керефовым и Лизой Кешоковой открыли роддом и амбулаторию.

Шалушкинцам Елизавета Петровна отдала 30 лет работы и жизни. Когда она умерла, хоронили ее всем селом. Старшее поколение благодарно помнит Лизу и сегодня.

Р. С.: Две внучки Елизаветы Петровны, Маргарита и Алла, – отличные врачи с большим стажем.

Елена ГУБАШИЕВА

ЭНЕРГИЯ МНЕМОЗИНЫ*Образ памяти в романе Михаила Лохвицкого «Неизвестный»*

В источниках поздней античности, кроме известной реки Забвения – Леты, – упоминается река Памяти, или река Мнемозины. Мнемозина – богиня Памяти, дочь Урана и Геи. Те, кто принадлежал к источнику Мнемозины, должны были вспомнить всё и обрести всезнание. Последователи этого учения верили, что после смерти им будет предоставлен выбор, из какой реки пить, и они смогут выбрать Мнемозину вместо Леты. Праведники, погрузившись в Мнемозину, могут выплыть в мир живых, обретя таким образом второе рождение.

Эта система образов лежит в основе романа «Неизвестный» Михаила Юрьевича Лохвицкого (он же Аджук-Гирей). Акцент делается на таком феномене, как память, которая утрачена героем романа.

Во время нашего анализа мы держали в поле зрения идею, сконцентрированную в ряде работ М. М. Бахтина: существует такой феномен, как память литературы и культуры.

В начале третьего тысячелетия человечество вновь и вновь ищет ответы на вечные вопросы о смысле жизни, об обществе и человеке, их ответственности за сегодняшний день, именно за сегодняшний, так как завтрашнего может и не быть. Эти вопросы беспощадно ставит сама жизнь. В творчестве М. Лохвицкого, известного читателям по произведениям «Час сенокоса», «Громовый гул», «Поиски богов» и др., также звучат тревожные ноты о глубоких и печальных проблемах человечества.

*Михаил Лохвицкий
(Аджук-Гирей)*

Великая Отечественная война отражена в русской литературе глубоко и всесторонне, во всех проявлениях: армия и тыл, партизанское движение и подполье, трагическое начало войны, отдельные битвы, героизм и предательство. Авторы военной прозы – как правило, фронтовики, в своих произведениях они опираются на реальные факты, на собственный фронтовой опыт. На войне разворачиваются драмы и трагедии, от поступка человека зависит порой его жизнь или смерть. Писатели-фронтовики – это целое поколение мужественных, многое испытавших личностей, перенесших военные и послевоенные невзгоды.

Большой вклад в развитие советской

военной прозы внесли писатели-фронтовики, вступившие в большую литературу в конце 50-х – начале 60-х годов. Это такие прозаики, как Ю. Бондарев, В. Быков, Г. Бакланов, В. Богомолов, В. Астафьев, В. Распутин. В их творчестве, по сравнению с произведениями предшествующего десятилетия, усиливается трагический акцент в изображении войны. Война для них – это не столько героические подвиги, сколько исследование психологических основ духовной человеческой памяти – Мнемозины. Память рассматривается писателями-фронтовиками как высшая, непреходящая ценность, многогранная по своей сути, означающая любовь человека к родной земле, родному языку, природе, к родным могилам, что в целом свидетельствует о нерасторжимой связи времен.

И как только происходит разрыв этой связи, сразу утрачивается или скудеет память. Человеческая жизнь тогда начинает подчиняться иным закономерностям: все может переходить в свою противоположность, благое намерение – в преступление, человеческая сущность – в античеловеческую, добро – в зло. Таким образом, память выявляет прежде всего нравственную полноценность человека.

Самобытно раскрывается проблема памяти в творчестве М. Лохвицкого.

Михаил Юрьевич Лохвицкий (1922–1989) – советский писатель, редактор, журналист. Его дед – Закир Аджук-Гирей, адыг, черкес-шапсуг. Будучи двенадцатилетним мальчиком, в 1864 году он чудом спасся во время покорения русскими родного аула, где погибли все его родные. Подобранный солдатом Иваном, денщиком поручика Пригоры, он был усыновлен русским офицером. При крещении в церкви в Туапсе Закир получил имя Захарий и отчество и фамилию крестного отца – штабс-ротмистра Петра Давыдовича Лохвицкого, и стал Захарий Петрович Лохвицкий. Судьба благоволила ему. Он окончил гимназию, школу межевиков, Петербургский институт инженеров путей сообщения.

Отец писателя – Георгий Захарьевич Лохвицкий, окончил тот же институт, женился и жил в Петербурге, работал на строительстве Волховской ГЭС, затем в Узбекистане на строительстве оросительных каналов и в Грузии на сооружении линий электропередачи Закавказской железной дороги.

Миша Лохвицкий перемещался вместе с родителями по стране, пока семья не осела в Тбилиси, чтобы определить сына в школу. В 1940 году Михаил был призван в Красную Армию. Он с честью прошел Великую Отечественную войну, был моряком Волжской, Черноморской, Азовской флотилий. Поступив в 1947 году на филологический факультет Тбилисского государственного университета, начал работать журналистом. Окончив университет, надолго поселился в подмосковном Обнинске. Затем, вернувшись в Грузию, жил в селе Кортанеты в Боржомском ущелье.

Бывший десантник Михаил Лохвицкий воскрешает в памяти печальные и трагические периоды Великой Отечественной. Через его батальон прошло семь с половиной тысяч моряков, а на встрече фронтовиков в 1965 году их осталось всего восемьдесят два человека. И

это трагедия такого масштаба, когда особенно страшно и хочется кричать от боли. Но о войне автор пишет мало, обычно образ войны появляется в его творчестве на уровне памяти, очень далеко, он соткан из реальных воспоминаний и субъективного отношения автора к войне. Энергия Мнемозины передает состояние десантников, высадившихся на берег, будут ли они идти в наступление или нырнут в крошечную морскую пучину. У всех это опасное для жизни ожидание происходит по-разному, с разной энергией. Война не может уйти из памяти по внутреннему импульсу. Энергия Мнемозины сохраняет ощущение войны и в сюжете повествования, и в биографии героя. Есть у Михаила Лохвицкого рассказы о войне: «Дом без кровли», «Мой близкий друг» и другие.

Роман «Неизвестный» является центральным произведением автора, посвященным Великой Отечественной войне. Герой романа, потерявший память в результате ранения, пытается восстановить свое «Я». Мотив памяти реализуется на всех уровнях структуры произведения. Его основное измерение – реально-психологический уровень повествования.

Исключительно многомерный роман «Неизвестный» с первых страниц строится на скрещении временных и пространственных перспектив. Госпиталь – место действия романа – увиден глазами солдата, потерявшего память. В плане настоящего память складывается путем сосредоточения действия, больной постепенно возвращается к жизни, он охвачен жадной воскрешения самого себя. Об этом свидетельствуют его невероятные усилия, чтобы вспомнить свое имя, своих друзей, родителей. Огромным напряжением воли он пытается вернуть свою память в прошлое, когда он был десанником на морфлоте. Мотив памяти, чувства человеческого достоинства и свободы мощно проецируются в романе. Война уродует человека, война отнимает у солдата память, и это величайший грех перед человеческой природой, ибо потерявший память может убить не только врага, но в состоянии убить и собственную мать.

Гармоничному согласованию трех временных и повествовательных пластов в большей мере способствует тот же мотив памяти, выполняющий на этот раз свою конструктивную роль, что помогает писателю использовать прием монтажа, сопоставляя события, параллельные во времени и пространстве, с помощью композиции, нарушающей принцип хронометрической последовательности сегментов и развивающей ход сюжетных линий без традиционно-эпической каузальной связи.

Несмотря на большое философское насыщение, роман «Неизвестный» увлекает не сразу: зеленые холмы, башни средневекового замка, смеющиеся глаза девушки – все, что видит герой, растворяется в ослепительной вспышке. Взрыв! Последняя мысль: уж не взорвалось ли Солнце? Потом он слышит, как кто-то говорит: «Ээ... эмбер...» Слова эти знакомы. По-русски они означают: «Это... человек...»¹. Человек ищет то, что было отнято во внешнем мире, совершается поиск памяти. Душа героя романа утратила память об ощущении, о знании, но снова и снова вызывает ее, напоминает прошлое. Возможно, душа существовала в каком-то месте, прежде чем родиться в человеческом образе. Герой романа творит свое воспоминание: «Он должен ответить себе на вопрос

«Кто я?»). Словно и не было ничего... так не может быть. Если я есть, то я и был»².

Михаил Лохвицкий утверждает, что реальность и есть память. Реальность – она настоящая, а герою нужно прошлое. Возникает образ на берегу реки, из земли поднимается древний замок, вспыхивает ярким светом самолет. Но «видения, которые возникают у героя, нельзя приложить к себе». Скрип двери, боль, шлепанье ног, прикосновение руки, жидкость из трубки – реальность. Затем из прошлого возникает образ отца, мельницы, моста. Прошлое воспринимается как собственность, возвращая прошлое, он возвращается к себе. И не случайно повествование в романе ведется от первого лица. В настоящем герой отрешен от реальности, потому что нет у него прошлого.

Возвращение из «сновидческой» реальности прошлого, восстановленного энергией Мнемозины, восстановление биографии помогает герою вернуться к самому себе. Личность продолжает жить по законам бытия независимо от того, есть ли у героя имя, помнит ли он свое детство, родителей, друзей.

Путь героя – путь по забытым следам, путь познания самого себя, путь воспоминания. Энергия Мнемозины и духовный потенциал героя восстанавливают личность моряка. Воссоздание своей личности в преобразованном виде после забвения предстает как результат постоянного взаимодействия всех трех вовлеченных в указанную ситуацию величин: памяти, забвения и преображения возрожденной личности. «Мое Я выпрыгнуло из времени так стремительно, что я растерялся... Казалось бы, ты вернулся к прошлому, но ты уже не тот, который был... Ты не тот матрос, каким был, и не тот неизвестный, каким был...»³. Герой романа с детской наивностью спрашивает хирурга Белоусова, оперировавшего его, зачем ему нужна память? И сам же отвечает на свой вопрос: «А я знаю теперь, почему я должен вспомнить. Не зная себя – я одинок»⁴.

Итак, старые знания, ценности, выработанные всей жизнью Неизвестного (он вспомнит свое имя), оттесняются на задний план, но не покидают героя романа навсегда, прошлый опыт эволюционирует. Знания и ценности действуют поверх каких-либо границ – временных, пространственных, национальных. Существует пространство некоторой «общей» памяти. Прошлое постоянно загружает в память героя романа свои обломки, фрагменты, эпизоды, отдельные имена, фамилии, и каждый из этих элементов имеет свой объем памяти.

Михаилу Лохвицкому вместе с героем его романа дано было сделать выбор между Летой и Мнемозиной.

¹ Лохвицкий М.Ю. Проза разных лет в 2-х книгах. Книга 2 // Роман «Неизвестный». Тбилиси, Мерани, 1984 г., с. 5.

² Там же, с. 6.

³ Там же, с. 115.

⁴ Там же, с. 120.

Оюс АЙШАЕВ,
кандидат исторических наук

ТАЛАНТ ВЕЛИКОГО УЧЕНОГО

К 70-летию доктора исторических наук, профессора, академика пяти Международных академий, почетного работника высшего профессионального образования РФ, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Койчуева А. Д.

В эти дни в нашей стране широко отмечается юбилей одного из лучших сынов карачаево-балкарского народа, выдающегося ученого современности Аскербия Дагировича Койчуева. Он родился 22 апреля 1943 г. в ауле Сары-Тюз (Желтая Равнина) Усть-Джегутинского района Карачаево-Черкесской области. В большой семье он был самым младшим, восьмым ребенком. 2 ноября 1943 г., в шестимесячном возрасте, его обвинили в пособничестве немцам и вместе со всем карачаевским народом депортировали в аул Кызыл-Аут, Таласского района Джамбульской области Казахской ССР. Здесь ему пришлось пережить все ужасы спецпереселенца. В таких жутких условиях Аскербий лишился отца, единственного кормильца семьи. Пятилетний мальчишка вынужден был идти в колхоз, работать вместе со старшими, заниматься изнурительным трудом. Чтобы не умереть с голоду, надо было ежедневно выполнять норму, а она была большая для многодетной семьи. Работать на хлопковых полях приходилось от зари до зари. Труд спецпереселенца ничего не стоил.

С 1-го по 7-й классы Аскербий вынужден был учиться на казахском, так как преподавание в Кызыл-Аутской сельской школе велось только на этом языке. Дальнейшую учебу он уже продолжил на русском языке, по возвращении на этническую родину в мае 1957 г. В родном ауле Сары-Тюз окончил среднюю школу. Затем пошел работать в совхоз «Краснореченский», через год поступил учиться на заочное отделение экономического факультета Ставропольского сельскохозяйственного института. Но недолго пришлось ему совмещать работу с учебой, вскоре Аскербия вызвали по повестке в военкомат и отправили на действительную военную службу – на Черноморский флот. За безупречную службу, добросовестное и честное исполнение воинского долга он неоднократно поощрялся командованием. При демобилизации из рядов Вооруженных сил СССР Аскербий Койчуев был награжден юбилейной медалью «20 лет

Победы СССР в Великой Отечественной войне».

После армии он вернулся домой, в родной аул Сары-Тюз, на прежнюю работу в совхозе «Красногорский». Но с учебой на экономиста пришлось расстаться, как говорит он сам: «За годы службы многое передумал, решил всего себя посвятить профессии учителя». Забрав документы из Ставропольского сельхозинститута, Аскербий поступает на исторический факультет Ленинградского госпединститута им. А. И. Герцена. Годы жизни и учебы в г. Ленинграде оказались самыми яркими страницами в биографии А. Д. Койчуева.

Один из лучших студентов вуза Аскербий Койчуев являлся старостой группы, председателем студкома исторического факультета. Ему понадобился ровно один год, чтобы вывести свой факультет с последнего места на первое по санитарному состоянию, соблюдению внутреннего распорядка, организации досуга студентов. Кроме того, Аскербий устроился электриком в общежитии, где жил. Дополнительный приработок помогал ему не быть обузой для пожилой, к тому же больной матери и сестер. Конечно, приходилось нелегко – после учебы и общественной работы каждый день ходить по комнатам, устранять неполадки в осветительных приборах, розетках, электропроводах. В большом 9-этажном корпусе жили около девятисот студентов, так что работы хватало. Но учеба от этого не «хромала».

После окончания вуза А. Д. Койчуеву вместе с дипломом было вручено решение ученого совета исторического факультета рекомендовать его для поступления в очную аспирантуру, а затем последовало предложение остаться на кафедре истории КПСС ЛГПИ им. А. И. Герцена преподавателем. Но Аскербий Дагирович не смог принять ни то, ни другое предложение из-за болезни матери, которая нуждалась в уходе сына. Он поступил в заочную аспирантуру при кафедре истории СССР ЛГПИ, стал аспирантом профессора Г. М. Дейча и вернулся в родной аул Сары-Тюз работать учителем истории и обществоведения в школе, где раньше учился сам.

Аскербий Дагирович сполна отдавал себя педагогической деятельности, прививал любовь учащимся к истории родного края, использовал передовые методы преподавания, строил занятия максимально разнообразно и интересно, давал показательные уроки учителям истории школ Карачаевского района. Его уроки посещали инспекторы района, Института усовершенствования учителей Карачаево-Черкесской АО, он щедро делился своим опытом, выступал с блестящими докладами перед различными аудиториями.

Ему стали предлагать административную работу: трижды – должность директора школ Карачаевского района, партийную работу в Усть-Джегутинском районе. Но Койчуев не соглашался, он должен был, работая учителем истории, завершить свое диссертационное исследование на тему «История создания и публикации работ В. И. Ленина, посвященных аграрному вопросу в России (1898-1917 гг.)».

В 1977 году он успешно защитил диссертацию в установленный срок и стал кандидатом исторических наук.

В том же он году пришел к заведующей кафедрой истории КПСС Карачаево-Черкесского госпединститута с просьбой принять его на работу старшим преподавателем. Но она проявила свою некомпетентность, отослала его к ректору, ректор – к заведомо пропаганды и агитации обкома КПСС, заведомо – ко второму секретарю ОК КПСС, который после недельной волокиты отказал ему, мотивируя тем, что пединститут в дипломированных специалистах не нуждается, и нет вакансий. И это в то время, когда КЧГПИ был укомплектован преподавателями с учеными степенями и званиями лишь на 25-30 процентов.

А. Д. Койчуеву предложили партийную работу в аппарате Карачаевского горкома КПСС, от чего он, как коммунист, не смог отказаться. Сначала его избрали на должность заведующего отделом агитации и пропаганды, через два с половиной года – вторым секретарем.

В 1982 г. его направили заведующим кафедрой истории КПСС Карачаево-Черкесского государственного педагогического института, дали возможность заниматься любимым делом по призванию.

Работая завкафедрой, Аскербий Дагирович преподавал студентам историю, завершал докторскую диссертацию на тему «Неразысканные письма В. И. Ленина», однако завершить ее ему так и не удалось. В 1983 г. по рекомендации обкома партии Министерство образования РСФСР своим приказом назначило А. Д. Койчуева проректором по учебной работе. За предыдущие пять лет в КЧГПИ сменились шесть проректоров по учебной работе. Но Аскербий Дагирович проработал в этой должности 7 лет (1983-1990 гг.) и добился значительных успехов в улучшении учебно-воспитательного процесса в вузе, что послужило веским основанием для избрания его в 1990 г. на должность ректора института. За 10 лет (1990-2000 гг.) он вывел свой вуз в число лучших на Северном Кавказе. В 1994 г. Карачаево-Черкесский государственный педагогический институт был преобразован в Карачаево-Черкесский государственный педагогический университет. Ректору А. Д. Койчуеву удалось открыть дополнительно два новых факультета, организовать подготовку специалистов по 12 направлениям, на 40 процентов увеличить число студентов, на 44,3 процента – преподавателей, количество кафедр довести с 25 до 39, при университете открыть два специализированных совета по защите кандидатских диссертаций по литературе народов РФ и по общей педагогике.

За 10 лет (с 1990 по 2000 гг.) количество докторов наук, профессоров в вузе увеличилось в 8,2 раза, кандидатов наук и доцентов – в 1,8 раза, доцентов без ученой степени кандидата наук – в 19 раз, специалистов высшей квалификации – на 7 процентов. К 2000 году 12 ученых КЧГПУ стали академиками различных академий РФ, 10 – членкорами, 7 – заслуженными и почетными работниками

высшей школы Российской Федерации, 26 – заслуженными учителями, работниками культуры, спорта, науки, высшей школы, 6 преподавателей – членами Союза писателей СССР, РФ, 5 – членами Союза художников РФ, 15 – членами Союза журналистов РФ, 4 – мастерами спорта СССР и РФ. Все эти достижения не могли не отразиться положительно на качестве учебно-воспитательного процесса, повышении успеваемости студентов, из которых 375 стали отличниками учебы. За 10 лет было выпущено 4000 дипломированных специалистов, что составило 40 процентов всех выпускников вуза со дня его открытия. В их количественное увеличение стали вносить свой вклад филиал КЧГПУ в г. Крпоткине и представительство университета в г. Невинномыске, а также экстернат по истории, филологии и математике, открытые ректором Койчуевым. Его же детищами являются музей декоративно-прикладного искусства с выставочным залом творческих работ преподавателей и студентов художественно-графического факультета КЧГПУ и художников Карачаево-Черкесской республики, народный ансамбль песни и пляски «Дружба» («Шохлукъ»), вокально-инструментальный ансамбль.

Ректор КЧГПУ Аскербий Дагирович Койчуев создал редакционно-издательский отдел, открыл университетскую типографию с необходимым оборудованием, где активно стали печататься сборники тезисов, докладов и сообщений, научные статьи преподавателей и аспирантов, организовал выпуск научно-методического журнала «Вестник КЧГПУ», газеты «Университетский вестник», ежегодного сборника научных трудов «Алиевские чтения».

По инициативе Аскербия Дагировича в университете ежегодно проводились «Дни открытых дверей» для абитуриентов и их родителей, слеты отличников учебы, состязания клубов веселых и находчивых (КВН), куда входили команды восьми факультетов, проводились смотры художественной самодеятельности, отчетные концерты музыкально-педагогического факультета, межфакультетские спортивные соревнования.

Это ему, седьмому ректору вуза, удалось восстановить прежде утерянные уникальные архивные документы истории Карачаево-Черкесского госпединститута.

Но политическая обстановка в КЧР в 2000 году сложилась таким образом, что доктор исторических наук, профессор А. Д. Койчуев ушел с поста ректора Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета и остался профессором кафедры истории Отечества. Аскербий Дагировича это не удовлетворило, в очередной раз он проявил инициативу и открыл в городе Карачаевске институт экономики и управления, таким образом разрешил очень важную проблему – многим юношам и девушкам дал возможность, никуда не выезжая, у себя на месте получать высшее экономическое и управленческое образование.

А. Д. Койчуев не только талантливый организатор высшего

профессионального образования и педагог. Он – крупный ученый, также активно занимается научно-исследовательской и методической работой, в 2000 году в Российском государственном открытом университете им. М. А. Шолохова (г. Москва) защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме: «Карачаевская Автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Аскербий Дагирович опубликовал в научных и научно-методических изданиях Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Новосибирска, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Пятигорска, Элисты, Нальчика, Черкесска, Карачаевска и других городов более 160 своих трудов, в том числе 15 книг, из них – 3 монографии. Они посвящены актуальным проблемам отечественной истории, педагогики, этнопедагогики, этнопсихологии, межнациональных отношений, дружбе народов, теме Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, созданию правдивой истории депортированных народов и имеют научное применение. А. Д. Койчугев создал и продолжает руководить двумя научными школами по темам: «Участие народов Северного Кавказа в войнах России с внешними врагами (с середины XIX по XX вв.)» и «Духовная культура народов Северного Кавказа». Он активно участвует во многих международных, всероссийских, региональных, общевузовских научных конференциях, в конгрессах, симпозиумах, «круглых столах» по самым актуальным проблемам исторической науки. Глубоко содержательные доклады авторитетнейшего карачаево-балкарского ученого вызывают большой интерес в научной среде, заинтересованно обсуждаются и широко используются.

Не будет преувеличением, если скажем: А. Д. Койчугев всецело посвятил себя развитию и приумножению достижений северокавказской и российской науки. Тысячи его выпускников сегодня работают во многих отраслях народного хозяйства не только в Карачаево-Черкесии, на Северном Кавказе в целом, но и в других регионах России, внося свой посильный вклад в развитие страны. В этом суть жизни выдающегося ученого современности.

Аскербий Дагирович серьезно занимается подготовкой аспирантов и докторантов, уделяет им много внимания и времени. При этом добивается хороших результатов, под его руководством подготовлено более 20 кандидатских диссертаций, из них 15 защищены, их авторы сейчас работают в различных учебных заведениях Юга России. Профессор А. Д. Койчугев является научным консультантом трех соискателей ученой степени доктора исторических наук. Он действительный член международной академии акмеологических наук, международной академии педагогического образования, международной академии информатизации и информационных технологий, Санкт-Петербургской академии военной истории. На протяжении 15 лет А. Д. Койчугев был членом редакционного совета журнала «Научная мысль Кавказа» (1995-2010 гг.), является членом редакционного совета двухтомной энциклопедии «Культура народов

Северного Кавказа». В 2005-2010 гг. был членом редколлегии реферируемого журнала «Научные проблемы гуманитарных исследований» Пятигорского государственного технологического университета, в течение 10 лет является членом докторского диссертационного совета по отечественной истории при ПГТУ.

А. Д. Койчуев активно сотрудничает со средствами массовой информации, он член Союза журналистов РФ, с юношеских лет одарен и талантом стихотворца, член Союза писателей РФ, Является автором двух поэтических сборников стихов и около 20 песен на карачаевском языке. Его стихи включены в школьную хрестоматию 7 класса.

Много времени он отдает общественной деятельности, был депутатом четырех созывов Карачаевского городского Совета народных депутатов (1977-1991 гг.), являлся депутатом Народного собрания (парламента) Карачаево-Черкесской республики (2005-2010 гг.), членом совета по межнациональным отношениям при правительстве КЧР (2004-2008 гг.), членом общественного совета (палаты) при президенте КЧР (2005-2008 гг.), внес весомый вклад в разработку и принятие основных законов экономического и политического становления субъекта Российской Федерации. Убеденный интернационалист, он всегда выступает за стабильные межнациональные отношения, мир, дружбу, единство и братство народов КЧР, Северного Кавказа, целостность, неделимость и величие Российского государства.

А. Д. Койчуев с 2010 г. является членом совета старейшин при руководителе Карачаево-Черкесской республики.

Заслуги А. Д. Койчуева перед Отечеством отмечены государственными и общественными наградами: орден Дружбы (1997 г.); за безупречную службу в рядах Советской Армии – медаль «20 лет победы СССР в Великой Отечественной войне» (1965г.); медаль профсоюза Министерства образования России «100 лет профсоюзам РФ» (2005 г.); медаль Санкт-Петербургской академии военной истории «За заслуги» (2007 г.); юбилейная медаль Героя Советского Союза Алима Байсултанова; юбилейная медаль Хыйса (Киляра) Хачирова – первого восходителя на вершину Эльбруса в 1829 г. Международная наградная палата в знак признания успехов и достижений в профессиональной деятельности вручила ему диплом, медаль и ленту «Элита образования» (2003 г.). В 2006 году А. Д. Койчуев занесен в первый том энциклопедии «Выдающиеся деятели России» как выдающийся ректор и ученый (с. 92-93). В 2009 году президент мирового Артийского комитета и Мировой ассамблеи общественного признания присвоил ему почетное звание «Кавалер международного золотого ордена «Рыцарь чести».

Здоровья, благополучия и долгих лет жизни юбиляру, дальнейших творческих успехов!

Зульфия АЙШАЕВА

Выбираясь из душных комнат,
 Наши жизни переплетались.
 И служители дня и ночи
 Им дары свои расстилали.

Предлагали такую цену,
 Чтобы все могли замараться.
 Добровольно отдавшись плену,
 В платьях фальши нам показаться.

Да потом кто-то смутно вспомнит,
 Что за днями приходят ночи.
 И к продрогшим ладоням клена
 Первый дождь будет приурочен.

Мы вернемся, снимая маски,
 Разделяя – на быль и небыль.
 И по-новому, без опаски,
 Над собою распишем небо.

Выбираясь из душных комнат,
 Наши жизни переплетались...

В пурпурных мечтах
 Утопала реальность,
 И цвета лишились сны.

А миг уносил
 Тонкокрылую вечность
 На остров седой луны.

И время все шло,
 Ничего не меняя –
 Бедой измерялся год.

Хотелось мечтать,
 Да вот жизнь доложила,
 Что будет – наоборот.

Взрослели рано...
 Как горные скалы,
 Молча сносили обман.

В сердцах усталых,
 Сквозь отзвуки стали,
 Как песня, звучал Коран.

В пурпурных мечтах
 Утопала реальность,
 И цвета лишились сны.

А миг уносил
 Тонкокрылую вечность
 На остров седой луны...

О поруганной человечности
Не замолвили слово в вечности.
И, как раненный зверь, умирая,
Мечь кусает в последний раз.

Мы проснулись другими, и рыцари
На полотнах сердец наших выцвели.
И не вырвется гордая истина
Из навеки закрытых глаз.

Вкус мечты вовек неисполненной,
Да с приправой надежды огненной,
Не согреет. Дороги с проседью
Покидает ручной пегас.

Как котята слепые от роскоши,
В камыши непролазные брошены,
Те, кого махровою простыней
Укрывал вероломный фарс.

Пустота под чужими звездами –
Не для всех. Как рябина гроздьями,
Цветом крови манит, и поздними
Откровеньями в зимний час.

Но не дрогнут глаза закрытые...
И не дрогнут сердца разбитые...
Когда те, кто окружен свитами,
Свой услышат последний глас.

О поруганной человечности
Не замолвили слово в вечности...

Колыбельная

На большой планете
Нас играют дети.
Им в застенках Муза
Пишет колыбель.

На пологих склонах,
Мудростью беленых,
Царство принимает
Молодой Апрель.

Не ступай по краю,
Спи, мой милый, баю...

За широкой дверью
Не таится враг.

У лесной сторожки
Подкосились ножки.
И не просит крови
Снятый с дровка стяг.

Спи, мой милый, баю,
Не ступай по краю.
За широкой дверью
Не таится враг.

Не к сроку

Поле пахнет лунная волчица.
 В облаках купают ветры сны.
 К ней сегодня вечность постучится,
 Отблеском непрожитой весны.

Но до срока эта гостья. Рано
 Путь ей стелет млечным серебром.
 На бесшумных лапах день коварный,
 Внес беду в ее свободный дом.

Не дышали теплой негой травы,
 Опьяняя, силы не несли.
 Только время врачевало раны
 Беспокойной дочери земли.

Поле пахнет лунная волчица.
 В облаках купают ветры сны...

Без боли

Шла по выжженной земле, Обретали новый дом,
 А жалела ноги. Те, кто шел через муки.

Жизнь омыла их в золе
 Сумрачной тревоги. Шла по выжженной земле,
 А жалела ноги.

Боли нет, лишь тихий прах Жизнь омыла их в золе
 Ищет мою душу. Сумрачной тревоги.

Все ушли, очнись сестра,
 Этот мир разрушен. Боли нет, лишь тихий прах
 Окликает душу.

Был у каждого похорон
 Горький вкус разлуки. Все ушли, очнись сестра,
 Этот мир разрушен.

Светлое

Светлое – небо светлое,
 Волчий вой вместе с ветрами. До тиши не дотронуться.
 Сонный мир вторит беглому, Мысли ивою клонятся,
 Я вернусь... Только не сейчас. В темноту, там – за веками
 Не приемлем отказ.

Светлое – небо светлое,
 Меряет нынче метрами. Родниками омоется
 Каждому по погонному, – Жизни новая горница,
 От земли в предрассветный час. И не будет потехою,
 То, в чем правда для нас.

А пока – небо светлое,
Тихой болью одетое.

Сталью отлиты тучи,
Весь горизонт измучен.
Странный у неба ужин –
Цвета чужих снегов.

Динь-дон
Медный звон
Стон звериный приглушен.

Динь-дон
Медный звон
И висок посеребрен.

Тех, кто хотел иначе,
Света завеса прячет.
Выполнена задача –
Паче безумства снов.

Хмурые мысли кручи,
Туго сплетали души.
Этим курок и спущен –
Дрогнул земной покров.

Динь-дон
Медный звон
И исход их порешен.

8 марта 1944 г.

Вместо подснежников – детские слезы,
Вместо горячих лакумов – вагон.
В море могил нам режимные козни
Новую память ковали, как сон.

Вместо белляу* тишина над ущельем
И у балкарца отобранный дом.
Черной окрашен был мир акварелью,
Горе дарили нам мартовским днем.

* *Колыбельная (балк.)*

Владимир ЗАХАРОВ,
кандидат исторических наук,
профессор, сопредседатель
Российского Лермонтовского Комитета

О ПОРТРЕТЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, ПРИПИСЫВАЕМОМ Ф. О. БУДКИНУ

Впервые эта работа была опубликована в «Пензенской правде» в 1978 г., но из-за весьма напряженных отношений с Г. В. Мясниковым – вторым секретарем Пензенского обкома КПСС, газета побоялась ее напечатать под моим именем, ее подписали псевдонимом, который придумали в редакции. Так появился З. Владимиров¹.

К истории этого портрета уже не раз обращались исследователи. Последняя статья появилась в 2011 г., ее автором была известный московский лермонтовед С. А. Бойко². Казалось бы, автор должна была подвести итог всем предыдущим исследованиям, но оказалось, что ей не были знакомы некоторые работы, посвященные атрибуции этого портрета Лермонтова. Отсюда и недосказанность, незнание ряда фактов, имеющих важное значение для уточнения авторства портрета. Вот чем объясняется необходимость вновь обратиться к данной теме.

«Горячо любила Михаила Юрьевича Лермонтова воспитавшая его бабка» – такими словами начал биографию поэта его первый исследователь Павел Александрович Висковатый.

До 1835 г. Елизавета Алексеевна не расставалась с внуком, но с производством его в офицеры видаться они стали реже. В 1837 г. Лермонтов был сослан на Кавказ, длительная разлука стала чувствоваться все острее. Его прошение и перевод на короткое время в Гродненский гусарский полк, а затем возвращение в лейб-гвардии Гусарский на какое-то время успокоило сердце бабушки.

В 1838 г. Елизавета Алексеевна заказывает столичному художнику портрет внука. Во-первых, она гордилась, что он вновь гвардейский офицер, а во-вторых, портрет будет всегда при ней, а это все равно, что Мишенька рядом. Художник изобразил Лермонтова в вицмундире корнета лейб-гвардии Гусарского полка, на одно плечо наброшена шинель с бобровым воротником. В руках треугольная шляпа с плюмажем. Портрет настолько понравился бабушке, что она с ним не расставалась больше никогда.

В 1845 г., после смерти Елизаветы Алексеевны, ее родной брат Афанасий Алексеевич Столыпин согласно завещанию вступил в права наследника имения. Жить в Тарханах он не собирался и, отобрав некоторые вещи, напоминавшие ему о его родне, уехал в свое саратовское имение Нееловку. Забрал с собой и портрет. Кто-то из последующих наследников перевез портрет Лермонтова в подмосковную усадьбу Столыпиных, откуда после революции

он попал в музей им. Ф. И. Тютчева в Мураново³, где в 1938 г. его нашел известный музеевед и искусствовед, большой знаток старины Н. П. Пахомов. Тогда же портрет был передан в Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, а в 1948 г. – передан в Ленинград в Институт русской литературы (Пушкинский дом). На обороте портрета Н. П. Пахомов обнаружил надпись: «Писал Будкин, 1834 г. С.-Петербург»⁴. Итак, автор найден!

Радоваться было рано. находка удивительно напоминала гравированный портрет Лермонтова, приложенный в 1865 г. к отдельному изданию «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Разница была лишь в том, что на гравюре на эполетах помещены три звездочки – соответствующие чину поручика, а на выполненном маслом портрете – одна – корнетская.

Вот что об этом портрете писал в 1865 г. издатель книги «Песня про царя Ивана Васильевича...» Илья Глазунов:

«К настоящему изданию мы прилагаем новый портрет М. Ю. Лермонтова, отличающийся особенным сходством, как утверждают лица, близко знавшие покойного поэта. Портрет этот, гравирован в Лейпциге, у Брокгауза, с фотографического снимка, сообщенного нам из Саратова М. С. Муренко. Подлинник, с которого сделана была фотография, писан для родственника Лермонтова г<осподина> Столыпина художником Захаровым вскоре после выхода М. Ю. Лермонтова из юнкерской школы»⁵.

В том же 1865 г. дальний родственник поэта М. Н. Лонгинов в рецензии на издание «Песни про царя Ивана Васильевича...» заявлял: «Теперь г<оспадин> Глазунов напечатал роскошное издание «Песня» с 12 бойкими рисунками г<осподина> Шарлеманя... Новый, отлично гравированный портрет Лермонтова делает это издание особенно замечательным. Нам случилось уже указывать в печати на существование оригинала этой гравюры, изображающей Лермонтова в вицмундире лейб-гвардии Гусарского полка, драпированного шинелью... Оригинал писал масляными красками в натуральную величину художник Захаров, а гравюра сделана в Лейпциге со снятой с него г<оспадином> Муренко фотографии. Мы коротко знали Лермонтова, можем отнести этот портрет к 1839 г. и засвидетельствовать, что он (хотя несколько польщенный, как обыкновенно бывает) очень похож, и один может дать истинное понятие о лице Лермонтова»⁶.

Как видим, М. Н. Лонгинов по горячим следам поправил лишь одну опечатку Ильи Глазунова: уточнил время написания портрета – 1839 г. Позже известный библиограф XIX века П. А. Ефремов об этом портрете сообщил следующее: «В начале 1865 года до меня дошла копия с четвертого оригинального портрета. Муренко прислал из Саратова И. И. Глазунову фотографический снимок, сделанный им с портрета Лермонтова в лейб-гусарском мундире, с наброшенной на плечо шинелью и с треугольной шляпой в руке. Оригинал был рисован художником Захаровым масляными красками...»⁷.

Издатель «Песни» Глазунов и знавший Лермонтова М. Н. Лонгинов и П. А. Ефремов считали Захарова автором портрета. В XIX веке это авторство ни у кого не вызывало сомнения.

6 марта 1905 г. в Петербурге в Таврическом дворце была устроена историко-художественная благотворительная выставка русских портретов «в пользу вдов и сирот, павших в бою воинов». Впервые здесь был представлен

подлинник портрета Лермонтова, того самого, с которого были до этого сделаны фотографии и нарезана гравюра. Газета «Новое время» опубликовала репродукцию с портрета, но с совершенно неожиданной подписью: «Писал Будкин в Санкт-Петербурге в 1834 г.»⁸.

Сенсации не произошло. Публикация осталась совершенно не замеченной. На нее обратил внимание лишь в 1939 г. Н. П. Пахомов. В основу новой авторской атрибуции была положена написанная на обороте холста надпись, уже приводимая нами: «Писал Будкин...». Компетентность Глазунова, Лонгинова и Ефремова была не просто взята под сомнение, их отвергли. В то время как дата, стоящая на оборотной стороне холста, – 1834 г., казалось бы, вполне соответствовала послужному списку Лермонтова.

В 1970 г. с опровержением авторства и даты этого портрета выступил И. И. Шинкаренко, самый знаменитый в то время в нашей стране специалист-униформолог. В докладе на очередной Всесоюзной Лермонтовской научной конференции в Пятигорске, он сделал тщательный анализ деталей формы Лермонтова – вицмундира. Это оказалось достаточным доказательством того, что портрет Лермонтова был написан не Ф. О. Будкиным, а П. З. Захаровым в 1838–1839 гг. И. И. Шинкаренко обратил внимание на характерную особенность вицмундира: тщательность, с которой он был выписан⁹. Ведь это очень существенная деталь, особенно при экспертизе военных портретов, которых он сделал к тому времени уже не одну сотню. Шинкаренко сравнил другие известные портреты, написанные Захаровым, обратив внимание на необычайную точность выписывания всех деталей мундиров, которые оказались свойственны кисти Петра Захарова.

Если допустить, что интересующий нас портрет был создан в 1834 г., то, казалось бы, эта точка зрения совпадала с мнением И. Глазунова о времени его написания – «Вскоре после выхода М. Ю. Лермонтова из юнкерской школы», но противоречит М. Н. Лонгинову, считавшему 1839 г. временем его написания. Кто же прав?

Давайте посмотрим все тот же послужной список, которым пользовался и Н. П. Пахомов. Оказывается, Лермонтов служил в лейб-гвардии Гусарском полку дважды: вначале с 22 ноября 1834 по 28 февраля 1837 гг., затем с 9 апреля 1839 по 13 марта 1840 гг. – уже поручиком.

Решить вопрос, к какому периоду службы относится портрет, на первый взгляд довольно сложно. Но так ли?

В конце 1837 г. военный министр граф А. И. Чернышев издал два приказа, инициатива исходила от Николая I, только что вернувшегося с Кавказа, шокированного увиденными им нарушениями в ношении формы офицерами Кавказской армии. Приказы Чернышева как раз и были посвящены внешнему виду офицеров и о соблюдении ими правил ношения отдельных принадлежностей обмундирования. Дело, оказывается, доходило до анекдотичности. Некоторые армейские щеголи на Кавказе умудрялись носить эполеты размером с десертную тарелку, а кинжалы были не стандартного размера, а длиннее на 10, а то и 20 см. т. е. нарушали установленные образцы обмундирования.

Декабрьским приказом 1837 г. в гвардии и в армии для единообразия была введена новая форма офицерских эполет с прибавлением четвертого узкого витка. До этого времени офицеры носили эполеты с тремя витками.

Таким образом, во втором периоде службы в лейб-гвардии Гусарском полку Лермонтов должен был носить эполеты нового образца.

И действительно, так и было. Подтверждение этому – подлинные эполеты корнета Лермонтова, находящиеся в Литературном музее ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Эполеты на портрете, находившемся в Тарханах, а затем в саратовском имении Столыпиных, имеют такой же четвертый завиток, как и подлинные эполеты Лермонтова. Таким образом, и датировка портрета Лермонтова может быть сделана теперь довольно точно. Портрет мог быть написан только в 1838–1839 гг., и не ранее.

Как же быть тогда с надписью на обороте портрета: «Писал Будкин...», но и здесь есть один важный факт, противоречащий этой надписи. Дело в том, что Ф. О. Будкин никогда не подписывал свои портреты прописью, как это было сделано в данном случае. На всех его работах подпись выполнена печатными буквами с указанием фамилии художника и года написания. Слово «писал» и обозначение места, где была выполнена работа, в автографах Будкина никогда не встречаются. Более того, Н. Н. Врангель, хорошо знавший Ф. О. Будкина, характеризует его как «посредственного живописца», в то время как живописная техника портрета находится на очень высоком уровне, как раз отличающем работы художника-чеченца Петра Захарова.

Так, точность кисти П. З. Захарова, о чем мы скажем более подробно ниже, позволила объективно установить время написания портрета. Приведенные данные об автографах Будкина дают основание считать текст, помещенный на обороте портрета Лермонтова не подписью художника Будкина, а надписью, сделанной посторонним и несведущим лицом.

Что же касается самой гравюры, на которой Лермонтов изображен в чине поручика, то это объясняется желанием Ильи Глазунова максимально приблизить гравированный портрет к последним дням жизни поэта, который погиб, как известно, в чине поручика. Ведь точно такая же история произошла с портретом Александра Полежаева. По воле издателей он был изображен в офицерском мундире, хотя это производство в офицеры состоялось буквально накануне его смерти, и умер он, по сути, рядовым.

Расскажем о подлинном авторе этого портрета художнике Петре Захаровиче Захарове. Большую исследовательскую работу провел в 1960–1970-е гг. сотрудник Грозненского музея изобразительных искусств, кандидат искусствоведения Николай Шабанович Шабаньянц. Им было написано несколько работ, к которым мы и обратимся в нашем повествовании¹⁰. В конце XX в. С. С. Тарасов и М. Х. Вахаев написали киноповесть «Захар из чеченцев», посвященную рассказу о дружбе чеченского художника Петра Захарова и М. Ю. Лермонтова¹¹. В ней все же больше присутствует художественный вымысел, который для нашего исследования совершенно не подходит.

Мальчик-чеченец, имя которого осталось неизвестным, родился в 1816 г. в ауле Дады-Юрт (ныне Гудермесский район Чеченской республики). В том же году генерал-лейтенант А. П. Ермолов, назначенный командующим Отдельным Кавказским корпусом, наметил постройку линии крепостей по реке Сунже. Тогда же была заложена крепость Грозная. В 1819 г., продолжая военные действия, генерал А. П. Ермолов подошел к аулу Дады-Юрт – одно-

му из самых богатых и процветающих населенных мест. Аул вел торговлю с горными районами Чечни. Ермолов предложил жителям покинуть аул добровольно и перебраться за реку Сунжу, но горцы отказались, и тогда генерал отдал приказ: «Окружить селение Дады-Юрт, лежащее на Тереке, предложить жителям оставить оное, и, буде станут противиться, наказать оружием, никому не давая пощады»¹².

15 сентября аул был сожжен, на краю селения солдаты подобрали у тела погибшей матери израненного трехлетнего мальчика, который был доставлен командующему. Ермолов передал его казаку Бороздиновской станицы, находившемуся при хозяйстве командующего, Захару Недоносову. Ребенка окрестили Петром, А. П. Ермолов дал ему фамилию и отчество по имени казака – Захаров. Когда мальчику исполнилось 7 лет, его забрал двоюродный брат Ермолова Петр Николаевич на воспитание, о чем было составлено 25 августа 1823 г. специальный документ – «Свидетельство» за № 3610.

О «Петруше чеченце», так любовно называли в семье Ермоловых своего воспитанника, сохранилось немало упоминаний в семейной переписке. В одном из писем к своей матери, Пётр Николаевич писал: «...странный мальчик Петруша! Я о моем чеченце. Кроме обучения грамоте, он рисует все, что попадается под руку, Видимо, будет художник и не плохой»¹³. Как видим, Петр Николаевич заметил детское увлечение мальчика, которое затем стал пестовать. В 1827 г. по болезни П. Н. Ермолов уходит в отставку и переезжает в Москву. Еще в 1826 г. он обращался к президенту Академии художеств А. Н. Оленину с просьбой определить мальчика в Академию, который посоветовал сначала отдать мальчика на обучение к живописцу. Свыше шести лет занимался Петр у портретиста Л. А. Волкова.

В 1833 г. Петр Захаров блестяще сдает экзамены, и его зачисляют «посторонним учеником» в Академию художеств в Петербурге, и тогда же он был принят на содержание Общества поощрения художников. Он получил разрешение на копирование картин и писание перспектив комнат в Эрмитаже. В 1836 г. Петр успешно заканчивает Академию и до 1842 г. живет в Петербурге.

В последующие годы Петр Захаров прославился как портретист. Он написал великолепные портреты герцога М. Лейхтенбергского, Т. Н. Грановского, А. В. Алябьевой и Е. В. Воейковой. Позже, в 1843 г. за исполнение портрета А. П. Ермолова он получает звание академика. Ермолов получился настолько выразительным, что смотря на этот портрет, невольно на ум приходят знаменитые строки Лермонтова:

*...И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.*

Нас, естественно интересует вопрос, а когда же произошло знакомство Захарова с Лермонтовым? Думается, что это могло произойти в 1838–1839 гг. через друга Лермонтова писателя и историка А. Н. Муравьева, с которым поэт был знаком и ранее. Именно в это время, в 1838 г., Петр Захаров пишет портрет Муравьева маслом, а затем акварелью. Портрет Муравьева маслом пишет в 1839 г. и Лермонтов.

Вот как вспоминал Муравьев о Петре Захарове: «В 1838 году мне пришло на мысль написать портрет для моего родителя, жившего в Москве, уже

в болезненном положении, так как он давно желал его иметь. Мне порекомендовали одного весьма искусного художника, академика Захарова, кроме своего таланта замечательного тем, что он был родом черкес, ребенком захваченный в плен в одном разоренном ауле Кавказа, и сделался художником по своему особенному расположению к живописи. Это уже и само по себе оригинально»¹⁴.

Портреты у Захарова выходили самого высокого качества, а та тщательность и точность, с которой он прописывает все детали военного обмундирования была настолько высока, что на эту сторону его творчества обращают внимание в Военном Министерстве. 20 декабря генерал-адъютант граф П. А. Клейнмихель подписывает приказ за № 189 по Департаменту военных поселений Военного министерства, в котором «свободный некласный художник Петр Захаров определяется в Департамент Военных Поселений для усиления занятий по составлению рисунков обмундирований и вооружения Российских войск, с жалованьем по 428 р.»¹⁵. За полтора года Захаров выполнил для Военного министерства около 60 работ, за что дважды получал денежное вознаграждение. Но где эти работы? В известном многотомном труде А. В. Висковатого (он служил в Военном министерстве в бытность там П. З. Захарова) – было воспроизведено 37 цветных рисунков, исполненных Захаровым¹⁶.

Петру Захарову – чеченцу, Елизавета Алексеевна заказывает портрет внука. Общение художника и поэта, было, думается, весьма оживленным. Ведь им было что вспомнить – Кавказ, его красоты, и те исторические случаи, которые с ними там происходили. В этом плане интересен еще один штрих, относящийся к творческой биографии Лермонтова, позволяющий атрибутировать портрет. Именно ко времени работы Захарова над портретом поэта относится создание Лермонтовым его поэмы «Мцыри». А. Н. Муравьев рассказал о том, как ему посчастливилось присутствовать при окончании Лермонтовым работы над поэмой: «... песни и поэмы Лермонтова гремели повсюду. Он поступил опять в лейб-гусары. Мне случилось однажды, в Царском Селе, уловить лучшую минуту его вдохновения. В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. «Что с тобою?» – спросил я. – «Сядьте и слушайте», – сказал он, и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала до конца, всю свою великолепную поэму «Мцыри», которая только что вылилась из под его вдохновенного пера <...> Никогда никакая повесть не производила на меня столь сильного впечатления»¹⁷.

Замысел написать произведение на подобную тему возник у Лермонтова еще в 1831 г. В одной из своих заметок, он составил даже план такого произведения: «Написать записки молодого монаха 17-ти лет. – С детства он в монастыре; кроме священных книг не читал. – Страстная душа томится. – Идеалы...»¹⁸. В какой-то мере этот замысел Лермонтов пытался воплотить в поэмах «Исповедь» и «Боярин Орша».

Как писал П. А. Висковатый, пересказавший свидетельства А. П. Шан-Гирея и А. А. Хастатова, Лермонтов, странствуя в 1837 г. (во время первой ссылки) по старой Военно-Грузинской дороге, «наткнулся в Мцхете <...> на одинокого монаха <...> Лермонтов <...> узнал от него, что родом он горец,

плененный ребенком генералом Ермоловым <...> Генерал его вез с собою и оставил заболевшего мальчика монастырской братии. Тут он и вырос; долго не мог свыкнуться с монастырем, тосковал и делал попытки к бегству в горы. Последствием одной такой попытки была долгая болезнь, приведшая его на край могилы...»¹⁹.

Однако И. Л. Андроников опроверг эту версию. Он отметил, что первые экспедиции А. П. Ермолова относятся к 1818–1820 гг., и мальчик, взятый тогда в плен, не мог в 1837 г. быть стариком. Не было в Мцхете действующего мужского монастыря, куда он мог бы быть помещён²⁰.

Встреча и беседы с Петром Захаровым заставили поэта вновь вернуться к, казалось, уже давно забытой теме. В своем новом произведении, первоначальное название «Бэри» – по-грузински «послушник», Лермонтов многое изменил, дополнил, создав великолепную романтическую поэму. Скорее всего, в этом произведении воплотилось несколько историй, услышанных поэтом от разных лиц, в том числе и от Петра Захарова. Заслуга Лермонтова в том, что он как творческая личность обобщил услышанное и создал непревзойденный поэтический шедевр – «Мцыри».

История иконы архистратига Михаила из собрания Лермонтовского музея-заповедника в Тарханах

На этом можно было бы и закончить историю портрета, но остается еще одна деталь, находящаяся в противоречии с атрибуцией авторства портрета Лермонтова.

В Государственном лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы» в церкви, построенной Елизаветой Алексеевной Арсеньевой в 1820 г. на месте своего старого дома и освященной во имя Св. Марии Египетской, в ее алтарной преграде помещена икона Архистратига Божия Михаила²¹. Икона датируется началом XIX века, но в конце того же века она была подновлена, а точнее записана²². В декабре 1972 г. все позднейшие записи были сняты, и сейчас практически все поле иконы предстает в своем первоначальном виде. «Практически все поле», дело в том, что правый нижний угол было решено не трогать. Об этом все по порядку.

В 1966 г. тогдашний директор музея П. А. Вырыпаев в своем путеводителе «Лермонтов с нами» написал: «Из церковной утвари того времени до нас дошло немного. Это по преимуществу иконы, их пять ... 3) Михаил Архангел, лицо которого художником, видимо, писано с портрета Лермонтова, работы Будкина...»²³.

Откуда появилось такое утверждение? Дело в том, что в правом нижнем углу на прямоугольнике светло-коричневого цвета имеется трехстрочная надпись: «Обличие архангела Михаила / списано с портрета Лер-/монтова работы художн.». На четвертой строчке надписи стоят буквы «Бу» и нечто напоминающее букву «к»²⁴.

Что же получается? Иконописец написал фамилию «Будкин»? Однако буквы этой надписи резко отличались от написания букв, сделанных иконописцем вокруг головы Архангела Михаила. Более того, они были написаны

по правилам не дореволюционной, а советской орфографии. Все возникшие вопросы необходимо было разрешать.

Занимаясь атрибуцией иконы из тарханской церкви Св. Марии Египетской, мы обратили внимание на публикацию очень похожей иконы Архистратига Михаила, помещенную в журнале «Столица и усадьба». Икона принадлежала кисти известного русского живописца В. Л. Боровиковского. И тогда мы написали письмо к самому большому специалисту живописи В. Л. Боровиковского, выпустившему великолепную монографию, посвященную творчеству этого прославленного художника, Т. В. Алексеевой. Мы послали фотографию тарханской иконы, и довольно скоро получили письмо, которое сохранилось в нашем личном архиве, оно датировано 24 сентября 1976 г. Вот, что написала исследователь:

«Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Ваш «Михаил» восходит к одноименному образу Боровиковского, но скорее всего не к оригиналу, а к какому либо из повторений, каких было много. Во всяком случае, он совмещает того «Архистратига Михаила», который был в церкви Русского музея (тип лица, хотя поворот несколько иной, направление правой руки, положение крыльев, головки ангелов-воинослав) с «Михаилом» из иконостаса Покровской церкви в селе Романовка Мглинского уезда Черниговской губернии (теперь Брянской области) (поза, одеяние, положение ног, хотя и не понятное, молнии справа от щита). Рисунок «Михаила» из Тархан ремеслен, художник не справился и с постановкой ног. «Свое» – шлем на голове (если только и это не повторение какого-то неизвестного ныне оригинала).

Где мог видеть Ваш художник образ, восходящий к Боровиковскому? И в Петербурге, где жила Е. А. Арсеньева – Боровиковский исполнял много образов для частных лиц. Копировались и его Романовские образа – в соборной церкви Мглина был целый иконостас, написанный каким-то художником, который повторил все работы Боровиковского в Романовке. Копии образов Боровиковского для Казанского собора были распространены по всей России (даже Репин в Чугуеве копировал одну из них).

Посылаю Вам фотографию с «Архистратига Михаила», находящегося в Романовке, используйте ее и обязательно верните мне.

Спасибо Вам за книгу.

Сведения об Ахвердовой у меня есть. А вот сохранился ли ее портрет, который когда-то предлагал как работу Боровиковского, ее внук Третьякову, но куплен не был.

Всего Вам доброго»²⁵.

Во втором письме от 7 октября Т. В. Алексеева, дополнила: «В суматохе и крайней занятости я Вам неверно написала, что «Архангел Михаил», опубликованный в «Столице и усадьбе» не сохранился. Он находится в Русском музее и помещен в каталоге моей книги под № 375 (Инв. № ГРМ ЖБ-407)»²⁶.

Икона Архистратига Михаила, скорее всего, могла быть заказана бабушкой Лермонтова какому-нибудь столичному художнику-иконописцу. Как считает Т. М. Мельникова «на этой иконе обращает на себя внимание итальянское лицо святого. Единый стиль, в котором исполнены иконы Богоматери и Михаила Архангела подтверждают высказанное выше предположение о том,

что они были заказаны Арсеньевой хорошему столичному мастеру, знавшему европейскую живопись и пользовавшемуся ее образцами»²⁷.

Дальше Тамара Михайловна пишет:

«Очень много толков и вопросов вызывала надпись, которая есть слева (на самом деле справа – В. З.) внизу на лицевой стороне иконы: «Обличье Архангела Михаила списано с портрета М. Лермонтова работы Ф. Будкина». По просьбе сотрудников музея она не была тронута реставраторами в 1972 г., так как широко вошла в литературу о Лермонтове. Следует отметить, что сделана она по современной орфографии и относится, по всей видимости, к 1930–1940 годам»²⁸, – заключила Т. М. Мельникова свое исследование.

Следует заметить, что Т. М. Мельникова несколько ошибочно передала текст этой надписи. На самом деле надпись трехстрочная и никаких инициалов перед фамилиями Лермонтова и Будкина не стоит. Повторим ее: «Обличье архангела Михаила / списано с портрета Лермонтова работы художн.». На четвертой строчке стоят буквы «Бу» и нечто напоминающее букву «к».

При внимательном обследовании иконы нам удалось установить поразительные факты. Прежде всего, нет такого портрета М. Ю. Лермонтова, лицо которого было бы похоже на лицо Архангела Михаила. Во-вторых, если икона была изготовлена для иконостаса строящейся церкви, то датировать ее следует 1819–1820 гг. Никакого портрета Лермонтова в военной форме в то время попросту не существовало.

Надпись трехстрочная. Можно предположить, что эта надпись появилась спустя много лет после написания иконы, не менее 100–130 лет. Неизвестный нам живописец примерно в 1930-е гг., покрыл коричневой краской небольшой прямоугольник у края ее правого нижнего угла. На нем и сделал надпись в три строки. Странно только, что выполнена она была для того времени не просто безграмотно, она не могла появиться на иконе до начала 1918 г., поскольку в надписи использована орфография, появившаяся при советской власти.

Четвертая строка, на которой стоят буквы «Бу к», находятся на самом нижнем, первом слое иконы, на котором отсутствует характерная для первых строк коричневая основа. К тому же буквы, расположены не в начале строки, а ближе к ее концу. Больше того, начальный фрагмент буквы «Б» оказался написанным на доске иконы, ее продолжение и буква «у» на гипсовой латке, сделанной уже реставраторами при расчистке и грунтовке доски в 1972 г. Буквы «к» вообще нет. Краска, которой был тонирован гипс, треснула причудливым узором, напоминающим букву «к». Таким образом, четвертой строки по сути дела не существует, осталась лишь начальная палочка от буквы «Б».

Нам могут возразить, скажут, что это продолжение надписи. Этому противоречат несколько характерных особенностей исследуемого текста. Чем объяснить, например, что слово «художник» не закончено, сокращено. Только ли тем, что это уже конец доски, на которой икона написана. Нет, автору надписи не составляло бы труда перенести окончание слова, а тем более фразы «художн <ика Будкина>» на новую четвертую строку, предварительно закрасив светло-коричневой краской узкую полоску, как это было уже сделано с предыдущими тремя строками. Ведь смог же автор надписи перенести фамилию: «Лер-монтова». Вероятно, по мнению автора этой записи, предложение было закончено, а недостающие три буквы «ика» – окончание слова «художника» он не стал писать с новой строки. Ведь и так все ясно, тем

более что никакой фамилии художника для автора иконы не существовало, он ее попросту не знал.

Когда же появилась эта приписка и кто автор этой фальсификации? Ответить на этот вопрос, думается, сейчас уже можно. Как свидетельствует отчет художника Н. А. Гагмана, занимавшегося расчисткой иконы, реставраторами было удалено два слоя записи. При их удалении исчезли и буквы четвертой строки, т. е. буквы «Бу к»²⁹. Кто заново восстановил букву «Б» уже после 1972 г. не известно. Возможно ее «восстановили» реставраторы по просьбе тогдашнего директора музея В. П. Арзамасцева, или это сделал муж Т. М. Мельниковой Геннадий Сальков, известный Тарханский художник, сказать трудно. Все молчат. Уж больно хотелось иметь в музее реликвию...

По нашему мнению, всю вышеприведенную трехстрочную надпись, как и фамилию «Будкин» приписал на иконе еще первый директор тарханского музея А. И. Храмов. Это был художник-любитель, который прославился своими художествами, отображавшими различные сюжеты из жизни поэта. Своими псевдохудожественными картинами он заполнил экспозицию музея, развешивал рисунки во дворе и даже на дубе, посаженном по преданию Лермонтовым, тоже были повешены его «художества». Об этом безобразии, кстати, писала Маризетта Шагиная в своей статье «Тарханы», опубликованной в 1937 г. в газете «Известия»³⁰, после поездки в Пензенскую область.

А. И. Храмова можно было понять. История усадьбы Е. А. Арсеньевой весьма примечательна. Как мы уже писали, после смерти хозяйки она перешла во владение ее брата Афанасия. После его смерти Тарханы переходили в руки его сына, затем дочери и внуки. Наследники в усадьбе не жили, Тарханами распоряжались управляющие. Последний из них Казьмин вырубил липовую аллею, дубовую рощу пустил на дрова. Ненависть к нему местных жителей была столь велика, что в ночь с 13 на 14 июня 1908 г. они подожгли барский дом. При этом управляющий не разрешал из него ничего выносить. Дом сгорел полностью со всей находившейся в нем обстановкой. Через год его построили заново³¹.

В 1924 г. музейная комиссия при Пензенском губернском политпросвете сообщила, что бывшая барская усадьба в селе Лермонтове объявлена историческим памятником³². В феврале 1936 г. состоялось постановление Куйбышевского крайисполкома о реставрации и охране мемориальных мест в Чембарском районе, связанных с жизнью М. Ю. Лермонтова и В. Г. Белинского, в котором предписывалось выделить в сохранившихся «домах мемориальные комнаты Лермонтова и Белинского, где собрать их сочинения, портреты, образцы рукописей, и установить на фасадах домов памятные доски»³³.

Руководить мемориальной комнатой в бывшей усадьбе Е. А. Арсеньевой стал А. И. Храмов. Он, как смог, так и оформил в ней своеобразную выставку, ее даже нельзя назвать экспозицией. Ее основу, из-за полного отсутствия документальных материалов, составили его собственные «художества». В 1939 г. было принято решение о создании в усадьбе Арсеньевой музея Лермонтова. Первыми создателями экспозиции стали присланные из Москвы из Государственного литературного музея Н. П. Пахомов и Т. А. Иванова. От Пахомова Храмов мог узнать о новом авторстве портрета Лермонтова (не П. Захаров, а Ф. Будкин). Вот тогда-то Храмов и решил, вероятно, «создать»

некоторые «музейные подлинники», икону Архистратига Михаила, которую он перед этим довел до «мемориального» состояния, теперь можно было дополнить указанием на фамилию художника. Однако случился небольшой казус. Вероятно, после окончания работы с изготовлением трехстрочной надписи на иконе, что было сделано, по нашему мнению, еще в 1936–1938 гг., через какое-то время, выпал сучок, и часть надписи оказалась испорченной. В 1939 г., после того как Храмов узнал от Н. П. Пахомова об авторе портрета, находившегося в усадьбе бабушки, он сделал латку из папье-маше, которая закрыла выщерб на иконе, и, ничтоже сумняшеся, дописал, но уже другой краской фамилию «Будкин».

Работая главным хранителем литературно-мемориальных музеев Пензенской области, автор достаточно скрупулезно обследовал фонды лермонтовского музея-заповедника «Тарханы». Там и была обнаружена заплатка, которую удалили реставраторы в 1972 г. При ее осмотре нами было выявлено, что она была сделана из обрывков газет 1930-х гг., т. е. в то время, когда в музее хозяйничал А. И. Храмов³⁴.

Никакого отношения икона Архистратига Михаила, написанная для тарханской церкви Марии Египетской в 1820-х гг. к портрету Петра Захарова 1838–1839 гг. (который Н. П. Пахомов переадресовал Ф. О. Будкину) не имеет, как и к любому другому портрету М. Ю. Лермонтова. Надпись на нем – подделка А. И. Храмова.

То, о чем мы написали выше, настолько было в духе советского времени, что сомневаться в действиях Храмова не приходится. Скажу больше. Когда мы занимались выяснением вопроса о перезахоронении так называемого праха Юрия Петровича Лермонтова и стали высказывать сомнения: его ли останки привезли в Тарханы, из фондов музея не только была забрана вся документация по этому вопросу³⁵, но у автора состоялся весьма неприятный разговор с супругой директора музея Л. Я. Диановой (она, кстати, приходилась потомком Н. С. Мартынову, как она как-то в этом призналась). В ультимативном тоне она потребовала, чтобы автор прекратил подвергать сомнению в подлинности их «мемориальные экспонаты». «Экскурсанты об этом ничего не должны знать», – заявила Лидия Яковлевна.

Повторюсь, усадьба сторела полностью со всеми находившимися в ней вещами. Вся обстановка, которая сейчас находится в музее, была привезена Николаем Павловичем Пахомовым из Дмитровского музея дворянского быта. Туда, в Подмосковский музей свозили вещи из всех разгромленных дворянских усадеб. Николай Павлович, как он нам сам рассказывал, смог подобрать мебель в гарнитурах и просто отдельные предметы конца XVIII – первой четверти XIX вв., которые были в подмосковных помещичьих усадьбах. Могли они оказаться и в Тарханах. Вещи были собраны и загружены на три грузовика и доставлены по описи в создаваемый, по распоряжению Н. К. Крупской, музей Лермонтова в Пензенской области.

В течение всех последующих лет музейные работники провели огромную исследовательскую работу по выявлению типовых предметов, начиная от книг, мебели, предметов быта, до сбора в округе предметов крестьянского быта. И это очень большая работа. В таком положении находятся большинство литературно-мемориальных музеев нашей страны. Революция 1917 г., а затем Великая Отечественная война, уничтожили безвозвратно такое огромное

количество документальных материалов, принадлежавших великим людям России, что это не поддается не только подсчету, но даже представить объем навсегда пропавшего невозможно.

Таким вот образом, в восстановленном барском доме в Тарханах совершенно случайно оказался секретер, принадлежавший в прошлом <...> Николаю Соломоновичу Мартынову. Разве это не фатальность.

Дело в том, что к 1974 г. секретер, стоявший в так называемых комнатах бабушки Лермонтова, на втором этаже барского дома, стал разваливаться. Местные столяры не были настолько квалифицированными, чтобы привести его в надлежащий вид. Тогда пригласили реставраторов из Москвы, которые разобрали его полностью. И вот тут-то и случилось неожиданное открытие...

Весть о найденном тайнике молниеносно распространилась по всему музею. Кто бы мог подумать, что разваливающийся секретер XVIII века, что стоял в комнате Елизаветы Алексеевны Арсеньевой в течение семидесяти лет хранил свою тайну не только от взоров посетителей, но и от всеведующих рук опытных реставраторов уже дважды его разбиравших. Приехавшие московские реставраторы и обнаружили в секретере тайничок. Автору, приехавшему на работу в музей в декабре 1975 г., темой научной работы на 1976 г. поставили разбор найденных бумаг.

Небольшой ящичек был так удачно скрыт от посторонних, что за все эти годы его никто не смог обнаружить. Внутри лежали перевязанные ленточкой какие-то бумаги, письма в конвертах, их-то и пришлось разбирать. Удивлению не было границ. В тайнике хранились личные бумаги Виктора Николаевича Мартынова и его жены Софьи Михайловны (в девичестве Катениной, дочери бывшего наказного атамана Оренбургского казачьего войска).

После смерти Николая Соломоновича Мартынова – убийцы Лермонтова, Знаменское досталось его десятому ребенку – сыну Владимиру. Новые владельцы, правда, в этом имении почти не жили. Первоначально в Тифлисе, где Владимир Николаевич был инспектором уделов на Кавказе, а с 1902 г. семья окончательно перебралась в Москву, когда он получил должность управляющего государственными имуществами. Правда, когда дети были маленькими, Софья Михайловна какую-то часть года проводила в Знаменском и вела активную переписку. Вот эти-то письма и оказались удивительными. О Лермонтове в них ни слова, если не считать запись в письме сына, который сообщал маменьке, что в одном из пасхальных яиц, сделанных из папьемаше, которые он получил в подарок, находился сборник стихотворений М. Ю. Лермонтова. Но больше сведений в потайном ящичке было о великом современнике графе Льве Толстом и его окружении.

Как теперь выясняется, Софья Михайловна была дружна с Львом Николаевичем и его семейством. Знали ее и друзья Толстого. Письма В. Г. Черткова, Т. Л. Толстой, две записочки Великого Князя Николая Михайловича. Оказывается, В. Г. Чертков через Зимний Дворец присылал Мартыновым книги Л. Н. Толстого, которые он издавал в Англии и которые были запрещены цензурой в России. Вот письмо В. Г. Черткова, первое из четырех, хранящихся в тайнике. Оно было послано из Петербурга 18 февраля 1897 г.:

«Многоуважаемая Софья Михайловна.

За несколько часов до выезда мною из России в изгнание на не определенный срок, обращаюсь к Вам с просьбою, которую, я в том не сомневаюсь,

Вы со свойственной Вам сердечностью исполните не только во имя наших прежних добрых отношений, но и потому, что самый предмет просьбы не может не вызвать Вашего сочувствия. Изложить этот предмет письменно я сейчас не имею возможности. Скажу только, что прошу Вас отыскать в Тифлисе одного большого друга моего и, в чем можете, помочь ей лично в том трудном положении, в котором она сейчас находится, и оказать Ваше посильное содействие в том деле, которое меня с нею соединяет. Остальное все она расскажет Вам сама, если Вы ее увидите.

Быть может, Вы с нею найдете удобным, чтобы дальнейшие деньги, которые будут высылаться по этому делу, высылались на Ваше имя для передачи Вами кому следует.

Имя и адрес ее следующие:

Княгиня Елена Петровна Накашидзе. Тифлис, Мало-Коргановская, N 11.

По приезде в Англию, где я думаю поселиться, надеюсь написать Вам более обстоятельно. Сейчас же вынужден ограничиться этими несколькими строками в виду особенной секретности этого дела.

Очень прошу Вас ответить мне, вложив Ваше письмо в два конверта, причем на наружном надписать только следующее:

Москва.

1-ая Мещанская. Капельский переулок.

Дом N 9, Соколова.

Павлу Александровичу Буланже.

а на внутреннем – мое имя.

Не могу высказать Вам, Софья Михайловна, как я рад, что имею возможность обратиться к Вам с этою просьбою в полной уверенности, что она не покажется Вам докучливой, и что Вы сделаете все возможное для оказания содействия моему другу и ее дому.

Почтительно и сердечно Вам преданный В. Чертков»³⁶.

Итак, Мартыновы вместе с родственниками Льва Толстого помогали духоборам, способствовали их переселению из России в Северную Америку. Очень хотелось опубликовать уже тогда эти письма. Приехав в Москву, автор отправился в музей Льва Толстого на Кропоткинской, в знаменитую стальную комнату, где его любезно встретила Л. И. Иванова – хранительница рукописей писателя. Увы, его ждало разочарование.

– Я очень сожалею, но эта тема закрыта для исследования. Все что касается духоборов, религиозных исканий Льва Николаевича – тема запрещенная, сказала мне Иванова. Да, а материал конечно интересный, особенно эти две записочки на французском языке, написанные Великим Князем Николаем Михайловичем. Они свидетельствуют, что он получал от Черткова посылки с книгами Толстого и передавал их Софье Михайловне. Да вот и в одном из писем Черткова он сам пишет Софье Михайловне и предлагает ей обратиться за помощью к Николаю Михайловичу, поскольку письма и посылки из-за границы, адресованные к одному из Романовых, не подвергаются перлюстрации. И теперь мы знаем, что этим и воспользовались поклонники Толстого в России. Правда установить, сколько же лет продолжалась эта пересылка запретных произведений Льва Николаевича через Зимний Дворец, не удалось.

Однако не только эта загадка была не решена. Надо было узнать, как оказался секретер Н. С. Мартынова в Тарханах?

В 1976 г., будучи в командировке в Москве, автор встретился с Николаем Павловичем Пахомовым – в те годы старейшим музейным работником нашей страны. Николай Павлович был человеком удивительным. Он сохранил старую офицерскую выправку и великолепное дворянское обхождение. Безумно любил лошадей, их изображения были на всех стенах в его старой квартире на Сивцевом Вражке. Николай Павлович стоял у истоков создания многих музеев. В конце 1930-х гг., в связи с предстоящим юбилеем великого русского поэта было решено создать в Тарханах, небольшом селе в Пензенской области, имении Е. А. Арсеньевой, – музей.

Автор стал расспрашивать Пахомова о том, как создавался музей и его экспозиция.

Оказывается, в 1939 г. Николай Павлович получил задание собрать в музеях Москвы и Подмосковья предметы быта для Тархан.

Пахомов поехал в Дмитров, куда после 1917 г. свозили вещи из разоренных подмосковных усадеб. В это-то время тамошний музей срочно раздавал все. В это время «стройка века» – канал Москва-Волга уже подходила к городу Дмитрову. НКВД стало подыскивать в городе удобное для себя помещение. Им приглянулся монастырский комплекс, который был к тому времени занят местным музеем истории дворянского быта.

Однако на все предложения освободить помещение директор отказывался, больше того, даже съездил в Москву к известному историку М. Н. Тихомирову и получил охранную грамоту. НКВД в срочном порядке организовал телеграмму, из которой следовало, что директора музея срочно вызывают в Москву в Наркомкульт. В Москве, прямо на вокзале, несговорчивого директора арестовали и уже без труда выселили экспозицию и фонды из монастырских помещений. Вещи, не вместившиеся в выделенную для музея и срочно закрытую церковь, лежали даже под открытым небом. Там-то Николай Павлович и отобрал мебель конца XVIII – первой четверти XIX века, то есть такие предметы, которые вполне могли быть в имении бабушки Лермонтова.

Таким вот образом секретер Мартынова из его Подмосковного имения «Знаменское» попал в дом Елизаветы Алексеевны Арсеньевой...

По-разному можно интерпретировать этот факт. Автору хотелось бы в заключении немного поразмышлять над фатальностью судьбы Лермонтова.

Много лет назад Максимильтян Волошин писал:

Темен жребий русского поэта,

Неисповедимый рок ведет:

Пушкина под дуло пистолета,

*Достоевского на эшафот*³⁷.

Лермонтову еще не исполнилось 27 лет, а жизнь так неожиданно оборвалась. Не везло ему в жизни. Не повезло и после смерти. Ни один юбилей не был отмечен как следует. На столетие пришлась Первая мировая война, на столетие гибели – Великая Отечественная война. Беспokoйно проходят и юбилеи. В то время как в Большом театре проходило торжественное заседание в честь 150-летия со дня рождения, по залу поползли первые сведения о Пленуме ЦК партии и смещении Н. С. Хрущева, и всем сразу стало не до юбилея. Как не вспомнить следующую круглую дату – 150 лет со дня гибели Лермонтова – 1991 г., когда развалился Советский Союз...

Вокруг имени Лермонтова немало легенд и вымыслов. Как сам поэт относился к тому, что мы называем фатальностью?

В последний год своей жизни он все больше и больше внимания уделяет раздумьям об игре случая, предопределении. Даже П. А. Висковатый – первый дореволюционный исследователь творчества поэта заметил: «Ему доставляло как будто особенное удовольствие вызывать судьбу; опасность или возможность смерти делали его остроумным, разговорчивым, веселым»³⁸. В стихотворении «Валерик», написанном в 1840 г., Лермонтов размышлял:

*Мой крест несущи я без роптанья:
То иль другое наказанья? –
Не все ль одно? Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин;
За всё я равно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переносу...
(II, 167)*

Еще раньше, в «Фаталисте», Лермонтов ставил проблему предопределения в чисто психологическом плане, связывая ее с поведением человека, его духовным развитием:

«Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера – напротив; что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится – а смерти не минуешь!» (VI, 347).

Не задумываясь, он шагнул навстречу тайне...

Долгие годы знаменитый портрет Лермонтова в вицмундире корнета лейб-гвардии Гусарского полка, с наброшенной шинелью, держащего в руках треугольную шляпу с плюмажем, считался принадлежащим известному художнику Ф. Будкину. Автор статьи, проанализировав все известные варианты атрибуции данного портрета, убедительно доказал, что этот портрет был выполнен талантливым художником-чеченцем П. Захаровым. Ошибочная атрибуция, сделанная Н. П. Пахомовым, была использована при подделке надписи на иконе Архистратига Михаила, которая висела в церкви во имя св. Марии Египетской в имении бабушки Лермонтова в Тарханах. Надпись на иконе была выполнена, скорее всего, первым директором музея в Тарханах Храмовым. Автор приводит воспоминания Н. П. Пахомова о том, откуда собирались вещи для открытия музея в Тарханах. Совершенно случайно в восстановленном доме бабушки поэта оказался секретер, принадлежавший Н. С. Мартынову.

¹ Владимиров З. *История портрета (Поиски и находки)* // Пензенская правда. 1978. 12, 13 августа.

² Бойко С. А. 1) *О первом офицерском портрете М. Ю. Лермонтова* // Лермонтовские чтения – 2010. СПб., 2011. С. 240–246.; 2) М. Ю. Лермонтов. *Загадка портрета* // Тарханский вестник. Вып. 25. Тарханы, 2012. С. 80–87.

³ Пахомов Н. П. *Лермонтов в изобразительном искусстве. М.; Л., 1940. С. 34.*

⁴ Пахомов Н. П. *Указ. соч. С. 36.*

⁵ Там же. С. 34.

⁶ *Русский вестник. 1865. Кн. 8. С. 747–748.*

⁷ *Русская старина. 1875. Т. XIV. С. 1–2.*

- ⁸ Новое время. Иллюстрированное приложение. 1905. № 10434.
- ⁹ Шинкаренко И. И. Об авторе и дате одного из портретов М. Ю. Лермонтова // Искусство. 1970. № 6. С. 65–68.
- ¹⁰ Шабаньянц Н. Ш. Академик П. З. Захаров: художник из чеченцев (1816–1846 гг.). Грозный, 1974; Шабаньянц Н. Ш. М. Ю. Лермонтов и художник П. З. Захаров // М. Ю. Лермонтов. Материалы и сообщения VI Всесоюзной Лермонтовской конференции. Ставрополь, 1965. С. 153–159. О художнике П. З. Захарове см.: Академик живописи П. З. Захаров. Грозный, 1976; Н. Шабаньянц. Академик П. З. Захаров. Художник «из чеченцев». // Прометей. Вып. II. М.: Молодая гвардия, 1977. Харлампиева И. Судьбы связующая нить // Библиотека. 2000. № 12. С. 84–86.
- ¹¹ Тарасов С. С., Вахаев М. Х. Захар из чеченцев (киноповесть). М., 1998.
- ¹² Записки А. П. Ермолова. М., 1868. Ч. 2. С. 87.
- ¹³ Шабаньянц Н. Ш. Академик П. З. Захаров. Художник из чеченцев. (1816–1846 гг.). Грозный, 1972. С. 7. Письмо найдено в РГАДА Ф. 1406. Д. 746. Л. 76. Письма от П. Н. Ермолова 1811–1826 гг. В том же фонде нами обнаружены письма А. П. Ермолова к П. З. Захарову (1837–1842 гг.). См.: Д. 627.
- ¹⁴ Семенов М. О. Воспоминания об А. Н. Муравьеве. Киев, 1895. С. 191.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 32.
- ¹⁶ Висковатый А. В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 2 части в одном переплете. СПб., 1841–1842.
- ¹⁷ Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 27.
- ¹⁸ Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л., 1957. Т. VI. С. 375. Далее при цитировании в скобках указаны том и страницы.
- ¹⁹ Русская старина. 1887. Кн. 10. С. 124.
- ²⁰ Андроников И. Л. Лермонтов. М., 1951. С. 151, 153.
- ²¹ Она написана маслом на довольно большой доске, ее размер 127x61 см (Инв. № 1712-ОИ).
- ²² Мельникова Т. М. «И дышит непонятная святая прелесть в них...» Рассказы о реликвиях Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы». Пенза, 1994. С. 119.
- ²³ Вырыпаев П. А. Лермонтов с нами. Саратов, 1966. С. 80.
- ²⁴ См. фотографию надписи, помещенную: Захаров В. А. К атрибуции портрета М. Ю. Лермонтова... Ставрополь, 2007. С. 189.
- ²⁵ Архив автора.
- ²⁶ Архив автора.
- ²⁷ Мельникова Т. М. Указ. соч. С. 121.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Архив Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы». Д. 60/1. Л. 15–16 отчет Н. А. Гагмана.
- ³⁰ Шагинян М. С. Тарханы // Известия. 1937. 27 июля.
- ³¹ Лермонтовский заповедник Тарханы: документы и материалы 1701–1924. Пенза, 2001. С. 186–187.
- ³² Решение от 23.07.1924 № 83. См.: Государственный архив Пензенской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2047. Л. 29.
- ³³ Лермонтовский заповедник Тарханы: документы и материалы... С. 204.
- ³⁴ Во время работы автора в музее заплатка хранилась в фондах Лермонтовского музея в Тарханах.
- ³⁵ О точном месте захоронения отца Лермонтова знала еще в 1930-е гг. сотрудник Домика Лермонтова в Пятигорске М. Ф. Николаева. Автор опубликовал письмо к ней священника церкви в селе Шипово, где был похоронен Юрий Петрович. Фрагмент письма см.: Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. Приложение к факсимильному изданию. М., 1989. С. 70. Полностью: Захаров В. А. Где же могила отца Лермонтова? // Ветеран. 1989. № 31, а так же: Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 томах. М., 2001. Т. 9. С. 164–165. Дело о переносе праха Юрия Петровича Лермонтова было опубликовано: Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 томах. М., 2002. Т. 10. С. 394–406.
- ³⁶ Архив Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы». Цитировано по фотокопиям, сделанным в 1976 г. и хранящимся у автора.
- ³⁷ Волошин М. А. На дне преисподней // Собр. соч. М., 2003. Т. 1. С. 347.
- ³⁸ Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтова. Жизнь и творчество. М., 1891. С. 346.

ПЕВЦЫ МУЖЕСТВА И БРАТСТВА

*«Горцы говорят: о друзьях должно помнить
не только в их присутствии, но и в их отсутствии.»*

Мы помним всех и каждого в отдельности...»

А. Шортанов

Враг рвался к Москве... В эти тяжёлые дни Великой Отечественной войны, решением ЦК партии и Советского правительства, к нам в Кабардино-Балкарию была эвакуирована большая группа московских деятелей культуры и искусства. Среди них были выдающиеся мастера сценического искусства, музыки и живописи: В. И. Немирович-Данченко, В. И. Качалов, И. М. Москвин, А. К. Тарасова, О. Л. Книппер-Чехова, М. М. Тарханов, М. М. Климов, В. Н. Рыжова; композиторы С. С. Прокофьев, Н. Я. Мясковский, Ю. А. Шапорин; профессора Московской консерватории К. Н. Игумнов, В. В. Нечаев, А. Б. Гольденвейзер, А. Н. Александров; архитектор академик В. А. Веснин; художники В. С. Сварог, Н. Э. Грабарь, Н. П. Ульянов; скульптор И. А. Менделевич; писатели В. В. Вересаев, И. А. Новиков и многие другие видные деятели культуры.

Эвакуация из Москвы, к которой приближались немецко-фашистские войска, корифеев театра, музыки и живописи, – наглядный пример внимания к кадрам интеллигенции, к её «золотому фонду». Чтобы не подвергать риску и опасности жизнь этих замечательных людей, был организован их переезд в более безопасное место – в Нальчик.

Поздравив москвичей с благополучным приездом, нальчане помогли им разместиться в заранее определённых местах жительства: в городской гостинице, в зданиях санаториев ВЦСПС, на квартирах.

Но москвичи не собирались отдыхать. Чувства и мысли их хорошо выразил тогда Михаил Михайлович Тарханов. В одном из своих выступлений он сказал: «В эти боевые дни нет среди нас старых – все мы горим молодым, могучим задором нашей родины... Мы хотим, чтобы искусство наше волновало, зажигало, звало на решительный бой с врагом человечества – фашизмом».

Сергей Прокофьев, продолжая работу над оперой «Война и мир», пишет струнный квартет на кабардино-балкарские темы, песни об артиллеристе М. Таубекове, танкисте Х. Деппуеве; крупнейший композитор страны Н. Я. Мясковский создаёт свою 23-ю симфонию по фольклорным мотивам кабардинцев и балкарцев; выдающийся художник В. С. Сварог делает прекрасные рисунки; скульптор В. С. Менделевич лепит фигуру легендарного народного героя Андемиркана; А. Н. Александров завершает

*В. И. Немирович-
Данченко*

Личная карточка, Госархив КБР

свою оперу «Бэла» (по М. Ю. Лермонтову),

в которой использует наши песни и напевы.

Во главе группы деятелей искусства стоял один из корифеев, старейший деятель советского театрального искусства Владимир Иванович Немирович-Данченко. Имея за плечами тогда 83 года жизни, он с огромным вниманием просматривал спектакли, читал лекции молодым актёрам и режиссёрам республики, беседовал с коллективами театров.

21 сентября 1941 года Кабардинским драматическим театром был показан первый акт и фрагмент начала четвёртого акта спектакля «Женитьба Фигаро», в которых были заняты актёры первой национальной студии, недавние выпускники Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского. В спектакле были заняты

следующие артисты:

- Фигаро – М. Сонов;
- Сюзанна (акт 1) – Х. Кумахова;
- Сюзанна (акт 4) – Д. Шортанова;
- Граф Альмавива – Т. Жигунов;
- Графиня Розина – Б. Сибекова;
- Марсалина – К. Дышекова;
- Паж Керубино – З. Куралаева.

После просмотра спектакля В. И. Немирович-Данченко писал: «Не ожидал, что встречу в Нальчике такую школу, такое хорошее направление реального искусства, просто, с хорошим поведением на сцене, то есть – точный и уверенный объект, ясная задача, неплохой жест, хороший темп. Главное – общий тон спектакля. Тут и завораживающая любовь к делу и верно схваченное ощущение автора...»

Высокая похвала вдохновила молодых артистов Кабардино-Балкарии, недавних выпускников ГИТИСа, и ещё более обязала высоко нести почётное звание артиста.

Поныне хранится, как дорогая реликвия, фотография, на которой они запечатлены вместе с В. И. Немировичем-Данченко после спектакля «Женитьба Фигаро». Многие из них позже стали народными и заслуженными артистами РСФСР и КБАССР.

Здесь у В. И. Немировича-Данченко созрела мысль начать постановку сцен из пьесы А. Островского «Последняя жертва». В Нальчике он приступил к репетициям с И. М. Москвиным и А. К. Тарасовой. Эта работа не прошла даром. В 1944 году коллектив МХАТа под руководством Н. П. Хмельёва осуществил постановку «Последней жертвы». Мысли и указания В. А. Немировича-Данченко, высказанные на репетициях в Нальчике, были учтены при подготовке спектакля.

Группа кабардинского театра с В. И. Немировичем-Данченко

Пребывание в Нальчике знаменитых мастеров сцены, музыки и живописи оставило глубокий след в памяти народа.

В Нальчике А. К. Тарасова принимала участие в концертах для раненых воинов. Первые её выступления состоялись в госпитале на Республиканской улице (ныне пр. Шогенцукова). Накануне войны Алла Константиновна создала волнующий образ в спектакле по роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина», за что получила Государственную премию СССР. Воины при первой же встрече с артисткой попросили прочитать что-нибудь из полюбившейся постановки. Анна Константиновна прочитала эпизод встречи Анны с Вронским.

Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой было уже более семидесяти лет. Многие её видели впервые, хотя не раз слушали по радио, читали в газетах, журналах о её талантливой игре. Многие из присутствующих знали, что она создала замечательные образы в пьесах А. Чехова, М. Горького, Л. Толстого и других драматургов. В тот памятный вечер артистка прочитала перед зрителями рассказы А. Чехова.

МХАТовцы очень тепло отзывались о жизни в Нальчике. Но при этом с первых же дней пребывания на Кавказе москвичи вместе со всеми трудящимися республики подчинили свою деятельность оказанию помощи фронту. Они боролись с ненавистными гитлеровскими захватчиками своим оружием: вдохновенным словом, кистью, пером, музыкой, песней...

Всюду, где жили деятели искусства, развернулась большая творческая работа. Артисты репетировали сцены из спектаклей, разучивали новые роли, подбирали в репертуар современные произведения, давали концерты в театре и госпиталях. Композиторы принялись за создание опер, симфоний и сюит, квartetов, песен на патриотические темы. Художники писали картины, портреты, рисунки, отображающие военные будни.

Петр ИВАНОВ,
*доктор технических наук, профессор,
председатель Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии
наук, директор Института информатики
и проблем регионального управления
КБНЦ РАН, заслуженный деятель науки
РФ, лауреат премии Совета министров
СССР*

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ КАБАРДИНО- БАЛКАРСКОЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ: НАМ ЕСТЬ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ

Два десятилетия прошло с тех пор, как была завершена работа по созданию в Кабардино-Балкарии Научного центра Российской академии наук. Его рождение не было легким, но огромные усилия оказались вложенными не зря. Сегодня ученые республики имеют все возможности, чтобы плодотворно трудиться. И, подводя итоги пройденного пути, думаю, нельзя не признать, что в сегодняшних условиях сделано немало.

Возвращаясь к истории создания научного центра, хочу отметить, что практически никто не верил, что мне удастся это сделать. Когда я начал этот процесс в 1992 году, будучи председателем комиссии по науке и образованию Верховного Совета республики, в реальность положительного результата не поверило даже руководство республики. Я настоял на том, что иной поддержки, кроме согласия руководства республики, не потребую. В создании КБНЦ РАН существовало много тонкостей – Российская академия наук состоит из направлений, отделений и так далее. И работать необходимо было с ними. К примеру, нейтринная обсерватория принадлежала Отделению ядерной физики, договориться с которым было непросто. Мне приходилось вести с ними очень сложные переговоры, да и с другими отделениями договариваться было не легче. Словом, рождение и становление регионального научного центра не было легким, но, объективно говоря, мне есть, чем гордиться – за двадцать лет работы сделано многое, главное – сотни, тысячи людей могут заниматься фундаментальной наукой, не уезжая за пределы региона. Самые талантливые молодые люди получили возможность реализовать свой потенциал и в Кабардино-Балкарии. Решаются социальные вопросы – жильем обеспечены молодые доктора и кандидаты наук, заложен новый дом для научных работников.

Итак, Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук для проведения с отделениями РАН фундаментальных и прикладных научных исследований по государственным

региональным и республиканским программам был создан 29 июня 1993 года. В состав КБНЦ РАН входят шесть самостоятельных научных учреждений и два центра. Старейшее из них – Институт гуманитарных исследований, созданный в 1926 году. Сегодня его возглавляет доктор исторических наук Барасби Бгажноков. Научно-исследовательский институт прикладной математики и автоматизации был основан известным ученым, доктором физико-математических наук, профессором Адамом Нахушевым в 1991 году, сейчас его глава – доктор физико-математических наук Виктория Нахушева. В 1994 году на базе Кабардино-Балкарской экологической станции Института проблем экологии и эволюции им. А. Северцева РАН и географической станции Института географии РАН основан Институт экологии горных территорий. Теперь он носит имя основателя – доктора биологических наук, профессора, член-корреспондента РАН Асланби Темботова, ныне институтом руководит доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН Фатимат Темботова. Следующим появился Институт информатики и проблем регионального управления, который за эти годы ведет исследования в инновационных проектах и нанотехнологиях. Мною было инициировано его создание в 1996 году. В состав КБНЦ РАН также входят Баксанская нейтринная обсерватория Института ядерных исследований РАН, которой заведует доктор физико-математических наук В. Кузьминов, и Терскольский филиал института астрономии РАН, заведует которым доктор физико-математических наук В. Тарадий.

В КБНЦ РАН созданы Центр географических исследований, возглавляемый доктором технических наук П. Марченко, и Центр социально-политических исследований, им руководит кандидат исторических наук А. Боров.

В преддубилейный год научные учреждения Центра проводили исследования по 82 темам, завершены 43 из них. По программам фундаментальных исследований президиума и отделений РАН выполнялось 15 тем (завершены девять); 16 тем – по проектам РФФИ и РГНФ (завершены две), одна тема выполнялась в рамках госконтракта, три – по договорам с российскими заказчиками и одна – по международному соглашению.

Хотелось бы немного рассказать об основных результатах законченных научных исследований, полученных организациями Российской академии наук, расположенными на территории Кабардино-Балкарской Республики, Центров географических и социально-политических исследований КБНЦ РАН в 2012 году в области естественных, технических, гуманитарных и общественных наук. А также об основных исследованиях и разработках КБНЦ РАН, готовых к практическому применению, об инновационной деятельности и реализации разработок на практике.

Баксанская нейтринная обсерватория института ядерных исследований РАН за 23-летний период наблюдений с января 1990

года по август 2012 года в эксперименте SAGE (галлий-германиевый нейтринный телескоп) выполнила 220 измерений скорости захвата солнечных нейтрино. Это самый длительный период измерений среди всех действующих солнечных нейтринных экспериментов. С использованием результатов других экспериментов на основе результатов SAGE вычислена величина потока солнечных нейтрино, приходящих на Землю.

Обсерваторией предложен метод восстановления среднего температурного профиля атмосферы по измеренным на Баксанском подземном сцинтилляционном телескопе вариациям потока мюонов высокой энергии. Продолжается набор информации по программе регистрации нейтринных всплесков (в том числе от сверхновых с коллапсом ядра). Продолжена работа по программе регистрации атмосферных нейтрино. По экспериментальным данным за 25 лет проведён поиск сигнала от аннигиляции частиц темной материи в центре Солнца. Из отсутствия превышения сигнала от Солнца над фоном мюонных нейтрино атмосферного происхождения, получен новый верхний предел на сечение упругого рассеяния слабозаимодействующих частиц тёмной материи на протонах. Обсерватория принимает участие в международном эксперименте GERDA по поиску безнейтринной моды двойного бета-распада изотопа германий 76, а также международном эксперименте по поиску двойного бета-распада молибдена-100. Также здесь занимаются измерением собственной радиоактивности тела человека. В отдельном подземном низкофоновом помещении лаборатории из сверхчистой меди изготовлен стенд для измерения природной радиоактивности тела человека. Были произведены измерения фона восьми участков тела человека. Мы гордимся, что подобные исследовательские объекты мирового уровня работают в Кабардино-Балкарии и многие годы выдают значимые научные достижения.

В минувшем году из 20 наиболее важных результатов научных исследований Института информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН два включены в проект отчетного доклада президиума РАН «Научные достижения Российской академии наук в 2012 году». Кроме того, в рамках инновационной деятельности института и реализации научных разработок на практике создана «Стратегия социально-экономического развития КБР до 2030 года», кстати, на эту работу не потрачено ни единого бюджетного рубля. Это была принципиальная позиция ученых – мы способны сделать работу подобного уровня без приглашенных специалистов и миллионных затрат госказны. Общественный совет при Главе КБР Арсене Канокве одобрил разработанную нами Стратегию и принял ее к реализации. В Институте продолжают функционировать с 2011 года два хозяйственных общества – «Роботостроительная корпорация N'Art Robotix» и «Компьютерная лингвистика». Ими разработан ряд инновационных проектов, в частности, подана

заявка на получение патента РФ на изобретение устройства ввода идентификационного признака в средствах контроля и управления доступом, идет работа над проектами роботов-комбайнов и роботов-саперов. По договору с Правительством КБР в рамках региональной программы поддержки инноваций создаются электронные словари для языков народов КБР. С частным инвестором заключена договоренность о совместной разработке Интернет-сервисов представления услуг в области компьютерной лингвистики. Всего уже передано для практической реализации четыре разработки. По соглашению с институтом приборостроения IFG GmbH (ФРГ, г. Берлин) выполнялись исследования в области технологии микро- и наноструктурированного стекла и рентгеновской капиллярной оптики.

Также в проект перечня научных достижений Российской академии наук в 2012 году включен ряд результатов работы Научно-исследовательского института прикладной математики и автоматизации КБНЦ РАН. Думаю, суть теоретических исследований будет понятна только специалистам, потому позволю себе не перечислять конкретную тематику работ. Что касается инновационной деятельности и реализации разработок, НИИ ПМА КБНЦ РАН на практике разработан зондовый акустический метод определения вязкоупругих свойств, позволяющий измерять скорость звука и модуль упругости исследуемого образца. На основе метода создан измерительный стенд для зондовой акустической диагностики твердых тел. Ведется работа по его внедрению в производство.

В ряду важнейших результатов исследований, завершенных в минувшем году Институтом экологии горных территорий им. А. К. Темботова КБНЦ РАН, – создание модели вероятности встречаемости для двух видов крупных хищных птиц – могильника и белоголового сипа (занесен в Красные Книги РФ и КБР); впервые для Центрального Кавказа с использованием космических изображений, данных радарной топографической съемки, а также комплексных описаний лесных экосистем создана база данных лесных ценозов Кабардино-Балкарии. База данных содержит сведения о лесной растительности, типах лесов, их локализации, а также данные по орнитофауне, териофауне и почвенной мезофауне. Продолжена разработка эколого-флористической классификации травянистой растительности. По поручению комитета по экологии и природопользованию Парламента КБР подготовлены рекомендации Правительству КБР, содержащие предложения по созданию системы мониторинга за состоянием на территории КБР: а) лесов; б) охотничьих ресурсов, испытывающих максимальную антропогенную нагрузку. Научные разработки института по актуализации проблем охраны природы в пред- и послеолимпийский период путем формирования системы зоолесопарков и мониторинга состояния крупных млекопитающих в зоне олимпийской застройки

нашли отражение в документах, подготовленных для госкорпорации «Олимпстрой».

В результате исследований института обнаружен новый для территории КБР карантинный сорняк – амброзия трехраздельная, который является конкурентом культурных растений и мощным аллергеном. Представлены рекомендации в Россельхознадзор по КБР для выявления очагов ее распространения и принятия мер по ее ликвидации.

Институтом гуманитарных исследований КБНЦ РАН проведено этнолого-культурологическое исследование конфликтов и их ритуализации в культурной истории черкесов (адыгов), которое показало, что в практике социальной самоорганизации традиционного адыгского общества важное место занимали ритуалы, блокирующие различные формы и проявления вражды и насилия. Место и роль Северного Кавказа в восточной политике правительства Петра I освещены в монографическом исследовании «Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в.». А в первом томе «Антологического свода адыгского фольклора» – «Нарты. Адыгский эпос» – нашли отражение наиболее ценные в историко-культурном отношении тексты сказаний об архаичных персонажах. В числе наиболее важных результатов работы КБИГИ – исследование основных этапов развития исторического кабардиноведения, изучена специфика его влияния на массовое историческое сознание. Введены в научный оборот архивные документы, характеризующие взаимоотношения Черноморского (Кубанского) казачьего войска с адыгами, а также с соседними и родственными им народами (балкарцами, абазинами, абхазами и др.) в конце XVIII – начале XX вв., извлеченные из фондов государственного архива Краснодарского края. Оригинальные архивные документы середины XVIII века по вопросам политического и социально-экономического взаимоотношения народов Северного Кавказа с Россией, включенные в очередной том сборника «Российско-северокавказские отношения в XVIII веке», дают возможность воссоздать картину международной жизни этого периода и определить в ней место российско-северокавказских отношений. Исследование трех крупнейших историко-археологических комплексов VIII-XII вв. (Хумара, Кяфар, Нижний Архыз) позволило уточнить данные о территории, социальной организации и общем состоянии аланской раннефеодальной государственности, существовавшей в верхнем Прикубанье в X-XII вв.

Как и в предыдущие годы, ряд исследовательских разработок нашел применение в общественной практике. Сотрудники КБИГИ оказывали экспертную помощь региональным органам власти, общественным организациям по различным вопросам развития общества. Ученые института работали в составе координационного совета министерства образования и науки РФ по комплексным

исследованиям проблем Северного Кавказа, экспертной комиссии по подготовке учебников и учебных программ по национально-региональному компоненту при Министерстве образования и науки КБР, Общественного совета при Правительстве КБР по научно-технологическому развитию, научного совета при Совете по экономической и общественной безопасности КБР. Учеными КБИГИ подготовлено семь учебных изданий для школ республики. С участием сотрудников института в Риме в Российском центре науки и культуры (Дворец Санта-Кроче) и в Центре фотографии (Officine Fotografiche) организованы уникальные по своему содержанию выставки, рассказывающие о малоизвестной европейцам культуре адыгов (черкесов). На выставке были представлены также издания КБИГИ. Отмечу как немаловажное достижение то, что в этом году КБИГИ перешел на полное финансирование РАН, завершён многолетний труд по превращению его в академический институт.

Центром географических исследований КБНЦ РАН в 2012 году разработаны технологические схемы оценки природной опасности геосистем, продолжены мониторинговые исследования эталонного ледника Гарабаши, с использованием теодолитной съемки, определена величина годового отступления языковых частей ледников Безенги и Мижирги. С использованием программы GeoMedia 3D созданы изолинии на основе цифровой модели рельефа ледника Гарабаши в диапазоне от 3300 до 5000 м.

Сотрудниками Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН раскрыты истоки и факторы движения за репатриацию в зарубежных черкесских диаспорах к концу XX века. Осуществлен анализ положения черкесской общины в условиях конфликта в Сирии, обострившего проблему репатриации для черкесов Сирии и России. Актуальная этнополитическая проблема современной России – «черкесский вопрос» – интерпретирован как сложный историко-политический феномен. Осуществлен сравнительный анализ исторических ситуаций, в которых наличный политический статус Черкесии и/или черкесов оспаривался и становился предметом конфликта или сотрудничества, охарактеризованы содержание и факторы развития современного «черкесского вопроса».

В 2012 году в научных учреждениях КБНЦ РАН осуществлялся прием в аспирантуру и докторантуру по 12 специальностям. Общее число докторантов, аспирантов и соискателей КБНЦ РАН составляет 137 человек – восемь докторантов, 94 аспиранта и 35 соискателей. В докторантуру принято четверо, в аспирантуру КБНЦ РАН – 22 человека. Сотрудниками научных учреждений КБНЦ РАН защищены докторская и восемь кандидатских диссертаций.

Институты научного центра сотрудничают с отраслевой и вузовской наукой, а также зарубежными партнерами. В настоящее время действуют договоры, заключенные Институтом информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН с рядом вузов Юга России, Институтом приборостроения (ФРГ, Берлин), Институтом

кибернетики им. В. М. Глушкова НАН Украины, Институтом географии РАН, концерном «Системпром», заводом и технопарком «Телемеханика». Совместно с Высокогорным геофизическим институтом Росгидромета ведутся работы по осуществлению геофизического мониторинга состояния природных систем КБР. На основе соглашения с Таганрогским технологическим институтом южного федерального университета действует лаборатория фундаментальных проблем информационной безопасности. Научные сотрудники института ведут спецкурсы по 30 дисциплинам в вузах Северо-Кавказского региона по направлениям: информатика, экономика, оптимизация и управление в сложных системах, математическое моделирование.

В Научно-исследовательском институте прикладной математики и автоматизации при финансовой поддержке президиума РАН по целевой программе «Поддержка молодых ученых» функционирует Научно-образовательный центр, включающий базовую кафедру «Дифференциальные уравнения и математическая физика» и межвузовскую базовую кафедру математического моделирования. Особое внимание в работе Научно-образовательного центра, уделяется проблемам математического образования и работе с молодежью. В 2012 году Институтом через Научно-образовательный центр в рамках договоров о сотрудничестве осуществлялось взаимодействие с 27 научными и научно-образовательными учреждениями России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Институт экологии горных территорий им. А. К. Темботова осуществляет многоплановое сотрудничество с научными подразделениями Российской академии наук, Российским энтомологическим и ботаническим обществами, Институтом проблем промышленной экологии Севера, Кольский НЦ РАН, Национальным музеем Республики Адыгея, Российским географическим обществом, Тувинским институтом комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Адыгейским НИИ сельского хозяйства РАСХН, Ботаническим садом-институтом Уфимского научного центра РАН, МГУ, Санкт-Петербургским, Южным федеральным, Саратовским государственным медицинским, Кабардино-Балкарским, Адыгейским, Кубанским, Ставропольским, Самарским, Майкопским технологическим, Южно-Российским государственным техническим, Кабардино-Балкарским аграрным госуниверситетами, а также природоохранными структурами РФ страны. Продолжаются совместные проекты по программе SCOPES (охрана популяций летучих мышей в Европе) с участием коллег из университета Лозанны (Швейцария), Национального музея естественной истории в Софии (Болгария), Института зоологии (Грузия) и университета г. Новый Сад (Сербия), а также разработка проекта «Сохранение леопарда на Кавказе и в Средней Азии», стороны участники – РАН, МПР, Росприроднадзор, Кавказский заповедник, WWF Грузии, Армении, Азербайджана, Турции, Ирана.

Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН осуществляет многоплановое сотрудничество с профильными региональными и академическими научными учреждениями РАН, а также с высшими учебными заведениями. Сотрудники института участвуют в работе экспертной комиссии по подготовке учебников и учебных пособий по кабардино-черкесской литературе Министерства образования и науки КБР, комиссии по составлению школьных учебных программ по литературе, сотрудничают с Центром эстетического воспитания им. Жабаги Казаного. Совместно с Германским археологическим институтом начата работа над подготовкой к переизданию материалов раскопок Нальчикской и Кишпекской подкурганых гробниц. В рамках сотрудничества с Академией наук Абхазии вместе с учеными Абхазского университета и Абхазского института гуманитарных исследований продолжена работа над совместным проектом: «Указатель сюжетов нартских сказаний народов Кавказа».

Сотрудниками научных учреждений КБНЦ РАН в 2012 году опубликовано 22 монографии, 10 сборников статей, сборник архивных документов, 13 учебников и методических разработок, 775 научных статей и докладов в ведущих журналах и материалах международных и всероссийских научных симпозиумов, конференций, совещаний, семинаров. Получен патент РФ на изобретение.

У ученых есть хорошая традиция – отмечать юбилеи проведением крупных симпозиумов и конференций. В Нальчике с 28 июня по 3 июля будет проведен международный симпозиум «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели», посвященный нашему 20-летию.

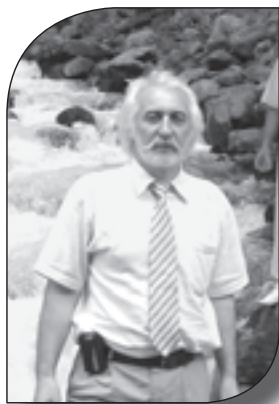
Цель организации и проведения Международного симпозиума – обсуждение новой концепции и проблемных задач устойчивого развития, интеграция многогранных исследований этой проблемы, рассмотрение полученных учеными различных стран фундаментальных результатов, как по естественнонаучным, так и гуманитарным аспектам устойчивого развития, а также проблем построения моделей управления региональных социо-эколого-экономических систем.

Людмила МАРЕМКУЛОВА,
искусствовед

ШАФРАННАЯ ГАРМОНИЯ АБДУРАХМАНА ЗАНИБЕКОВА

*«Посвященный видит, как стиль
торжествует над материалом,
непосвященный узнает подлинное чувство».*
Федерико Гарсиа Лорка

Художник знает о мире, душе, природе, гораздо больше, чем мы о нем думаем. Находясь внутри своего мира – ракушки звуков, красок, ощущений, он приоткрывает ее створки, чтобы сказать себе, в первую очередь, а затем нам, зрителям о том, чего не может не сказать. Звуки вселенной, ритмы природы, бесконечность того, что называем Божественной гармонией – это те объективные причины, которые призывают его к холсту и краскам. Трудно, вернее невозможно держать в себе все эти многообразные предчувствия, ощущения, звуки природы, потому и приходит Абдурахман Занибеков к искусству не через образование, а через уготованность к волшебству, бесконечной ворожке, имя которой – живопись. Робость не любительская, а вымеренная на пути продвижения в своих ощущениях и мыслях делает этого художника, в первую очередь, интересным с точки зрения колориста. Хорошие попадания, яркие совмещения, зачастую от богатой интуиции, делают его работы звучащими, энергетически заряженными. В таких работах, как «Ночной город», «Композиция № 18», «Космос», «Триптих «Композиция № 7», «Двое в городе», есть джазовая композиция, которая «выдувается саксофоном», как краска из тюбика в свободном, космическом звучании.

Пейзажи строятся не на воображении, которое как повивальная бабка, может присутствовать тогда, когда художник не приходит к некоему единению с внешним миром; он на пути к тому, чтобы «Учиться у сосны быть сосной» (Басе). Найдя свое видение пейзажа, в котором состоялось то чувство природной гармонии, единение со своими горами, лугами, плотным и прозрачным горным воздухом, делающее геометрию духовного пространства приближенной к геометрии рождения прапредков, художник пока остается у него в плену. Высота как геометрическая составляющая является той вертикалью миропостроения, которая позволяет художнику «на ощупь» пробовать свое место в мире искусства. Являясь одновременно и зрителем и художником, Абдурахман не столько созерцает красоты Кавказа,

стараясь показать их величие и глубину, сколько проживает через пейзаж те состояния, которые возникают на холсте. Несколько похоже на игру хорошего актера, когда краски перевоплощения находятся не в субъект, а в самом объекте. Некая волна сопричастности и настоящей любви возникает на тех холстах, на которых художник старается выразить именно свое отношение к внутреннему миру живой природы (серия живописных работ «Горы», серия работ с ивами, горный пейзаж с водопадом и т.д.). Пейзажи художника лиричны, мажорны, в них красота природы сливается с любовным отношением к родному краю, к тому, что создал Всевышний. Но при этом у художника нет того священного трепета, когда познание невозможно. Чувства не являются прямым поводом для создания работы, отнюдь. Но и философия тут не работает. Просто есть ощущение света, цвета, через который происходит некое свечение и геометрия того пространства, в котором художник пробует еще и еще раз сказать себе и миру о простых и вместе с тем вечных истинах: о гармонии, любви, красоте и месте человека в этой мировой Природе. Любой человек, любой художник взбирается по лестнице совершенства, находя те ритмы и краски, которые могут выразить сполохи его «я». Не борясь с бесом, не погружаясь в некие экзистенциальные противоречия, осторожно, шаг за шагом приближается художник к тому мастерству, которое его не столько удовлетворяет, сколько является еще одним этапом в познания природы искусства. Абдурахман Занибеков, как человек, который не учился профессии художника, грамотно проходит все этапы на этом тернистом, предначертанном Природой пути. Безусловно, он не может не учиться у тех художников, которые у хороших педагогов в больших городах познали многие секреты ремесла. Отсутствие графичности в картинах художника не говорит о том, что нет композиционной выточенности. Отнюдь, композиционно завершается любая работа, будь это пейзаж или абстракция. Художник, который безошибочно чувствует место того или иного цвета в своих ощущениях, который может точно попадать в ритм того, что он делает, выходит из поединка с холстом победителем. Благодаря тонкому чутью колориста и чувству ритма, музыкальности в создании композиции. На мой взгляд, многие его работы можно назвать, как и музыкальные формы, «опусами», «фугами», джазовыми композициями. Например, для меня «Космос» – это музыка Шнитке, в «Депортации» и «Вихрях войны» звучит органная музыка Иоганна Себастьяна Баха. Потому как в них есть то звучание, та оркестровка, которые делают работы Абдурахмана узнаваемыми, не похожими ни на какие другие.

Стилевое решение холста зависит от того, что хочет сказать автор картины. И в этом присутствует то мастерство, которое художник достиг в процессе большого труда. Надо было написать много картин, чтобы на ощупь, с «закрытыми глазами» идти по своей тропинке, своему направлению. Если говорить общо, то это экспрессионизм. Если говорить о более конкретных тенденциях, то здесь проявляется то отсутствие школы обучения, которое как нельзя лучше способствует

24. ДЕПОРТАЦИЯ. (60 X 80) ЗАНИБЕКОВ

сохранению живой эмоции, движения энергии на холсте. Парадокс, но именно такая природность и «не наученность» становятся «фишкой» художника.

Воображение пробуждает разум, воздвигает колонны и привносит привкус лавра. Между тем, зачастую именно разумность и стиливая обдуманность становятся врагами художника. Сложно в сегодняшнем мире изобразительного искусства, когда эксперимент с тем, что художник делает, зачастую напоминает скорее научное исследование, нежели выражение духовного и эмоционального состояния художника, удержаться от повторения всего спектра «измов». Шаткий трон победителя, который очень умело может построить ту или иную концепцию, привлекателен для того, кто забывает о том, что все в этом мире преходяще и вектор времени всегда направлен из прошлого в будущее через мгновения сегодняшнего. Абдурахман, на мой взгляд, не стал тратить много энергии, сил, времени на то, чтобы самому пройти весь путь сегодняшнего изобразительного мира. Да это и невозможно. Достоверным ориентиром в том, как писать картину, для него является его собственное видение, та внутренняя правда, которая и является поводом для того, чтобы прикоснуться кистью к холсту. И тогда геометрия граничит с мечтой. Вдохновение – это тот симбиоз эмоций, состояний ума и мастерства, который посещают любого творческого человека. Для художника Абдурахмана Занибекова вдохновение не есть повод для того, чтобы браться немедленно за кисть. Для него важно то состояние внутренней собранности, когда все уже отстоялось, когда ритмическое решение звучит внутри него независимо от его сознания. Вдохновение

дарует тот поэтический образ, который постепенно в процессе сопереживания с объектом изображения и слияния с ним становится некоей объективной реальностью. Тогда можно работать с этой новой реальностью, как с реальным образом, имеющим совершенно реальные формы и энергетическое, смысловое наполнение. Рассуждения на холсте для художника также не являются предметом глубокого переживания, как и сами переживания. Только тогда, когда спокойно и беспристрастно изучает он качество и звучность, ритмичность образа, его энергетическую заряженность, можно говорить о том, что «встреча состоялась». Придя к такой абстракции, в которой есть все – и смысл, и колористическое решение, и звук и ритм произведения, Абдурахман Занибеков сказал самому себе, а значит и нам, что он многое умеет делать высокопрофессионально. Что дорогого стоит.

Дух картины всегда интересен и непознаваем. Дух у Абдурахмана скрыт вовсе не в сюжете, не в его мастерстве, не в материале, а именно в том, какова манера разрешения проблемы стиля и эмоции, как соотносятся между собой форма и содержание, осуществляется наполненность всей композиции ритмическим решением без диссонансов. Хотя... виртуозен тот художник, для которого диссонанс является еще одним ритмическим решением, но это удел избранных Всевышним. Попадания, безусловно, возможны, когда «оркестровое исполнение звучит как сольное» и тогда диссонанс присутствует не только как стилевое решение, но и энергетически выверенный пассаж. Мифологические трансформации. Художник не просто пересказывает миф, но трансформирует его или дает лишь один определяющий штрих. Именно здесь метаморфозы художника приобретают неповторимое звучание. («Стрела времени», Триптих «Вехи истории», «Возникновение», серия работ «Нартский эпос» и др.) Стихии действуют в его пейзажах, как обладающие неограниченной властью неизвестные человеку божества. Он наделяет их слухом и ощущением. Он творит их. Искусство художника, его мастерство достигает такого момента, когда можно говорить о некоей степени свободы. Абдурахман переходит к пространственному периоду, когда абстрактная и фигуративная живопись становятся новым метаязыком. Его одухотворенное теогоническое восприятие мира придает индивидуальность силам природы. Любование женщиной вынужденно замалчивается из-за ментальности кавказцев, но при этом оттачивается до немыслимой галантности и эротизма. Расширяются возможности для выражения оттенков объемов и перспектив, когда цвет позволяет описать стихию, суть Природы и вместе с тем говорить о каких-то глубинных страданиях и болях. У художника можно увидеть такие работы, в которых монохромность многоголоса и красноречива и передает мистические переживания, хотя описание мельчайших предметов и явлений не стало еще предметом внимания художника. Сегодня художник Абдурахман Занибеков в своих работах выражает те отношения, пишет те образы, которые «здесь и сейчас» востребованы как его внутренним миром, так и окружающим его социумом.

Светлана МОТТАЕВА,
критик, литературовед

САФАРБИ БЕЙТУГАНОВ.
ИСТОРИК, АРХИВИСТ, ПИСАТЕЛЬ, ФИЛОСОФ

(выступление в Государственной Национальной библиотеке на презентации «Энциклопедии острой критики»)

Все, вышедшее из-под пера Сафарби Бейтуганова, не прошло и мимо моего пристального внимания. Книги его афоризмов буквально захватили воображение. Однажды я спросила его, как рождаются эти меткое идиомы, на что Сафарби в ответ засмеялся. Я подумала, творчество – явление спонтанное. Его работы «Меткое слово» и продолжение этого издания «Дух сомнения», на мой взгляд, это ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы. По-другому не скажешь. И, по сути, являются продолжением кропотливого авторского поиска магического кристалла истины бытия – этого вседвоящего абсолюта, вмещающего всю суть нашего существования. Сафарби всецело поглощен, судя по его изданиям, осмыслением человеческой ойкумены. Отсюда и превосходные результаты его творческих исканий. Здесь будет уместно вспомнить его книгу «Кабарда в фамилиях», ставшую серьезным, глубоким продолжением более ранней его книги «Кабардинские фамилии».

Работа в архивах, поглощенность творчеством и мыслью, – кто, если не я, – подвигали Бейтуганова на творческие порывы, итогами которых явились удивительно оригинальные издания.

Тема семьи, рода, родовых корней, исторического бытования их во времени – в последние это стало предметом пристального внимания ученых, исследователей, которые с особым тщанием и рвением занялись «генеалогическими раскопками», и не ради праздного любопытства, а во имя серьезных целей, достижение которых расставило бы все точки над «и» в теме «Кто мы на этой земле и во имя чего мы здесь присутствуем?».

Работы в этой области А. Мусукаева, А. Максидова, Х. Думанова и, кстати, очень интересного исследователя Ильзиты Боловой, и, конечно, глубоко уважаемого нами Сафарби являются убедительным итогом логики подобного научного поиска. Познав себя, ты познаешь и других. Это становится символом, дающим личности возможность с пониманием и уважением относиться к присутствию рядом с ним человека иной культуры, иного менталитета, осознать, что он равен тебе и облечен всеми правами, данными нам Создателем и законами страны,

в которой мы живем. С этой точки зрения издание Сафарби – весомый вклад не только в историю адыгов, но и экскурс для соседей в историю иного народа в постижении его интеллекта, этнографии и исторических притязаний.

Чтобы представить весь масштаб деятельности творческих и научных изысканий Сафарби, нужно познакомиться хотя бы визуально с сегодняшней выставкой его книг.

Сегодня же у нас еще один повод для торжества: Сафарби презентует свою недавнюю книгу «Мир острой критики» из серии «Великие личности и ценности». Откровенно говоря, издание, объемом почти 900 страниц, не может не потрясти читателя, и даже не количеством персоналий, которых за 20 лет работы автор сумел обнаружить, перелопатив, перечитав тысячи источников, но и оригинальностью замысла, удивительно захватывающей идеей, он явил нам жанр критики во всей интернациональной полноте. Мы его услышали из уст великих мира сего, живших и творивших в разные времена и эпохи, и позволявших себе «царям в глаза всю правду говорить». Не этой ли правдой в метафорическом толковании были люди, пусть и творившие в иной научной плоскости, такие гении, как Джордано Бруно, Коперник или Галилей, да и другие, готовые во имя своих убеждений взойти на костер.

Приятно сознавать, что и при нашей склонности к сервильному проявлению чувств и мнений, как оказалось, не все так однозначно, к счастью, и в нашей среде. В ряду личностей, позволявших себе «смечь суждения иметь», оказались и наши с вами земляки, современники. И это А. Шортанов, К. Кулиев, князя Черкасские, Ю. Темирканов, З. Тхагазитов, незабвенный муфтий А. Пшихачев, А. Налоев и З. Налоев, Т. Мальбахов, М. Докшоков, Б. Гуртуев, Б. Бгажноков и другие – целое созвездие имен, не отступавших перед возможными гонениями и высказывавших свое нелицеприятное мнение по негативным, на их взгляд, явлениям.

Работа проделана огромная, одних только процитированных имен здесь около печатного листа – сотни фамилий от античных мыслителей до представителей нового времени. Если вдуматься, какая работа проделана автором, чтобы единого слова ради перевернуть тысячи тонн словесной руды (по Маяковскому), и только за это честь и хвала Бейтуганову. Его мир «Острой критики» помимо историко-культурологической функции позволяет читателю использовать издание как справочник по океану познания философских размышлений личности, оппонировавших расхожим постулатам и затверженным клише – интеллектуальной идеологической жвачке, которая тормозит прогресс. Тысячи имен, у кого мы можем учиться умению держать удар в отстаивании своей правоты, открывает нам Бейтуганов, и мы с уважением проникаемся к ним пиететом за нестигаемость человеческого духа. И это тоже несомненная заслуга автора. Книга «ЭОК» может стать настольным пособием, путеводителем сквозь времена и пространства. Чтобы читателю убедиться в этом, рекомендую обязательно прочесть

«Предисловие составителя». Оно стоит того. По мысли автора, «тематически расположенный материал (огромное количество от политики до гендерных проблем, вопросов и т.д.) и обширный именной указатель помогут легко найти интересующий его предмет и сведения, касающиеся конкретной личности, включает Бейтуганов. И этим все сказано.

Назовите новоявленных философов наших дней. Они есть, но в каких пределах. Вы задумались? Потому как Монтень, Ницше, Декарт, Шопенгауэр, Бердяев, Лосев – это как бы далекое вчера, а я имею в виду близкое сегодня. Но вот, живой философ, наш современник, автор философских опусов Сафарби Нагманович Бейтуганов, и речь об одной его известной книге – «Дух сомнения» (Афоризмы). По словам редактора издания Д. Кошубаева, «явление философа в мир всегда было событием редкостным. И тем оно значительнее, ценнее». Нельзя с этим не согласиться.

Известна библейская истина, что во всякой мудрости много печали. Именно трагизм самого явления как человек – от его рождения на свет и до гробовой доски – это мучительный, полный злоключений путь индивида, дерзкого в своих устремлениях, через тернии пробивающегося к звездам. Он полон желаний и чувств. Зачастую же, по словам автора, «судьба человека изначально безразлична к его чувствам». Что же дальше? Как быть? С. Бейтуганов замечает на это: «Чувство способно заглушить мысль, какой бы глубокой она ни была». Значит, опираться только на разум? Как быть с той же любовью, желаниями, мечтами? В книге С. Бейтуганова читатель найдет ответы на эти и другие вопросы, которые постоянно смущают наш разум. И здесь, где основным лейтмотивом авторской философии является дух сомнения, все же присутствует и категоризм суждений, вытекающих из продиктованного временем реального положения вещей. Безусловно, сложная штука жизнь. Она соткана сплошь из противоречий, и отсюда – дух сомнения, который тонко уловил и по-философски мудро старается препарировать автор книги.

Словом, рассуждать о его рассуждениях – занятие непродуктивное, в этом отсутствовала бы логика, а без нее любые попытки свести в единый узел нити бытия не привели бы нас к успеху. Логично же здесь наше желание порекомендовать прочесть не только «Энциклопедию острой критики», но все вышедшее из-под его пера, ибо в его лице мы обретем умного, блестящего философа и собеседника.

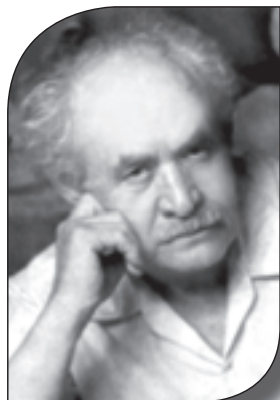
ПОДНЯВШИЙСЯ НАД БЕЗДНОЙ

Ваятель Хамзат Крымшамхалов – один из тех художников, кто подготовил базу для создания национальной художественной школы Кабардино-Балкарии и кого можно назвать одним из столпов кабардино-балкарского изобразительного искусства. Он, прежде всего, скульптор-монументалист, чьи творения украсили города и села республики. Наибольшую известность получил его монумент «Скорбящий горец», выполненный совместно с архитектором Мухарби Каркаевым. Это один из лучших мемориальных комплексов в России.

До конца жизни Хамзат Баксанукович оставался очень востребованным художником. Ему удалось реализовать множество своих авторских задумок. Большинство монументальных работ мастера резца украшают культурный ландшафт Кабардино-Балкарии. Он получил официальное признание: удостоен почетного звания «Заслуженный художник РСФСР», получил Государственную премию КБАССР. Его высоко ценили коллеги, он был уважаем всем художественным сообществом. Произведения Х. Крымшамхалова хранятся в престижных музеях многих регионов России, Прибалтики, Казахстана.

Хамзат Крымшамхалов – мастер всех видов и жанров пластических искусств. Созданная им иконографическая галерея известных в крае людей свидетельствует о глубоком понимании внутреннего мира своих героев, их психологии. В портрете Рахаева убедительно, как это всегда бывает у ваятеля, переданы неповторимо-личные черты модели. Скульптура внешне статична, но все внимание автора сконцентрировано на внутреннем духовном мире героя. Портрет лишен всяких внешних эффектов, но психологически выразителен. На лету схваченная характерность – вот неотъемлемое достоинство портретного образа великого танцовщика Махмуда Эсамбаева, изображенного в момент творческого вдохновения. Лаконизм пластического языка, четкость форм, отточенность движений модели превращают скульптуру в символ танца. Ритмический строй произведения, конструктивная логика и строгая выверенность соотношений объемов подчеркивают значимость личности.

Портрет заслуженного летчика-испытателя СССР Чабдарова свидетельствует о том, что автор прекрасно справился с поставленной задачей создания образа нашего современника. В особой выправке и стати сразу видишь военного человека. Скульптор стремится не к простой фиксации внешних черт, особенностей облика летчика (как всегда у него, сходство с моделью передано безошибочно), он умеет проникнуть и во внутренний мир своего героя,

способен запечатлеть глубинную сущность человека. Как всегда, главный акцент скульптором поставлен на морально-нравственной стороне образа. Портрет глубоко психологичен. Герой Крымшамхалова сдержан в проявлении чувств, не очень расположен к открытой демонстрации переживаний.

Ваятель не один раз обращался к образу Кайсына Кулиева. В одном из вариантов станкового портрета поэта 1966 года он предстает перед зрителем задумчивым, сосредоточенным. Вибрация света и теней, достигнутая благодаря тончайшим живописным нюансам поверхности скульптуры, многогранно раскрывает образ великого балкарского поэта.

Свой вклад в создание иконографической галереи Али Шогенцукова внесли многие кабардино-балкарские художники. Среди них и Хамзат Баксанукович Крымшамхалов. На портрете, хранящемся в Доме-музее поэта, Шогенцуков изображен в последние дни перед своей гибелью в концлагере в Бобруйске. Однако он предстает перед зрителем не изможденным, не измученным голодом и пытками, а несущим в себе пафос утверждения духовной, интеллектуальной мощи творца. В отлитом в бронзу портрете нет никаких сюжетно-повествовательных деталей. Лишь кусок колочей проволоки, которую сжимает рука Шогенцукова, напоминает о последнем пристанище поэта.

Как это всегда было характерно для ваятеля, портрет вылеплен с безошибочным сходством. Гордо, решительно поднята голова, упрямо сжаты губы. Взгляд бесстрашно устремлен на врага. Суровость и драматизм произведения усилены энергичной лепкой лица, скупым четким силуэтом. Образ поэта очерчен резко и мужественно, что позволило скульптору передать волевою собранность, предельную напряженность духовных и физических сил узника концлагеря. И хотя портрет невелик по своим размерам, Хамзату Крымшамхалову удалось придать ему монументальный характер. В нем удачно сплелись трагическое и героическое. Композиционно близок ему еще один портрет классика кабардинской литературы – в черкеске, с башлыком за плечами. Он хранится в центральной городской библиотеке города Баксана. И, судя по манере исполнения, также принадлежит Крымшамхалову. Национальный колорит образу придает не только одежда, но и сама стилистика произведения.

Лирична, задушевна его тематическая скульптура «Новая песня», изображающая счастливую жизнь советских людей. Это вовсе не значит, что автор стремился приукрасить реальную действительность. Он, конечно же, как и другие художники, нередко работал в духе соцреализма, но далеко не всегда подчинялся диктату идеологического мейнстрима, а чаще творил по велению своей души, по велению своего сердца. В «Новой песне» Крымшамхалову удалось схватить то индивидуальное, что было в облике гармонистки. Благодаря умелой обработке материала лицо обаятельной, улыбчивой девушки смягчается легкой светотенью.

Нельзя не упомянуть мемориал «Скорбящий горец» (архитектор М. Каркаев), установленный у развилки дорог, ведущих в Тырныауз и Кенделен. Еще один интересный образец монументального искусства, посвященный значительному событию – 200-летию со дня основания города Прохладного, скульптор исполнил вместе с художником-монументалистом Г. Паштовым

и архитектором Р. Нигияном. Ансамблевое решение присуще и памятнику, посвященному павшим в Великой Отечественной войне, в селе Белая Речка (1975 г.). В памятнике Солтан-Хамиду Калабекову, установленному в Булунгу, фигура соратника крупного политического деятеля Сергея Мироновича Кирова как бы возникает из подиума, представляющего собой каменную кладку в балкарском стиле, которая перерастает в монолитную верхнюю часть. Точно найденные масштабы пьедестала и полуфигуры придают монументу особую выразительность.

Своеобразным композиционным строем отличается портрет великого балкарского скрипача Солтанбека Абаева. Создается впечатление, что он как бы растворился в музыке, чему способствует своеобразная ритмика линий и объемов произведения. Лицо скрипача выдает в нем интеллектуала, творческого человека. Особые личные приемы формообразования, выработанные скульптором на протяжении десятилетий, позволили сделать скульптуру выразительной. Ваятель прежде всего заботился об эмоциональном воздействии на зрителя всех компонентов скульптуры: общего объема, деталей, абриса.

В портретных образах «Юный Ярошенко» и «Саид Шахмурзаев» Крымшамхалов сумел искусно выявить все фактурные и цветовые возможности материалов, из которых выполнены эти произведения. В интерпретации ваятеля молодой Ярошенко – это человек с сильной волей, целеустремленный, прекрасно знающий, чего ждет от жизни, готовый на самоотверженные поступки. Просветителя Саида Шахмурзаева скульптор изобразил как человека, умудренного жизнью, целиком отдавшего себя служению своему народу. Профессор-филолог Аскер Макарович Аппаев изображен ваятелем в характерной для него позе. Он раскован, слегка ироничен, легко и непринужденно ведет беседу с невидимым собеседником. Его фигура, лицо кажутся подвижными, динамичными. Автор делает выразительной каждую черточку лица своего героя, не прибегая к внешним эффектам.

Ваятель работал также над декоративной пластикой, которая украшала фонтаны, парки, устанавливалась на обочинах дорог. Большинство из его работ отличались простотой и естественностью, органично вписывались в контекст городов и сел. Юная, стройная карачаевка с традиционной горской чашей в руках встречает гостей Карачаевска. В композиции искусно соединены в единое целое декоративность, мелодика линий и объемов.

Хамзат Крымшамхалов состоялся как творческая личность российского масштаба. С годами накопленный опыт и мастерство позволяли ему решать практически любые творческие задачи, поставленные перед собой. У него сложился легко узнаваемый почерк, собственный подход к реализации своих творческих задумок, замыслов. Именно искусство позволяло ему справляться с бедами, сопровождавшими его на протяжении всей жизни. Многие его произведения выполнены не благодаря, а вопреки сложившимся обстоятельствам. Только сила духа и беспредельная преданность искусству давали ему возможность создавать прекрасные произведения скульптуры.

ТАНЦЕВАЛ ПОД ГАРМОШКУ ИНДРИСА

Я родился в дружной, крепкой семье. Мать моя была гармонисткой. Звали ее Гура, и, как все дети того времени, я обращался к ней – нана. С самого раннего возраста меня учили танцевать. Рос при родителях, в окружении братьев и сестер, беззаботным мальчишкой. Иногда, если у наны среди домашних забот выдавалось свободное время, устраивали семейные концерты.

Однажды нана отправила меня к сестре, зачем – я уже не помню, которая жила в центре села. Чтобы по дороге не было скучно, я позвал друзей – соседских пацанов Музарина и Мухамеда. Не забыли взять с собой и свои деревянные сабли. Шли мы, не торопясь, гоняли по дороге воробьев, подражая Чапаеву, деревянными саблями рубили крапиву, как белых. Когда дошли до речки, начали запускать по воде плоские камни. Споря между собой о том, кто дальше и лучше кинул камень, незаметно пришли в центр. Когда проходили мимо клуба, через открытую дверь увидели в отгороженной от зала комнате мужчину, сидевшего за столом, спиной к двери, который играл на гармошке и тихо напевал. Увидев его, мы с удивлением начали наблюдать за ним. Когда мужчина заметил нас, тут же с улыбкой придвинул стул к порогу и перевел мелодию на «исламей». Мы тогда еще не знали, как его зовут. Он, все так же улыбаясь, играл, а мы, босые, танцевали. Обливались потом, и пыль стояла столбом. Затем он прекратил игру и похвалил нас, после чего мы ушли на речку.

Мы долго купались, и о поручении матери я вспомнил только тогда, когда, вдоволь наигравшись, пришел домой и увидел ее во дворе. И когда она спросила меня, я вынужден был признаться, что заигрался и забыл. И еще я сказал ей, что танцевал под гармошку у клуба. Нана засмеялась и сказала, что танцевал я под гармошку Индриса Кажарова. Я тогда впервые услышал имя нашего балетмейстера. Конечно же, мать сначала крепко пожурила меня за забывчивость, а потом добавила: «Индрис – очень хороший, всеми уважаемый человек, раз танцевал под его гармонь – ты счастличик».

После этого мы еще несколько раз ходили к Индрису. В его комнате стояли два стола. На одном лежали ткань, ножницы, линейка и мел, стояла швейная машинка, а на втором – поменьше первого – папаха и гармонь. Когда он видел, что мы подходили, с улыбкой брал в руки гармонь, присаживался близко к двери и, удивительно красиво растягивая меха гармони, начинал играть «исламей». Танцевали мы долго, пока не уставали. Когда заканчивался наш «концерт», он всегда провожал нас со словами: «Молодцы, сбегайте на речку, отмойтесь, а то вас родители не узнают».

Однажды в очередной раз мы пришли к Индрису, а его комната оказалась под замком. Приходили еще несколько раз, но Индриса больше там не находили. Постепенно мы начали забывать про него.

Через два или три года, точно уже не помню, мне еще раз пришлось

встретиться с Индрисом. Было лето. Обычно в такое время каждый день и подолгу мы купались в речке. Когда утром собирались туда с пацанами, нана предупредила меня, чтобы вернулся к обеду без опоздания. Но, придя к реке, я забыл обо всем. Купались, потом на поляне гоняли самодельный, сделанный из тряпок мяч. А время обеда мы определяли тогда по расположению солнца. В общем, и на этот раз я опоздал, но когда вернулся, нана не стала ругать меня, а пристыдила словами: «Мужчина, который не держит свое слово – это не мужчина!». Эти слова я запомнил на всю жизнь.

Накормив меня, нана сказала: «Индрис приехал из Нальчика со своим ансамблем, сегодня будет концерт, – помолчала и добавила: – Если хочешь – можешь сходить». Я радостно побежал в клуб. Когда добрался до центра, оказалось, что клуб под замком. Стою и думаю: неужели нана пошутила. И вдруг со стороны школы слышу знакомую мелодию. Побежал туда, а класс, где идет концерт, забит до отказа, яблоку негде упасть. Пробовал то с одной, то с другой стороны пройти, никто не пропускает. Тогда я решил попробовать ползком пробраться сквозь толпу. Кое-как протискиваясь, добрался до танцевальной площадки и – бац! – кто-то крепко зажал меня между ног и не пускает. Кроме ног танцующего ничего не вижу. Хотелкусить ногу зажавшего меня, но он оказался в сапогах. Потом, недолго думая, сильно ущипнул его, и когда тот ослабил хват, я выскочил на площадку. ...И оказался рядом с танцующим! Пустился с ним плясать. Зрители начали громко аплодировать. Тогда мало кто танцевал на пальцах, а я танцевал. Это заметил Индрис и, найдя после танцев, подозвал меня к себе и спросил:

– Чей ты сын?

– Озермеса, – ответил я

– Какого Озермеса? – переспросил Индрис. Когда я добавил: «Кумыкова Озермеса», – он засмеялся и протянул: – А-а-а, все понятно. Твоя мать Гура – известная гармонистка, и поэтому ты танцуешь.

Он исполнял заключительный танец с каким-то артистом, но мое появление стало продолжением концерта.

На вопрос Индриса, умею ли я танцевать кафу, я утвердительно кивнул головой и под его гармошку станцевал и кафу. Потом он предложил еще раз станцевать с тем артистом. И после танца, похлопывая мне по плечу, сказал:

– Ты молодец, будешь хорошим танцором, учиись, танцуй много. Когда подрастешь, заберу тебя в ансамбль песни и пляски «Кабардинка».

После этого с Индрисом Кажаровым я больше не встречался, но его слова остались в моей памяти.

С легкой руки Индирса мне приобрели черкеску, я танцевал в школьной самодеятельности. В 1934 году, когда республике вручили первый орден Ленина, в городе Прохладном, с участием руководителя Кабардино-Балкарии Бетала Калмыкова, состоялся большой митинг. Вместе со взрослыми сельского танцевального коллектива и я танцевал на этом митинге. От имени Калмыкова мне подарили тогда большую коробку конфет.

Индрис Кажаров был тогда единственным в республике из

кабардинцев гармонистом высокого класса, мастером по пошиву верхней одежды, песенником-самородком. Кроме лирических и героических песен у него было много и шуточных песен, он был певцом времени. Индрис в ансамбле был не только гармонистом, он был и портным. Он сам кроил и шил для артистов женские и мужские национальные костюмы. А свои песни под гармошку исполнял сам. Он сделал большой вклад в развитие кабардинского музыкального искусства.

Черный 1941 год. Началась Великая Отечественная война. В первые дни войны один за другим погибли служившие в Брест-Литовске, на границе с Германией, мои братья. Вскоре потеряли и отца. Погасло мое счастливое детство. Через месяц после начала войны (были каникулы) нас, пацанов, собрали в школе, и директор ИТС Хамид Шкахов, председатель колхоза Оли Маржохов и директор нашей школы Токан Хатов решили дальнейшую нашу судьбу. Объяснив ситуацию в стране и пообещав, что отпустят к началу учебного года, нас распределили прицепщиками по тракторным бригадам. Каникулы пролетели быстро, но никто уже не думал о нас. Вместо ушедшего на фронт меня посадили за руль, и в тринадцать лет я стал трактористом. Если не было заморозков, то и зимой пахали день и ночь, летом сеяли, убирали и молотили хлеб для фронта. В эти тяжелейшие четыре года войны у меня всегда стояли в ушах слова Индриса: «Учись, танцуй много, когда подрастешь – забери в ансамбль».

Через три месяца после окончания войны, в 1945 году, бросив в поле своего железного коня и переплыв две бурные речки, без куска хлеба и без каких либо документов, пешком я пришел в Нальчик. Пытался найти Индриса, но не нашел. Кроме того, что он был гармонистом, художественным руководителем ансамбля «Кабардинка», никто толком ничего не мог сказать. Никто не знал, где он и что с ним.

В 1946 году случайно встретился в городе с односельчанином, другом моего отца Амдулом Анигоевым. Он жил в своем доме на улице Степной (ныне пр. Ленина). Чтобы показать, где он живет, пригласил к себе. За чашкой чаю он рассказал о том, как без военной формы, безоружный, вместе с Индрисом Кажаровым и Али Шогенцуковым, попал в концлагерь для военнопленных в Бобруйске, о трагической судьбе Али и Индриса. И сам Амдул в лагере был на грани смерти, но остался в живых чудом. Он мне поведал еще одну историю, которую услышал от самого Индриса, о том, почему Али Шогенцуков и Индрис Кажаров оказались в стройбате.

Был набор по обновлению состава ансамбля песни и пляски «Кабардинка». Прием проводили Индрис Кажаров и Али Шогенцуков. Одна из претенденток не прошла конкурсный отбор, и она оказалась сестрой жены военкома (Амдул не уточнил, какого военкома, городского или республиканского), и, в отместку за это, военком мобилизовал их обоих в этот батальон.

В центре села Алтуд построен новый Дом культуры, который носит имя Индриса. Когда бываю на малой родине, я обязательно захожу и в этот храм культуры, и каждый раз по-доброму вспоминаю веселого, добродушного и отзывчивого Индриса Кажарова.

«А я ни дня не проживу без боли»

Много лет я знакома с Ольгой Аношиной, прекрасной матерью четверых детей и талантливым человеком. Никогда не унывающая, трудолюбивая, она всегда подчеркивает: «Бог силы дает».

Ольга – духовно богатая личность. Она имеет среднее музыкальное и высшее филологическое образование. Увлечение поэзией помогает эмоциональной натуре оставаться в гармонии с собой и окружающим миром. Как сказал известный немецкий драматург и поэт Бертольд Брехт: «Все виды искусств служат величайшему из искусств – искусству жить на земле».

Четверть века Аношина пишет стихи, потому что не может не писать. Ее стихи печатали в республиканских газетах и журналах, звучали они и с телеэкрана. В книжном издательстве Марии и Виктора Котляровых вышел поэтический сборник О. Аношиной «Два солнца». На вопрос: «Почему книга так называется?» – дает ответ стихотворение с аналогичным названием.

Ольга видит и ценит красоту окружающего мира. Остается сожалеть, что в нашем суетном мире становится все меньше людей, обладающих даром созерцания в лучшем смысле этого слова. Аношиной удастся увидеть и открыть глаза на, казалось бы, обычные явления природы, ее красоту, которую она находит даже в невзрачном растении – спорыше, хрупком с виду, но таком живучем и сильном. «Выдернуть непросто: корни-корневища / Закрутили землю цепкою рукой». Умеющие читать между строк обязательно найдут параллель с самой Ольгой, сильным по духу человеком. К слову сказать, часто сама она – герой многих своих лирических стихотворений. Очень трудно приходилось Аношиной, когда она вынуждена была не работать, а перебиваться случайными заработками и в то же время ставить на ноги четверых детей.

А как тонка ее пейзажная лирика! «То поманит, то обманет / Он, седой и нежный март». Стихи Ольги по-женски очаровательны, ароматны, они дышат материнской любовью ко всему живому на Земле. «А я ни дня не проживу без боли, / Коль люди не научатся любить». Кроме любви к природе, в своих стихах Ольга воспевает любовь к родине, родителям, детям, размышляет о предназначении поэта в обществе. В ее произведениях нашла отражение и любовная лирика.

Ольга Аношина – очень мудрый человек, и выходящие из-под ее пера произведения мудры и самобытны. После прочтения книги в душе остаются приятные ощущения, словно ты наполнился воды из чистого родника.

Март

То поманит, то обманет
Он, седой и нежный март,
Дождь по крыше барабанит,
Грач кричит: «Весна сбывлась!».
А в лесу поет подснежник:
«Здравствуй, Матушка-Весна... –
Пробивает голос нежный: –
Я проснулся ото сна!»
Разбудил березу, иву,
Потревожил барсука.
Стало все в лесу красиво
И растаял снег слегка.
Задышала вся поляна,
Улыбнулось солнце ей,
Воздух свежим стал и пряным
И застыл в сетях ветвей!

Спорыш цветет

Живая вера есть залог успеха

Заржавели травы, отгорает Лето,
Опадает тихо одинокий лист,
Охладело солнце, безразлично где-то
Изумрудом сочным травка налилась,
Словно спохватившись от осенней скуки.
Расцветает белым соченьким спорыш,
Для него цветенье – непростые муки,
А природе вызов: «Быть или не быть!».
Пусть он неказистый маленький листочек,
Белые цветочки – Боженьки пыльца.
Жить умеет смело, знает, где ютиться.
Символично плачет по нему роса,
Выдернуть непросто: корни-корневища
Закрутили землю цепкою рукой.
Осень-непогода – ветер свищет, свищет,
А спорыш ютится, словно на постой.
Сила в нем большая, стержень удвоенный,
Выживет: любую жизнь он проведет
И весною ранней, снова оживая,
Усмехнется травам: нипочем им гнет!

*И душа моя – поле безбрежное...**Есенин*

Мне хочется бежать куда-то в степь,
 Где спят цветы, ласкают ноги травы,
 И там, в степи, на травах умереть
 Под шум ручья и песенность дубравы.
 Здесь все родное, все кричит: «Люби!»,
 В любви вся сила, и она святая,
 Кому-то песню сладят соловьи,
 А мне чего-то в жизни не хватает.
 Не слышу слов, зовущих на борьбу,
 Не слышу звона бьющихся бокалов,
 Мне не с кем встретить новую весну,
 Чужие ж весны больно сердце ранят.

*Кавказ подо мною, один в вышине**Стою я у края стремнины...**Пушкин*

Как не любить мне эти горы,
 Белеющие в вышине,
 Манящие к себе просторы,
 Со сказкой, спящею во тьме.
 Родней и ближе сыщешь разве?
 И я тянусь к тебе душой,
 Отец мой – Эльбрус светлоглавый,
 А мать – все небо надо мной!

Нашла я путь

*Ищущие Бога не терпят нужды ни в коем благе.**Библия*

Нашла, нашла не старую потерю,
 Не шапку, не коня, не кошелек,
 Нашла спасенье вечное я в вере –
 Не надень, не на год, не на часок.
 Нашла я то, что долго так искала,
 К чему стремилась робкою душой,
 Ведь только пищи человеку мало,
 Ему ведь нужен и души покой.
 Как дочь заблудшая, уставшая от боли,
 Познавшая страдания и недуг, –

Все совершается у нас Господней волей,
И я в числе Господних верных слуг.
«Вернись, вернись», – зовут меня родные,
Но я вернусь не в край свой, а к тебе.
Где б ни была, я слышу голос тихий,
Любовью дышат светлые слова:
«Живи в надежде, не скорбя о лихе,
И пусть надеждой полнится душа!».

Условие

*Любовь – это все,
И это все, что мы о ней знаем.
А. Моруа*

Тот, кто руками в ссадинах и шрамах
Не хочет рушить стену серых буден,
Тот солнце жизни не разбудит
И не утонет в васильковых гаммах.
А я ни дня не проживу без боли,
И даже ночью дух мой возвещает,
И лира без меня безвольна,
И солнце без меня мерцает,
Я не могу беспечно в мире жить,
Коль люди не научатся любить!

*Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь...
Н. Заболоцкий*

Погружаясь в мечту, как в пучину,
Я о прошлом невольно грущу:
Не растопит ли солнце, как льдину,
Омертвевшую душу мою,
И не вспомнит ли ветка сирени,
Как пьянила дыханьем своим.
Вы о чуде звените, капли,
Пойте песню весны, соловьи...
Скука? Нет, это грусть оседает
И в сознание моем не умрет,
Жить на свете она не мешает,
Только ленточку длинную вьет,
Погрузившись в мечту, как в бессмертье,
Не устану себя я терзать,
Хорошо, когда память не дремлет,
Когда боли в душе не унять!

*Хазеза ТАОВ,
Фатима МУРЗАКАНОВА*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Само понятие орфографии связывается с понятием о правильности написания: всякое отступление от общепринятых правил написания рассматривается как недопустимая ошибка. То, что орфография является общепризнанным средством письменного выражения речи и используется для практических целей языкового общения, имеет большое значение.

Орфография регулирует все средства графической передачи речи. Обычно в ней выделяются два раздела:

1. употребление буквенных знаков (выбор букв);
2. написание их вместе и раздельно.

Для дальнейшего совершенствования орфографии кабардино-черкесского языка существенным является уточнение ведущего принципа, исходя из которого должны строиться основные орфографические правила.

В основе адыгских орфографических систем лежит фонетико-морфологический принцип.

Этот принцип представляет собой определенное соотношение морфологического и фонетического принципов с преимущественным применением одного из них.

Такое сочетание двух принципов определяет орфографическую основу многих языков.

Кабардинская орфография как совокупность правил распадается на девять частей, разделов:

1. правила передачи звуков буквами в составе слов (правописание гласных и согласных);
2. правила употребление прописных и строчных букв;
3. правила переноса частей слов с одной строчки на другую;
4. правила о слитных и полуслитных (дефисных) написаниях;
5. правила графического сокращения слов;
6. правила слитного написания определительных связанных слов;
7. правописание личных префиксов;
8. правила написания префиксов, суффиксов и падежных окончаний;
9. правила написания русских и интернациональных слов в кабардинском языке.

Первые пять разделов представляют собой систему правил, основанных на определенных принципах. Исходя из первого раздела кабардинской орфографии, который является центральным, можно выделить шесть принципов: фонетический, морфологический, этимологический, условный, дифференцирующий, традиционный. Однако существуют и мнения по этому вопросу. Например, Х.

Э. Дзасежев выделяет следующие принципы: фонематический и фонетический, этимологический и традиционный, символический и морфологический. Таким образом, становится ясным, что вопрос о самих принципах орфографии кабардино-черкесского языка требует дальнейшего исследования.

Какой же из указанных выше принципов преобладает в современной кабардино-черкесской орфографии?

Общепризнанно, что основным принципом кабардино-черкесской орфографии является фонетический. Обычно при своем возникновении любое звуковое письмо бывает фонетическим. Таким было вначале письмо греческое и латинское. Однако по мере развития языка произношение изменяется, написание же остается прежним. Возникший разрыв между двумя формами речи – устной и письменной – либо устраняется, либо (что бывает чаще) закрепляется, причем в этом случае возникают уже иные закономерности в соотношении между звуком и буквой. Так устанавливаются принципы правописания, принятые у того или иного народа.

Для сравнения соотношений разных принципов в кабардино-черкесском письме приведем один и тот же отрывок сначала в транскрипции, то есть в точном соответствии с произношением, а затем – по правилам современной орфографии.

а) Лу эргуэру йы уысэм йыуыжь ыыхъщ. ТхылъымпIэ хуыжь нэпэшхуэ кыгъуэтри бгъэдэтI ысхъщ йы уысэр тритхыкIыжу: псалъэхэр зэгъэкIуауэ, уэрэт тхыкIэм тету, хьэрфхьэр зэрыпкIэ тегъэуа хуэдэу, йегуыгъуыпэу уысэр йытхырт, йы щхьэр тIэкIу I уышэ йыщIауэ.

б) Лу аргуэру и усэм иужь ихъщ.

ТхылъымпIэ хужь напэшхуэ кыгъуэтри бгъэдэтI ысхъщ и усэр тритхыкIыжыну: псалъэхэр зэгъэкIуауэ, уэрэд тхыкIэм тету, хьэрфхьэр зэрыпкIэ тегъэуа хуэдэу, егугъупэу усэр итхырт и щхьэр тIэкIуIушэ ищIауэ»

Лу опять взялся за свои стихи. Нашел большой белый лист бумаги и сел переписывать стихотворения: с упорядоченными словами, в песенном стиле, как будто буквы поставлены печатью, очень старательно писал стихи, немножко наклонив голову набок.

При сравнении двух вариантов становится очевидным, что правописание основано главным образом на фонетическом принципе, хотя имеются и условные обозначения. Это, видимо, обусловлено тем, что кабардино-черкесский язык является младописьменным.

Использованная литература

1. Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963. С. 29
2. Урусов Х. Ж. История кабардинского литературного языка. Нальчик 1968. С. 100-102.
3. Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография М., 1976. С. 137.
4. Кешиков А. П. Зеленый полумесяц Н, 1966. С. 159.

Хазеша БЕЦУКОВ,
к.б.н, публицист,
Андзор БЕЦУКОВ,
к.э.н

Саморазвитие материи – механизм эволюционизма и функция мироздания

В конце прошлого столетия естественнонаучное миропонимание во взгляде на функцию и механизмы движения материи претерпело коренное изменение. Эксперименты на адронном коллайдере скорректировали представление о материи «вглубь», обозначив вектор саморазвития и контуры эволюционизма. Гипотеза о пяти уровнях (гипо-, микро-, макро-, мега,- и гипер) материи предполагает их дифференцированное движение к иерархическим уровням спонтанными, эмерджентными и прочими свойствами в автоортогенезе (прямое развитие), «снизу вверх» и обратно к гипомиру, в круговороте. Теория мировоззрения прошлого столетия – дарвинизм – апеллировал к фактам модификации локальной биоорганики естественным отбором и борьбой за существования. Подход современного эволюционизма – автотрансформация материи через ортогенез. Логика умственного эксперимента предполагает взаимодействие в пределах гипо – гипермира, через промежуточные микро-, макро,- и мега «инстанции». Следовательно, физические, химические, органические и прочие фантомные субстанции интегрированы эволюционизмом в функцию мироздания. Биосоциальное саморазвитие мозга и сознания являет модель взаимодействия с интенсивным расходом энергии на автотрансформацию думающей материи (об этом ниже), вероятно, и материализацию сознания в процессе мышления. Ортогенез относительных уровней материи приводит к мозгу и к функции мышления. Их взаимодействие происходит с излучением и поглощением гипочастиц в процессе гравитации. Об этом свидетельствует, по-видимому, интенсивное потребление энергии на процессы мышления и материализацию сознания, как следствие «функции» материальных субстанций во взаимодействии, по принципу «рука моет руку».

Наука констатировала принцип *постепенного* восхождения материи от уровня к уровню и *скачкообразной* автотрансформации к новому качеству на ступенях. Восхождение к качественным ступеням по иерархии приводит к функциональному совершенству материи в ортогенезе, а их интеграция эволюционизмом – к глобальной функции мироздания. Явление хронологически так «упорядоченно», что существования в материальном мире не функционирующей субстанции и движения вне материи вероятности нет. «Лестница» эволюционизма «ведет снизу вверх», по спирали, от гипо к гиперматерии и обратно к гипомиру. Гипомир и материализует сознание, вероятно, и участвует

в формировании свойства элементарных частиц, которые по иерархии определяют качества физических, химических и органических молекул, до феномена биосоциального единства мозга и сознания. Отсюда, механизмы шестивия материи, как и функции, можно анализировать экспериментально в поэтапном взаимодействии субстанций.

Смысла сопоставления дарвинизма и эволюционизма в механизмах не осталось, есть расхождение в толковании движущих сил. В связи с этим авторы предлагают экстраполировать изученные свойства материи на всю её совокупность и постулировать, что механизмы синхронной интеграции материи в ортогенезе эволюционизмом, как уже отмечали, – основа функции мироздания. К постулату напрашивается вывод о наличии по иерархии последовательных механизмов трансформации объектов от гипо,- к гипермиру. Одной логикой умственного эксперимента бытие материи к философскому смыслу не «притянуть», но и экспериментально не «охватить». Поэтому отошлем читателя к модели биосоциального взаимодействия мозга и сознания в саморазвитии. Повидимому, неизученные свойства гипомира формируют различные поля вокруг себя и подвергаются обратному их воздействию. Глобальный эволюционизм, следовательно, включает не только взаимодействие материальных объектов, но и интегрирует функции. Академические факты взаимодействия физических, химических и органических молекул по иерархии спонтанными, эмерджентными и прочими свойствами привели материю к саморегуляции макромолекул, а также к движению индивидов и общества биосоциальными механизмами. Разброс как уровней материи, так и форм их движения не нарушает логической хронологии «восхождения» от гипомира в ортогенезе к саморазвитию «снизу вверх» *к жизни* и «сверху вниз» обратно к гипомиру.

Научная гипотеза предполагает существование между материальными объектами гравитационных сил взаимодействия, независимо от размеров. Экстраполяция свойств материальных объектов позволяет считать правомерным наличие одноименных сил и поля в целом у материи, взаимодействующих с телами, имеющими мультипольные моменты. Исследователи и логика предполагают наличие особого информационного биополя торсионного кручения биокомпонентов. Отсюда, на достигнутом этапе биоразвития ученые все чаще «сталкиваются» с пси и параявлениями, гипнотическими воздействиями и медитацией, как следствием материализации сознания с обратной коррекцией исходной матрицы. В природе этих процессов завуалирован принцип биосоциального, или функционального взаимодействия. На примере единства функций мозга, мышления и сознания, через поток гипочастиц происходит, по-видимому, функциональная интеграция. Самопрограммирование остается при этом фундаментальным преимуществом мозга, интегрирующим функцию триады в структурно-функциональном взаимодействии биосоциальной материи, в отличие от искусственного интеллекта. Сознание также интегрирует дискретные анатомические функции мозга, которые не смешиваются, не сплавляются и диффузии не

подвергаются. Интеграция функций автономных составляющих мозга формирует гамму индивидуального сознания – вариацией меры пропорционального вклада взаимодействующих субстанций в материализацию сознания «информационными» гипочастицами, вероятно. Отсюда можно констатировать, что в формировании мысли принимает участие гипомир, в качестве информационного кода. Алогично предположить, что в субстанцию сознания могут «входить» макромолекулы. Гены и белки программируют и поддерживают, вероятно, постоянную готовность «думающей» субстанции к «анализу ситуации», а излучением и поглощением гипочастиц формируют мысли в торсионном поле кручения нейронов, что предполагает иерархическую организацию мышления: программирование функции нейронов, формирование мысли к каждому мигу изменчивой ситуации и их интеграцию в сознание. Поэтому индивиды «соображают» всегда уникально, вне зависимости от ситуации.

Версию материализации сознания подтверждает и фантомная модель хронологии формирования архитектоники мозга, функции мышления и сознания в онтогенезе, а также долгосрочное «накопление» сознания в филогенезе. Вероятность обратного «прокручивания» событий связана, вероятно, с механизмом саморазвития функции «лестницы» снизу вверх и обратно, составляя основу памяти. Явление «взаимодействия» обеспечивает «восхождение в дуализме» от гипочастиц к молекулярной материи и последовательно к дифференцировке функций клеток и тканей, до иерархии биосоциальной исключительности индивидов и общества. Логика умственных экспериментов исторически приводит сначала к качествам нуклеиновых кислот и далее восходит последовательно к фундаментальным функциям биосоциальной материи: само-, воспроизведению, обновлению и регуляции. Синтез продуктов по информации нуклеиновых кислот обеспечивает самообновление уникальных макромолекул, контролирующих не только сознание, память и прочие псифизиологические явления, но и глобальную регуляцию биосферных явлений. Саморазвитие указанными механизмами поддерживает вектор материи в круговороте, от гипомира по спирали к гиперобъектам и двуединству материи и сознания.

Шестие материи одного уровня универсальными механизмами не приводит к уникальному разнообразию сознания индивидов и общества; следовательно, в механизме «синтеза и распада» возникает структурно-функциональный дисбаланс обменных функций, формирующий новый виток восхождения. Из академических источников также известно, что каждый второй ген реализует нейродинамическую функцию мозга, а на совокупную экспрессию «генов сознания» организма приходится до четверти энергетических затрат организма в целом, хотя удельная масса мозга не превышает 2,5 процента тела. Интенсивность энергетического обмена у людей интеллектуального труда связана, по-видимому, с излучением и поглощением гипочастиц в процессе мышления и формирования сознания, в меру индивидуальной уникальности. Кроме того, варьирование физической и социальной среды постоянно

моделирует функцию генов и стабильность сознания, хотя и остается в плену межсистемных «ловушек». Функцию генов «напрягают» и соотносительные (коррелятивные) изменения во взаимодействии генотипа и факторов среды, но смысл функции генов строго дифференцирован, хотя различные типы наследования, спонтанные мутации и аллелизм приводят к морфологическим вариантам. Поэтому молекулярно-генетическая основа эволюционизма предполагает новейший синтез нейронаук. Генетические механизмы регуляции и управления на уровне онтогенеза функционируют не только первичными продуктами программы нуклеиновых кислот, но и молекулами – регуляторами и посредниками на уровнях генома и биосферы в целом. Многоуровневое формирование структур и функций указанными молекулами – не менее важный механизм восхождения материи в саморазвитии к прогрессу.

Сложно девуалировать механизмы эволюции сознания логическими экспериментами мысленно, но сложнее охватить академическими методами глобальные явления. К тому же, восстановлению хронологии молекулярных процессов прошлого онтогенеза препятствуют скоротечность разложения биологически активных веществ и тканей, не говоря о нейросекретах и генах. В итоге, биохимический анализ оказывается «усеченным» для выявления экспрессии генов для качественного суждения о прошлом филогенезе и мониторинга будущего. Тем не менее постулат об определенной хронологии трансформации материи в ортогенезе исключает мистику и предопределяет последовательную модификацию функции до мышления и сознания, при непосредственном участии гипомира в механизмах обратного воздействия сознания на функцию мышления. Отсюда, поиск академических фактов «шествия» сознания вне материи бессмыслен из-за постоянного поглощения и излучения гипочастиц во взаимодействии мозга и сознания. Саморазвитие, условно говоря – «восхождение» материи к гиперобъектам и возвращение к гипомиру в круговороте, включая взаимодействие мозга, мышления и сознания через поток, вероятно, гипосубстанций. Сравнение сознания с функциями различных полей, в том числе и с биополем, по-видимому, имеет место. Известны завуалированные механизмы генетической регуляции сознания мозгом и обратная модификация материи и инстинктов сознанием, чтобы не полагаться только на веру. Поэтому межа между знанием и верой не физическая, а академическая.

Глобальный эволюционизм по логике умственного эксперимента пролегает от примитивных структур к примитивным функциям макромолекул, индивидов и общества, на пути к биосоциальному взаимодействию мозга и сознания в мышлении. Следовательно, саморазвитие в процессе функции мозга приводит к мышлению поглощением гипочастиц и сознанию – излучением. Аналитика тезы мировоззрения «предполагает» дуализм взаимодействия в целом мозга и сознания, в частности – через свойства гипомира. Отсюда, философский постулат вечности материи в движении направлен поступательно «снизу вверх» и не имеет обратного хода, кроме возврата

гиперобъектов к гипомииру иными механизмами. Можно предположить, что глобальный эволюционизм интегрирует структурно-функциональные уровни взаимодействием по иерархии спонтанными, эмерджентными и прочими свойствами материи от примитивных структур, к сложным конструкциям, от неживой – к биосоциальной субстанции. Логика умственных экспериментов предполагает наличие аналогичных механизмов взаимодействия по вертикали, от гипо, до гипермира.

Гипотетически автоэволюция гипомиира имеет место быть и составляет начальную ступень «восхождения в круговороте» к гиперобъектам во взаимодействии саморазвитием, в том числе и различными полями до бесконечно уникальной дискретной биосоциальной субстанции. Здесь, вероятно, «смыкаются» гипо и гипермиры в функциональном единстве, и теоретически не исключается аколлапсис в будущем. В гипермире постоянно происходит молекулярный обмен и их тасовка движением, «обрекая» и науку на вечное следование за автотрансформациями архитектур на ступенях восхождения. Поэтому этап дарвинизма несет «живой» отпечаток глобального эволюционизма и не отличается от него механизмами, а отличается толкованием смысла функции. «Изначальным» смыслом логических построений в умственном эксперименте выступает системность глобального материального бытия. Отсутствие функциональной какофонии в сквозном восхождении материи саморазвитием предполагает, по-видимому, постоянный конфликт между функцией и биоархитектоникой в структурно-функциональном тяготении к беспредельной эффективности ортоэволюции гипомиира к феномену самосознания и псиявления.

СПОРТ СИЛЬНЫХ И МУЖЕСТВЕННЫХ

«Мужеством не наделяют» – гласит адыгская пословица, подразумевая, что всего в жизни надо добиваться своими силами, упорным трудом. Спорт состоит из длительных напряженных тренировок, венец которых – соревнования, каждое из которых – испытание на выдержку и мастерство.

Еще в первом классе Азрет Губжев с братиком Азаматом занимались спортом. Они посещали спортивную секцию классической борьбы во Втором Чегеме. Их первым тренером был сильнейший спортсмен Руслан Кадыков.

Спустя три года их мама, Светлана Кишева, поступила на работу в газету «Баксанский Вестник» – журналистом в отдел спорта. В спортивную секцию сыновей обычно приводят отцы. Конечно, бывают и исключения. Именно так и случилось с братьями Губжевymi. Именно мама привела их в спортивную секцию в с. Атажукино Баксанского района. В сельской детско-юношеской школе их тренировал Хасан Тезадов, но уже на занятиях по вольной борьбе. Братьям Губжевым повезло: с первых же шагов на борцовском ковре они попали, что называется, в хорошие руки. Многоопытный тренер Хасан Тезадов был очень требовательный. Он воспитывал в них дух, терпение и стремление к победе. Тезадов был очень строгий и не разрешал пропускать ни одной тренировки.

Братья научились быть ответственными и целеустремленными. Они принимали участие в районных и республиканских соревнованиях. Азрет принимал участие в чемпионате России по вольной борьбе в г. Ростове. И тренер им всегда говорил: «Вольная борьба является одним из самых мужественных и любимых на Кавказе видов спорта».

Спустя три года Губжевы возвращаются в родной Чегем. Азрет с братьями Азаматом и Астемиром возобновляет тренировки во Второчегемской спортивной школе, и отец приводит его в секцию кикбоксинга. «Первая тренировка по кикбоксингу запомнилась мне на всю жизнь, – сказал Азрет потом корреспонденту районной газеты. – Меня поразили строгость и дисциплина, беспрекословное подчинение командам тренера. Я сразу понял – здесь мое место».

Первый успех пришел к Азрету уже после года тренировок под руководством именитого тренера Асланбека Дышекова. В 2012 году в республиканском турнире по кикбоксингу памяти мастера спорта международного класса Гисы Хусеновича Гичиева он занял 2-е место, в том же году на чемпионате Кабардино-Балкарской Республики по кикбоксингу в разряде фуил-контакт занял 2-е место. В 2012 году занял

2-е место в республиканском турнире под девизом «За мир на Кавказе».

В 2013 году в республиканском турнире по кикбоксингу памяти мастера спорта международного класса Гисы Хусеновича Гичиева занял 1-е место.

В 2013 году в соревнованиях на кубок Кабардино-Балкарской Республики по кикбоксингу занял 1-е место.

В 2013 году в открытом турнире по кикбоксингу, проходившем в г. Анапа, в разделе лайт-, фуил-контакт, лоу-кик занял 1-е место.

А в соревнованиях по вольной борьбе Азрет Губжев в 2012 году – в первенстве Чегемского района по вольной борьбе – занял 1-е место, в том же году – 2-е место, в с. Псычих – 3-е место.

Целеустремленность, умение тактического ведения поединка и другие спортивные навыки Азрет освоил, во всем слушаясь своих тренеров.

Азрет учится в средней школе № 1 Чегема II, в самом дружном 8-м классе, где его очень любят, ценят и уважают. У него замечательные учителя, которые во всем его поддерживают. И, конечно же, директор школы – Азретали Леусович Дышеков, который всегда рад его успехам.

В школьном конкурсе «А ну-ка, мальчики!» он победил в номинации «Самый сильный!».

Родители Ахмед и Светлана и братья Азамат и Астемир мечтают видеть Азрета чемпионом и верят в него. Под руководством опытного тренера Асланбека Дышекова Азрет Губжев продолжает готовиться к новым соревнованиям!

**Мария КОТЛЯРОВА,
Виктор КОТЛЯРОВ**

ПОТУСТОРОННЯЯ ИСТОРИЯ

В ходе поиска в интернете материалов по истории Кабардино-Балкарии наткнулись на сайт <http://agartis.narod.ru> и вначале не могли понять, что он из себя представляет, но вчитавшись, ознакомившись поближе, осознали – в наше время, рядом с нами жил и творил человек, сумевший заглянуть в прошлое и отразить его в удивительных и загадочных трудах. Речь о Павле Григорьевиче Назарове, авторе 25 книг и 50 статей по древней истории и мифологии. Большинство из них являются составной частью грандиозного труда о ведической Арте, под которой автор подразумевал вселенскую правду, порядок и совершенство.

Наберитесь терпения и прочитайте, как анонсируется этот проект: «В книгах дана история авестийской Арты, ведийской Артхи, античного совершенства Арти, эллинской доблести Аретэ, Астарты Артемиды Ортигии, римского Арта, авестийской империи Артаксерксов, Артакидов и Арташесидов, шумерской Аратты, ахейских стран Артавы и Дадонской Арты, еврейской Арцы, арабской аль-Арды, стран Ур-Арту и Суб-Арту, ведийской Арьяв-Арты, росоманской Аорсии, Древнерусской Артании и беловодской Агарты-Шамбхалы, учения буддийского Сиддх-Артхи и британского Артура»...

Прервемся, потому что это описание лишь малой части того, что затронуто в означенном труде, написанном, кстати, в стихотворной форме, охватывающем практически всю мировую историю, содержащем энциклопедический массив событий, имен дат. Тех самых фактов, которые, будучи простым человеком, невозможно изучить, постичь, узнать, если только... Если только тебя не отметила десница высших сил. Если тебе не помогли, не подсказали, не направили.

Не спешите нас упрекать в ереси, давайте попытаемся понять, откуда автор мог знать (если не знать, домыслить) то, что касается истории адыгов. Он, никогда не бывавший на Северном Кавказе, не читавший этнографических трудов, незнакомый с обычаями, традициями, менталитетом народов населяющих регион.

Впрочем, о его биографии мы поговорим ниже, а пока обратимся к 26-й книге ведической Арты, которая называется «Анналы Иналидов: черкес-койсакская Урда от Тригарты и Ардилана до Эордии и Артабрии (1020–1690) и атрибутирована как вышедшая в Челябинске в 2006 году.

Анонс ее гласит: «О внешней и внутренней политике Гуридского гулямонс Делийского султаната (урды) – как восточного крыла Киргиз-койсакской орды, и Египетского мамлюкского султаната – как западного крыла Черкес-косогской или Черкас-казакской артели».

И далее: «Книга написана в традициях средневековых мусульманских анналов-летописей черкесской династии иналидов

и является приложением к 25-й книги («Севериаде»), посвящённой Агартису и его пращурам: жанейским, косожским и чигирским мореплавателям афаджанам из рода «Кармоко-Ларуноко»; иналидам: Кармокоевым, Егуновым-Кансуоковым и Чихириным, их контактам с антами, суварам, северами, севрюками, саварами и саварками»...

Понятно: рядовому читателю сложно пробраться через подобного рода терминологию, поэтому обратимся непосредственно к текстам, насыщенным обилием исторических реалий и имен. Итак, третья глава, озаглавленная «Кабарда и иберы...»...

Раздел 390: Кабарду пшир / Инал основал. / В тлашкателеву / Честь так назвал. / Тлашкатели / Князьями там слыли. / Орки тоже / Князьями там были. / Тлашкателям / Они подчинялись. / Тлашкатели же / Пши поклонялись.

В статье же «Привилегированные сословия Кабардинского округа (Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3, Тифлис 1870) читаем: «Собственно в Большой и Малой Кабардах существуют следующие сословия: ворк (благородный) и пшитль (неблагородный). К первому сословию относятся: пши, вид его – тума, тлакотлешь джинуго, беслен-ворк и ворк-шаотлахуса; ко второму: пшекеу, азет, логанапут, ог и унаут».

Раздел 445: Анты от / росоманов пошли. / Анты те – / роксаланов сыны. / Все адыги / от антов идут. / Их касогами / ныне зовут.

Перед нами словно цитата из труда Шоры Ногмова «История адыгейского народа». А вот как ее дополняет П. И. Ковалевский, автор книги «Народы Кавказа» (1914): «Кабарда происходит от древних антов, что доказывается многими данными кабардинских поэтических преданий, памятников и слов. Греки называли кабардинцев «черкесами». Пребывание антов, кабардинских предков, на нынешнем Северном Кавказе, доказывается свидетельством многих арабских, греческих и римских писателей». Более подробно мы писали об этом в статье «Адыг Дука-Бек и русич Бус-Белояр: два в одном» (Газета Юга. 2013, №№ 6,7,8).

Раздел 461: Те хоть крепости / Фряжскими были, / В городах / Византийцы тех жили. / Греки в них / И армяне селились, / Караимы, евреи, / Ютились. / Много турок / И руссов жило. / Фрязей в Кафе / Семьсот лишь было. / То купцы да / Епископы были, / Всеми урбами / Руководили... / Православными / Греки являлись. / Униатами / Эллины звались... / Чгук католиком / Зваться был рад, / Православный хоть / Был униат... / Там жанеец / Епископом был, / Католичеством / Фряжским рулил. / Жан тот / Архиепископом слыл. / Жан де Зих тот / Жаневцем звался. / Жан викарием / Папы являлся. (1349) / Жан Жану-страну / Зихией звал. / В честь неё / И фамилию взял.

Именно о фряжских (франкских) крепостях мы рассказывали в материалах «Франги – рыцари Северного Кавказа» (Газета Юга. 2012, 11, 18 октября) и «Католический монастырь в Хабазе» (Газета Юга. 2012, №№ 49, 50)

Раздел 464: Янычары ж, что / В фортах селились, / С мамлюками,

/ Черкесами слились. / Бесланейцы ж / Адыгами звались, / К морю из-за / Хребта не спускались. / Возле моря / Жанейцы там жили, / Братом старшим / Беслановцам слыли. / За Бесланом ж / Цвела Кабарда – / Тоже это – / Адыгов страна.

Раздел 465: Все народы ж, / У Понта что жили, / Все адыгами / Вовсе не слыли, / Хоть им старшими / Братьями звались – / Как «абаджи», / «абаски» писались, / Абадзинами, впрочем, / Не были, / Хоть и братьями / Тоже им слыли... / С юга все / От абхазов пришли. / Их касогами / Тут нарекли. / Прежде Зихией / Жану их звали. / Как «Казахию» / Зиху писали... / Все шапсуги ж / На юге остались. / Все жанейцам / Родней ближней звались. / Их апсилы ж, / Абаски родили. / Их абаджами ж / Всех окрестили... / Дальше к югу / Убыхи селились, / Меж абхазов, / Абаджей теснились. / Те абаджами уж / Не являлись, / Но абхазами / Тоже не звались... / Там ахейцы ж, / Аше, проживали. / Возле Сочи ж / Шаше обитали, / Всех убыхов / Родней величали... / Те убыхи ж / Вокруг Ту-апсе / Возле берега / Жили уже. / Там Аше рядом, / Речка текла. / То ахейцев / Была уж страна.

Перед нами своего рода развернутая картина адыгского этноса.

Раздел 541: Мы адыгами, / Антами были, / Псёл «водой» / По-адыгски крестили. / Псёл «апсу» мы, / Водой, зовём, / Ту-апсе / «двоеводьем» рекём. / То в Шумере мы / Имя приняли, / Там Апсу, / Мать воды, почитали. / Мы в Суб-арте / Тогда проживали.

Раздел 542: С нами анты. / Аорсы сроднились, / В севрюков мы / Орду превратились. / До Севера уж / Флавия нас (305) / Зрел на северных / Склонах Кавказ. / Плиний нас / На Кавказе застал. / Плиний Старший / О нас написал. / Нас «северами» / Плиний назвал... / Птоломей нас / Потом изучил. / Нас «суварами» / Птол окрестил. (300) / Птоломей нас / «саварами» звал, / Имя «сервиев», / «сервов» нам дал. / Нас «саурами» / Также писали. / Саувиру мы / Родиной звали. / Меотиду мы / Всю заселили, / По-северски мы / Песни учили.

Раздел 543: Как Агартис / Великий писал, / Заберган к нам / Болгарский примчал. (25 кн) / Хан северов всех, / Анто в сплотил, / На Дунай вслед / Бояну отбыл. (560) / Синдилых вслед / За братом подался, / Анто в, севров / Набрать постарался. / После булгров / Кубрат возглавлял. (632) / Хан Кубрат / Аспаруха зачал. / Аспарух уж / Дунай перешёл. / Мёзу, Фракию / Хан там нашёл. / Там Болгарское / Царство возникло. (688) / Анто в племя там / Жить уж привыкло. / Анты в Сербию / Уж проникали, / Там склавинии / Уж покоряли. / Только тесно там / Антам всем было. / Племя антов, / Северов решило / Вновь на Дон, / На Кавказ возвратится, / На Тамани / В Анапе поселиться.

Комментарием к этому разделу может стать аннотация к болгарскому кинофильму «Хан Аспарух» (1981): «В битве с хазарами на Волге самый старший брат Аспаруха остался биться насмерть. Второй брат со своим народом поднялся вверх по Волге и основал Булгарию со столицей Казань. Третий брат ушел на Кавказ – это Кабардино-Балкария»...

Раздел 544: Так за Дон / Двести тысяч вернулось. (764) / Племя

антов, / Северов сомкнулось, / Со склавинами / Перемешалось, / Уж болгарами / Чёрными звалось... / Там «антыгами» / Анты уж стали, / После имя / «адыгов» приняли... / Патриарх то / Никифор узнал, / В Цареграде / Про нас написал: / «Вновь в Артану / Северы прибыли, / Ясов всех / И алан захватили.» (764) / Он «Артаной» / Задонщину звал. / Дон Танаисом ж / Он нарекал...

Раздел 557: ...На Дону / Кара-булгры селились, / Черно-булграми / Там окрестились. / Карачай и Болкар / Уж от них, / От северов / К Эльбрусу проник. / Кабарда там / С Черкесом не жили. / Карачай и Болкар / Там лишь были. (764-1427)

Раздел 565: Вдруг варяг / Святослав появился, / Саракел-град / Спалить изловчился. (965) / Тамутарху / Варяг захватил. / Град князь / Тьмутаракань заложил. / Чёрных с Дона / Булгар князь согнал, / На северов / Болгарских помчал. (970) / ...Булгры чёрные / В Киев ушли. / Там черкасами / Стали они. / На Донце, / На Осколе селились, / С севрюками там / Все породнились»... – / «Беренджер» – / Варачан так писался. / Берендейский народ / Там зачался. / От савар род, / От варов их шёл. / В Варачане том / Гуннский был стол. / Берендеи / Саварами слыли, / Все борускам / Собратьями были. / Перундеями / Их нарекали. / Все Перуна / Они почитали.

Раздел 567: ...Берендеи / Болгарам служили, / Коней в Истре / Болгарском поили, / Казаками, / Мамлюками были... / В Варачан они / Не возвратились, / В Кабарде / «Беренджер» расселились...

Раздел 568: Беренджеры / С мадырами жили. / Все к мадырам / На Дон уж отбыли. (880) / Град Маджар / В Кабарде их стоял. / Град мадырских / Купцов принимал... / Берендеи же / В Киев пришли. / Там черкасами / Стали они.

Вот такие исторические реалии. А есть еще и бытовые! Чего хотя бы стоит пассаж об одежде черкесов.

Раздел 593: «Князи-орки мундиром, / «фаше» щеголяют. / Все оргузы «фаше», / Тот мундир, почитают. / Честь мундира блюдут / Орки, держат фасон. / Наш «фасон» от «фаше» / Тех касогов рождён... / Те черкески уж орки / Же сорок веков / Чтут, приняв их от древних / суб-артских богов. / В тех черкесках в Суб-Арту / Хурриты служили, / В помощь хаттам, касситам, / Гиксосам ходили. (3000-1530)

Раздел 594: По весне каждый орк / Свой «фаше» обновляет, / Пред артелью узденей / В «фаше» щеголяет. / Те уздени дворянами / Орков слынут. / Все в дружине дружинники / Дружно живут... / Все уздени коня лишь / Да саблю имеют, / Саблей хлеб добывают, / Не жнут и не сеют... / Орк в мундире прекрасном / Их в битвы ведёт, / В красной яркой рубашке / Как роза цветёт! / Все уздени с восторгом / На орка взирают! / От восторга аж очи / Узденей сверкают!

Раздел 595: Коль уздень вдруг фасон / Тот похвалит, любя – / Орк рубашку тотчас же / Снимает с себя, / Узду дарит «фаше», / Кодекс чести храня! / Сам же снова черкеску / Орк шить начинает. / До того же орк старый / Фаше одевает... / Орки хуже узденей / Бывают одеты: / Быстро сшить невозможно / Черкески же эти...

Раздел 596: Но уздени хабзу, / Аретэ соблюдают, / Одеяния орков / Хвалить избегают, / Чтобы орк им рубашки / Свои не дарил, / Чтобы сам орк в рубашках / Атласных ходил... / Если орк всё ж рубашку / Дарить начинает: / Приглянувшись узденю та, / Орк замечает – / Вмиг уздень отвечает: / «Ты мне не дари, / Сам в черкеске своей ты / Прекрасной ходи», – / Щедрость орка так узд / Ограничивает, – /»У тебя же другого / Фаше ещё нет!»

Раздел 597: ...Дар принять целый час / Тот уздень не желает. / Наконец орк фаше свой / Узденю вручает. / Сам орк в старой черкеске / На битву летит – / Лишь оружие златом, / Рубином горит. / Лишь сапожки прекрасные / Маком сияют, / Золотые застёжки / Алмазом сверкают... / Эти красные только, Свои сапоги / И оружие орки / Дарить не вольны... / Все уздени чубы / Как и орки имеют. / Остальную же голову / Орки все бреют. / Гур Кансуху мамлюку / Они подражают, / В шароварах, чубах / Как Кансух все сияют.

Не правда ли, поразительное знание черкесских обычаев и традиций! Знание человеком, который по причине своих интересов и обязанностей практически не имел представления об адыгах.

На сайте Южно-Уральского государственного университета размещена достаточно подробная биография П. Г. Назарова. Она, написанная, без сомнения, самим автором, оставляет довольно странное впечатление. Впрочем, судите сами: «Родился в 1962 г. в Саймановой долине, в Сунгурских горах, у Старомедного поселка, севернее г. Карабаш Челябинской области. ...В детстве маленький Павлик никогда не играл с другими детьми и не безобразничал, но много читал или путешествовал по окрестным горам. В 1977 г. начал составление «Всемирной летописи всех стран и народов» и «Хроники правозащитного движения в СССР». В качестве источника – регулярно прослушивал около 20 зарубежных радиостанций, вещающих на русском языке. Делал ежедневные записи по каждой из 200 стран мира. К 1980 г. «Летопись...» насчитывала уже тысячу страниц».

Некая ирреальность, а если уж быть совсем откровенными – неадекватность ощущается при чтении этих строк даже несмотря на то, что они обрамлены реалиями советской действительности тех лет: школа, оконченная с золотой медалью, учеба в Челябинском госуниверситете, во время которой начал писать «Всеобщую летопись Древнего мира и Средних веков». Но трудовая деятельность в качестве лектора-международника в обществе «Знание» сменяется преподаванием балльных танцев в школе, далее учебой в аспирантуре МГУ, перестроечными событиями и непосредственным участием в них (был делегатом учредительного съезда Демократической платформы в КПСС, участвовал в защите Белого Дома от гэкэчепистов). Но, решив, что «все цели демократизации России достигнуты, ушел из политики на позиции ведической созерцательности».

Созерцательность эта тем не менее вылилась в защиту в 1991 году кандидатской диссертации, подготовку докторской («Российская артельность и промысловая кооперация (от древнерусской Арты

до 1960 г.), работу в Южно-Уральском госуниверситете старшим преподавателем, доцентом, старшим научным сотрудником, а с 2002 года, после переподготовки в Институте повышения квалификации работников высшей школы по специальности вэб-дизайн и интернет-технологии, методистом по современным информационным технологиям Центра гуманитарных и социально-экономических дисциплин ЮУрГУ. Потрясают финансовые фрагменты этих должностей: на четверть ставки методиста, на четверть ставки секретаря-машинистки...

Сведениями, которым уже более восьми лет, биография и заканчивается. Но на одном из сайтов мы нашли ее не очень радостное продолжение: «В самом начале Эры Водолея (считается, что эпоха Рыб закончилась в 2003 году – *авт.*) П. Г. Назаров был зверски замучен в системе карательной психиатрии КГБ СССР. Возможно, перед смертью он был освобождён и умер от голода или замёрз на улице, лишённый жилья, одежды и пищи. Накануне смерти П. Г. Назаров оставался в сознании, и успел переправить часть своих книг в Интернет. Рукописи его прочих 50 томов, возможно, до сих пор ещё хранятся где-то в мрачных казематах уральских психиатрических клиник, но представляют собой лишь планы поэтических творений, а не сами эти шедевры, ибо основная часть этих поэм хранилась в памяти П. Г. Назарова, а не на бумаге. Так же лишь планами-конспектами являются размещённые тут 11-23 книги П. Г. Назарова».

«Смерть» – так озаглавлен этот раздел биографии человека, который называл себя «блаженный юродивый старец Агартис». И как-будто верить сказанному надо, но верится с трудом. Уж очень много в данной трактовке эмоций при полном отсутствии фактов. А самое главное, остается неясным ответ на вопрос, что перед нами: грандиозная мистификация, бред душевнобольного человека или провидение, которое ему выпало донести нам. В этой связи напомним значение последнего термина: провидение – есть целесообразное действие Высшего Существа, направленное к наибольшему благу творения вообще, человека и человечества в особенности.

Мы склоняемся к последнему, ибо в творениях Павла Назарова – сумасшедшего на взгляд окружающих и юродивого (то есть мнимого безумца) по его собственному определению, есть нечто, что заставляет верить: его руками водили те, кто знает больше, чем мы, видит дальше, оценивает глубже. В силу того, что им открыто прошлое, то информационное поле, в котором собраны сведения о мире людей с его зарождения.

И в этом контексте нам кажется, что П. Г. Назарову был дан особый и редкий дар – общения с потусторонним миром посредством автоматического письма. Термин этот обозначает способность индивида писать осмысленные тексты вне сознательного контроля за этим процессом, причем не только в состоянии гипноза или транса. Ученые, изучавшие этот феномен, особенно в период увлечения спиритизмом, пришли к выводу, что «автоматическое

письмо» представляет собой возникший в особых состояниях сознания доступ к бессознательному. Таких фактов известно великое множество. Считается, что русская писательница В. И. Крыжановская (1861–1924) создала свои произведения (множество исторических и оккультных романов: «Два сфинкса», «Железный канцлер древнего Египта», «Сим победиши», «Геркуланум», «На соседней планете», «Адские чары», «В ином мире». «Дочь колдуна», «В царстве тьмы», «Мертвая петля» и др.) методом автоматического письма.

Мало кто знает, что британец Вальтер Скотт свои романы начал писать в пятидесятилетнем возрасте, причем создавал их с невероятной скоростью. Осталось свидетельство одного из современников, Уильяма Лейдло, который рассказывал, что «в его присутствии за неполных три часа были написаны без исправлений и помарок более сорока страниц убористого текста».

Сам Вальтер Скотт утверждал: «Порой мне кажется, что рука у меня пишет сама по себе, независимо от головы». А вот что писал доктор теологии Самуэль Никольсон в статье «Явленные шедевры»: «Нет сомнения, что наш великий соотечественник находился под постоянным влиянием какой-то светлой сущности, направлявшей его труды. Правы были современники, считавшие создание такого количества произведений физически невозможным. Лишь высочайший духовный порыв, не всегда осознаваемый самим творцом, позволил сделать это. Ему сопутствовала помощь каких-то высших сил, которые осуществляли особое предначертание».

Впрочем, зачем далеко ходить – феномен автоматического письма помогает творить и одному из жителей нашей республики, создавшему за последние годы целый цикл произведений по истории адыгов, вышедших (в силу его материальных возможностей) отдельными книгами. Мы видели написанные им собственноручно рукописи – солидные кипы листов, заполненных строчками сверху до низу без всякого намека на знаки препинания. Более того, провели своего рода эксперимент, когда в нашем присутствии означенный имярек мгновенно, опираясь на кодовые слова, создал афоризм, из него – стихотворение, а последнее воплотил в притчу. Готов был писать и дальше – произведения более крупных форм... (И, к слову, пишет, одно за другим.)

Кстати, кодовые слова были такими: колесо, время. А афоризм, родившийся на их основе, звучал так: прошлое – это ось, которое крутит колесо будущего. Оцените.

...Нам никогда не узнать, кто водил рукой Павла Назарова, восстанавливая перед ним вехи истории адыгов, как и то, сколько в этих хабарах правды, а сколько выдумки. Но сам факт, что в созданной им грандиозном (от себя добавим – непонятом современниками) труде о ведической Артерте народу этому посвящена целая книга, говорит о многом.

Великий шелковый путь проходил и по нашим ущельям?

Принято считать, что Епископия Кавказия, одно из подразделений Аланской епархии (о ней имеется упоминание в акте Константинопольской патриархии 1364 года), располагалась в районе селения Верхний Чегем, ныне Эль-Тюбю. Это предположение выдвинул известный ученый В. А. Кузнецов, писавший в своей работе «Христианство на Северном Кавказе до XV века»: «Само название «Кавказия» содержит в себе конкретно-географическую информацию о Кавказских горах. Я ... пришел к заключению, что наиболее вероятный вариант – отождествление Кавказской епископии с Верхним Чегемом в Балкарии, ибо здесь наблюдается концентрация христианских древностей. Первые сведения о них в 1826 г. сообщил кизлярский дворянин Алексей Тузов, побывавший в верховьях р. Чегем: он видел две каменные церкви, которые «во всякой целости, токмо без глав и стоят впусе», несколько фундаментов и стен бывших часовен с «иконным писанием» и греческие книги». И далее у него же читаем: «В Верхнем Чегеме сохранились остатки трех (есть сведения о четырех) церквей небольших (максимальная длина церкви 30 м, ширина 6 м)... Довольно обстоятельно древности Верхнего Чегема описали В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский, побывавшие здесь в 1883 году».

Действительно, работа означенных авторов «В горских обществах Кабарды» (1884) содержит подробное описание христианских памятников: «В версте от аула на одной площадке этой скалы остатки башни, построенной из местного камня на крепком цементе. Поднимаясь зигзагами вверх к башне, укрепленная каменными перильцами тропа ведет далее по краю горы карнизом на восток к горной пещере, вероятно служившей караульной. Внизу, у подножия той же горы, заметны следы других построек»...

И вывод: «Можно предположить, что наверху горы была некогда монастырская обитель»...

А вот заключение В. А. Кузнецова: «Это была самая удаленная и глухая епископия Аланской епархии, по тем временам почти недоступная. ...Очертить владения епископов Кавказии не представляется возможным. Думается, что предгорная равнина принадлежала в духовном отношении епископии Ахохии (о ней мы писали в материале «Епископия Ахохия». Газета Юга. 2011, №). Поэтому юрисдикция (или ее видимость) епископа Кавказии скорее всего могла ограничиваться горными ущельями Балкарии и частично Северной Осетии, особенно ее западной части – Дигорией».

Итак, как видите, в Верхнем Чегеме располагалась внушительная христианская миссия. Одно перечисление оставшихся от нее построек чего стоит: три или четыре церкви, несколько часовен, монастырская обитель... А теперь вспомним, где находится Верхний Чегем, как сюда добираться... И сегодня это селение считается одним из самых

отдаленных в Кабардино-Балкарии, более того, современная дорога, пробитая сюда, нуждается на ряде участков в постоянном контроле по причине частых оползней. Еще в начале XX века путь сюда из Нальчика занимал двое, а то и больше суток. А что говорить о прошлых столетиях!

Почему же для расположения Епископии Кавказии было выбрано столь отдаленное и скажем прямо не самое удобное место? Следовательно, помимо религиозной должна была присутствовать другая, не менее важная – функциональная составляющая. И могла ей быть только торговля, игравшая в те времена великую роль. Здесь надо вспомнить о Великом шелковом пути (ВШП) – средневековой караванной дороге из Китая через Среднюю Азию, Персию и далее по морю в Европу. Означенный термин – Великий шелковый путь – был введён в 1877 году немецким географом Рихтгофеном, а первый верблюжий караван с шёлком и бронзовыми зеркалами вышел из Китая в 121 году до н. э. Везли по этому пути вначале прежде всего главное платежное средство того времени – китайский шелк, столь востребованный Западной Европой, долгое время не знавшей секрета его производства. Везли также драгоценные камни, фаянсовые и фарфоровые изделия, разнообразные пряности, за которые европейцы расплачивались драгоценными металлами – золотом и серебром. Путешествие по Великому шелковому пути было и опасным (караваны грабили, купцов убивали) и длительным (от 260 дней до года и более). Впрочем, это особая тема разговора и написано о ней великое множество книг.

Но причем тут Кабардино-Балкария, спросит кто-то, ведь ВШП проходил совсем в стороне от нас? Здесь надо вспомнить, что, обратимся к Википедии, «в результате ирано-византийских войн VI–VII вв. по территории Северного Кавказа был проложен один из маршрутов Великого шёлкового пути. Это произошло из-за попытки персов блокировать торговые связи Византии путём обложения греческих купцов высокой пошлиной. В связи с этим караваны из Китая и Средней Азии пошли в обход державы Сасанидов. Они стали огигать Каспийское море не с юга, а с севера – двигаясь через Северный Прикаспий на Северный Кавказ. В связи с этим на Кавказе появились два ответвления Великого шёлкового пути – Мисимианский и Даринский».

О них известно из византийских источников и вели они к Черноморскому побережью. Первый, процитируем статью В. Кузьмина «Великий шелковый путь на Кавказе», «по Кубани (из Кисловодской котловины) на Клухорский и Марухский перевал и далее вниз по Кодору в Севастополис (Сухум) или на восток через Бедию и Мокву к морю»; второй – «на Санчарский перевал и далее вниз по Бзыби в Питиунт (Пицунда) и по Мзымте через Красную Поляну в Адлер».

И у него же читаем: «Император Юстиниан, распространивший религиозное и военно-политическое влияние своего государства от Африки до Кавказа, приложил все усилия для того, чтобы изменить

привычные маршруты караванов, идущих из Китая, и направить их к Понтийскому побережью (ныне Черноморскому) именно через горные перевалы Северного Кавказа, в обход Персии. Этот правитель хорошо понимал, что для обеспечения безопасности торговых караванов было жизненно необходимо заручиться поддержкой местного населения».

И здесь высказывается достаточно парадоксальная мысль – строительство храмов в горах надо связывать не столько с христианизацией этого самого местного населения, как с необходимостью обслуживания торговых путей. При таком взгляде действительно становится понятным и объяснимым почему на Северном Кавказе большинство архитектурных сооружений, предназначенных для совершения богослужений и религиозных обрядов, находятся высоко в горах, труднодоступны, а отсюда не могли быть активно посещаемы.

Об этом же писал знаменитый военный историк кавказских войн Василий Александрович Потто (1836–1911): «Иные храмы, напротив, теснятся к людным торговым путям, с глубокой древности прорезавшим черкесскую землю от Черного моря через ущелья Кавказских гор, к верховьям Кумы и Кубани. При этих храмах обыкновенно встречаются и развалины каменных зданий, называемых черкесами вообще «домами эллинов». Быть может, то были греческие монастырские подворья, с устроенными при них караван-сараями, так как в те стародавние времена распространение христианства шло об руку с развитием торговли, – и купец, и священник, каждый по-своему, служили общему делу веры и цивилизации».

А вот как эту мысль развивает В. Кузьмин: «...В отдаленные горные районы Северного Кавказа устремились христианские миссионеры... Поначалу монахи, прибыв туда, строили скиты и мало-помалу обживались, а как только жизнь входила в нужное русло, начинали возводить монастыри, к которым тянулись люди, коих в эпоху великого переселения народов было множество. Пришедшие странники оседали в этих местах и начинали помогать монахам в строительстве дорог и укреплений. Так вокруг монастырей возникали поселения, жителей которых христианские подвижники не только обращали в свою веру, но и учили различным ремеслам, лечили и просвещали.

Подобная деятельность церкви была на руку и караванщикам, остро нуждавшимся в опорных пунктах, надежно защищенных крепостными стенами. Здесь они могли сменить лошадей и охрану, нанять проводников, отремонтировать пришедшее в негодность за время пути снаряжение, переночевать в безопасности, переждать непогоду и получить надежную информацию о том, что или кто может их ожидать на следующих участках пути. ...Поскольку в горах не строили караван-сараяв и приют путники получали в монастырях, то «метками», по которым ученые восстанавливают караванные маршруты Великого шелкового пути, являются церковные постройки X–XV веков.

...Великий шелковый путь, пролежавший через Северный Кавказ, использовался купцами вплоть до 1453 года, так как после

легендарного падения Константинополя под натиском турок-османов торговля шелком замерла. Люди начали покидать эти места, храмы стали постепенно приходить в запустение, башни укрепленных комплексов превращались в жилища оставшихся жителей, а память об их строителях почти растворилась в толще времени».

Есть у цитируемого нами автора и такой пассаж: «Христианские храмы (монастырские) стали строить в Закавказье с VI века, синхронно в Армении, Грузии, Албании (нынешний Азербайджан и Южный Дагестан). Тогда же строятся храмы в Абхазии и на севере от неё в сопредельной Алании (в Карачае). В XII–XIII вв. храмы строятся в Осетии, Ингушетии и Дагестане. Нет и, вероятнее всего, не было храмов в Балкарии и Чечне».

Относительно Чечни спорить не будем, а о Балкарии, конкретно Верхнем Чегеме, мы уже сказали выше. Обилие возведенных здесь построек позволяет сделать вывод о том, что не все они носили культовый характер; скорее всего один из многочисленных фундаментов (не тот ли, длина которого составляла 30 метров?) остался от караван-сарая. Напомним, так называлось большое общественное строение на дорогах и в ненаселенных местах, служащее кровом и стоянкой для путешественников.

И тогда, если вывод В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского о том, что в Верхнем Чегеме находилась и монастырская обитель верен, то находит подтверждение и предположение того же В. Кузьмина, что именно «монахи прокладывали дороги, наводили переправы через реки, поддерживали их в рабочем состоянии». И его же резюме: «Купец и монах, олицетворявшие собой торговлю, религию и культуру, шли в горы «в одной связке». Именно они создавали в глухих и диких ущельях очаги цивилизации».

Попытаемся обобщить сказанное. Если наше умозаключение о том, что по Чегемскому ущелью и далее через перевал Твибер (3607 м), ведущий в Грузию, к Черному морю, проходило одно из ответвлений Великого шелкового пути, то становится объяснимым, почему Епископия Кавказия располагалась столь высоко в горах – здесь, в Верхнем Чегеме, самое удобное место для отдыха путников, которым предстояло труднейшее испытание – переход на другую сторону Главного Кавказского хребта.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что через нашу республику проходил еще один древний караванный путь – по Балкарскому, называемому ныне Черекским, ущелью. Именно по нему в 1651 году ехало в грузинскую Имеретию русское посольство. Возможно, и он имеет какое-то отношение к Великому шелковому пути...

**Жамал ЖАШУЕВ,
Валерий АШХОТОВ**
научные сотрудники КБНИИСХ

Инновационные технологии повышают продуктивность коров

Основными задачами в развитии животноводства республики являются обеспечение устойчивого продовольственного снабжения населения из расчета научно-обоснованных медицинских норм среднедушевого потребления молока 404 кг и мяса всех видов 83 кг. Исходя из этих данных, производство молока необходимо довести до 470 тыс. тонн, мяса до 74 тыс. тонн. В настоящее время производством этой продукции занимаются сельскохозяйственные предприятия, фермерские и личные подсобные хозяйства. Современный период развития животноводства характеризуется последовательным переходом на интенсивные технологии производства молока и мяса. Они требуют принципиально новых решений использования растительных кормовых ресурсов горной и степной зон интенсивными породами скота для производства молока и мяса. Отечественный и мировой опыт показывают, что при интенсивных методах производства молока, нагула и откорма животных и переработки их продукции хозяйства разных форм собственности могут работать прибыльно. Такие примеры имеются и в развитии животноводства Кабардино-Балкарии, но полученное превышение молочной продуктивности, таким образом, не отвечало потребностям населения. Жизнь не стоит на месте, и конкурентная рыночная борьба ведет к поиску новых методов повышения молочной продуктивности и снижения затрат на производство, самое главное в этом деле – чтобы затраты были меньше стоимости продукции. С повышением жизненного уровня населения спрос на высококачественные продукты животного происхождения будет, безусловно, расти.

За последние годы в системе селекционно-племенной работы широкое использование получило скрещивание коров разных пород с быками голштинской красно-пестрой и черно-пестрой пород. Улучшение животных красной степной породы, плановой для нашей республики, проходило в несколько этапов: в 60-х и 70-х использовались быки красной датской, эстонской и англеской пород. Эти породы повысили мясную и молочную продуктивность, улучшили экстерьер, конституцию, форму вымени и сосков, скорость молокоотдачи. Однако в массиве всего поголовья улучшающий эффект не удовлетворял потребности производства. Мы далеки от мнения, что улучшенный красный степной скот исчерпал свои продуктивные возможности. От коров красной степной породы с разной долей «крови» улучшающих быков, в хозяйствах с удовлетворительной кормовой базой, удои достигали 3,5-4,5 тыс.

кг молока жирностью 3,7-3,9%, но в целом в хозяйствах степной зоны республики превышение было на уровне 150-200 кг молока, содержание жира 0,15-0,18 %, белка 0,05-0,1 %.

Современный период совершенствования улучшенного красного скота, да и других животных молочного направления продуктивности, характеризуется широким использованием семени самых высокопродуктивных голштинской и черно-пестрой пород. Изучение влияния разных долей «крови», улучшающей красно-пеструю породу, на основные хозяйственно-полезные признаки коров красной степной породы молочных стад ООО «Восход» Прохладненского и СПК «Красная Нива» Майского района, при разных уровнях кормления коров, показало, что при повышенном уровне кормления с расходом 5-5,5 тыс. кормовых единиц («Восход») основные хозяйственно-полезные признаки были в пользу коров с долей «крови» от 25 до 75%. При расходе на 1 корову в год от 3,0 до 3,5 тыс. кормовых единиц (Красная Нива) достоверный улучшающий эффект был отмечен только у коров с содержанием до 25% «крови» голштинской породы. Хозяйствам всех форм собственности, занимающимся разведением молочного скота интенсивных молочных пород, опыт многих исследований, проведенных сотрудниками КБНИИСХ в разных хозяйствах показал, что в первую очередь надо позаботиться о создании устойчивой кормовой базы, прежде чем завести импортный скот. Экономически эффективнее, для таких хозяйств, на плановых породах использовать семя голштинских и черно-пестрых быков – для создания молочных стад с удоем 4,5-5,0 кг молока.

Во многих регионах России с использованием голштинской и черно-пестрой пород созданы высокопродуктивные стада и породные типы молочного скота. Эта порода хорошо приспосабливается к разным природно-климатическим условиям, но она высокотребовательна к условиям сбалансированного кормления коров и выращивания ремонтных телок. С учетом этих требований специалисты с 2006 года на ферме крупного рогатого скота «Риал-Агро», как в других хозяйствах степной зоны района, на улучшенных коровах красной степной породы в качестве улучшающей стали использовать семя голштинских быков. На старой ферме хозяйства выращенные ремонтные телки в отдельные возрастные периоды отставали от требований породы. Такие животные после отела не отличались высокой продуктивностью, удой их в среднем за первые 90 дней составлял 13-15 кг, а удои за 305 дней были на уровне 2800-3100+121 кг. Два года тому назад хозяйство приступило к освоению молочного комплекса на 600 коров с беспривязной системой содержания и круглогодовым, однотипным кормлением всего поголовья. Специалисты хозяйства и научные сотрудники вели наблюдения за изменениями молочной продуктивности, способностью к раздоеу первотелок, воспроизводством, содержанием основных компонентов

молока, ростом и развитием ремонтных телок. Результатов наших наблюдений долго ждать не пришлось.

По истечении короткого времени на примере молочного комплекса «Риал-Агро» мы убедились, что однотипное кормление коров повышает молочную продуктивность не только полукровок красной степной, но и высококровных помесей с голштинами. Освоение современных технологий, особенно в животноводстве, достигается с большими трудностями. Руководство и специалисты в период освоения потеряли много времени, сил и нервов, пока достигли намеченной цели. Инновационные технологии охватили все стороны производства молока: подготовку всех видов кормов, измельчение, смешивание, раздачу, содержание и доение, охлаждение молока для повышения его качества и компьютерный учет хозяйственно-полезных признаков. В этот период животные испытывали сильный стресс. Это заметным образом сказалось на их продуктивности: удои не росли, упитанность коров снижалась, приросты молодняка составляли не более 380-400 г, животные редко приходили в охоту. В течение 45-60 дней животные постепенно стали привыкать к хорошим условиям кормления, ухода и содержания. Жизнь на молочном комплексе нормализовалась, медленно, но уверенно росли удои, приросты животных, чаще приходили в охоту коровы, хорошо осеменялись, перегулы сократились до минимума. Начальник комплекса Кузьменко Ю. А. хорошо усвоил народную поговорку, что молоко у коровы на «языке». Он со знанием дела подбирает из имеющихся в хозяйстве кормов и квалифицированно составляет сбалансированные рационы с учетом их экономичности, питательной и минеральной ценности. В основу таких рационов положены удои, содержание жира и белка молока, возраст лактации, упитанность и живая масса. Такой подход к кормлению коров позволяет длительное время не снижать молочную продуктивность, а коров на раздое наращивать удои. Рационы на раздой составляются не только авансированные на удои, но дополнительно по 2,0 кормовые единицы на рост и развитие молодых коров. Пока не удается довести отношение сахара к перевариваемому протеину до оптимальных нормативов, но принимаются меры по нормализации потребностей коров и молодняка в сахаре. Ведь корова с удоем 5000 кг. молока выводит из организма с молоком 240 кг. молочного сахара. Измельченные, сдобренные, смешанные кормосмеси поедаются животными охотно, без остатка. Об этом свидетельствует рост удоев по сравнению с соседними хозяйствами, которые разводят животных той же породы, кровности и лактации. В эти зимние месяцы средний удои по комплексу «Риал-Агро» составляет 16-18,0 л., тогда как в соседних хозяйствах – 9-11 кг. Расход кормовых единиц на 1 кг. молока жирностью 3,9% составил 1,1, у соседей – 1,4-1,5. Себестоимость 1 кормовой единицы составила 4,1 при плане 5,04 руб., у соседей – 6,0-6,7. руб. По данным экономической службы хозяйства расход на 1 центнер молока составил 1166 руб., при плане 1270 руб.,

реализационная цена 1 кг молока с учетом фактической жирности составила 17,3 рубля.

Умелое кормление позволило помесям первого поколения интенсивно реализовать свой генетический потенциал продуктивности. По данным опытного зоотехника-менеджера по управлению стадом Оносова П. В., улучшенные родственными породами коровы красной степной породы на первых месяцах после отела имели максимальные удои 15-20 л, в новых условиях кормления полновозрастные – до 25 л. с содержанием жира 3,6-3,8%. Возросла приспособленность коров к машинному доению, скорость молокоотдачи повысилась на 0,8-0,9 кг/мин. и составила 1,8-2,1 л/мин. У 155 помесей 1-го поколения, полученных от использования красно-пестрых голштинов, удои коров были выше сверстниц. Так, продуктивность первотелок составила 18-26, 2-ой лактации 20-30, а у полновозрастных от 23 до 32 л. В настоящее время на молочном комплексе содержится 550 коров, из них полученных от собственного воспроизводства – 77, полукровок, полученных от голштинских быков, – 155 голов, помесей второго поколения – 137, а с кровностью 3/4 – 180 голов. Предварительный анализ стада по молочной продуктивности за зимний период, показал, что у 224 коров при 3-х разовом доении удои составили от 20,3 до 21,5 л., а у 77 коров последней трети лактации – 8,5 л., а 41 первотелка на раздое при 3-х кратном доении довела удой уже в среднем до 17,7 л. У 487 коров средний удой в феврале составил от 18 до 21,1 л. Однотипное кормление коров кормосмесями из силоса, сена, сенажа и концентратов препятствует сильным колебаниям продуктивности, зависящим от капризов погоды. Молочная продуктивность по стаду за прошлый год составила 4984 кг молока с содержанием жира 3,9%, а в переводе на 3,4% 5717 кг, белка 3,3%, т. е. больше уровня прошлого года на 36%. Выход телят на 100 коров составил 99, а по республике – 80, сервис-период – 88 и 128 дней соответственно. Молочная продуктивность у первотелок красной степной породы была 15-20, полновозрастных – до 25 л. Наивысшие суточные удои молока у полукровок по голштинской породе составили по лактациям: по 1-ой – 18-26 л, 2-ой – 20-30 л., 3-ей – 23-32 л. Рекордные суточные удои имели 11 коров, продуктивность которых колебалась от 32,6 Палуба 176, до 40,8 у Элены 327 по 2-ой лактации. Продуктивность 3/4 по голштинской породе, завезенных из Краснодарского края, составила по лактациям: 1-ой до 29, 2-ой до 40 л. Лучшими в этой группе были 12 коров 2-ой лактации, продуктивность которых составила от 30,1 до 39,4 л. Есть корова с суточным удоем 45 л. Отрадно отметить, что стольких коров с рекордными удоями, в стойловый период, с хорошим содержанием жира и белка в молоке, за последние 15-20 лет в республике не было. Большинство коров стада с разной породностью и лактацией в основном по удоям и молочному жиру отвечают требованиям стандарта породы. Специалисты хозяйства и научные сотрудники

на примере этого комплекса убедились, что при однотипном кормлении коров в течение всего года, повышение кровности красной степной породы как с родственными, так и с голштинской породой сопровождаются повышением молочной продуктивности. В период прессинга рыночной экономики к продуктивности коров и экономической эффективности производства и качеству молока предъявляются большие требования, т. е. их производство должно быть рентабельным. При производстве животноводческой продукции основные затраты приходятся на корма. Раннее приучение животных к поеданию качественных кормов собственного производства позволит снизить себестоимость кормовой единицы и молока. Современному животноводству нужны ремонтные телки, интенсивно растущие, достигающие живой массы к возрасту 16 мес. не менее 380-400 кг, а в последующем способные питательные вещества рациона максимально конверсировать на молоко и мясо.

С возрастанием кровности ремонтных телок по голштинской породе требования к живой массе будут повышаться. Специалисты молочного комплекса и научные сотрудники КБНИИСХ направление селекционно-племенной работы увязывают с современными технологическими требованиями. Важно учитывать приспособленность животных к условиям промышленных технологий: крепость конечностей и копыт, конституции, резистентность к заболеваниям молочной железы и инфекционным. Не желательны при беспривязном содержании коровы пугливые, боязливые, бодливые и агрессивные, от них лучше избавляться. Принятая технология повышения генетического потенциала маточного поголовья комплекса с использованием семени проверенных по качеству потомства голштинских быков даст полнейшую возможность сочетать в помесном поголовье обильную жирномолочность, желательную форму вымени, сосков, хорошую отдачу молока и соотношение передних и задних долей вымени, крепость конституции. Эти животные хорошо приспособлены к содержанию без привязи и доения высокопроизводительными доильными установками. В системе воспроизводства впервые используется сексированное семя для заказного осеменения, которое повысит выход телочек от высокопродуктивных коров, и повысится реальная возможность более результативного отбора.

В номере:

<i>День памяти адыгов. Выступление президента МЧА Сохрокова Х. Х.</i>	3
<i>Елена Стельмах. Иди в дорогу – встретишь друга.</i>	
У памяти нет прошедшего времени. <i>Очерки</i>	6
<i>Михаил Поздняков. Стихи</i>	17
<i>Гурам Амкуаб. Общемировоззренческие конструкты коммуникации</i>	
и алгоритмы современных СМИ. <i>Статья</i>	18
<i>Саладин Жилетежев. Испытание мужеством. Главы из повести</i>	27
<i>Ахмед Мизов. Две вареные картофелины. Рассказ</i>	43
<i>Саимат Берзек-Кумехова. Тайна серебряного пояса. Рассказ</i>	56
<i>Юбилейные даты</i>	69
<i>Аслан Мамхегов. Папаха президента. Очерк</i>	72
<i>Валерий Ревелис. «Собака лает, а караван идет». Очерк</i>	82
<i>Хаджимурат Шебзухов. Стихи</i>	87
<i>Алий Кульбаев. Отец и сыновья. Очерк</i>	91
<i>Геннадий Коммодов. Две половины жизни Лизы. Очерк</i>	96
<i>Елена Губашицева. Энергия Мнемозины. Статья</i>	101
<i>Оюс Айшаев. Талант великого ученого. Очерк</i>	105
<i>Зульфия Айшаева. Стихи</i>	111
<i>Владимир Захаров. О портрете М. Ю. Лермонтова, приписываемом</i>	
Ф. О. Будкину. <i>Статья</i>	115
<i>Римма Герасимова. Певцы мужества и братства. Очерк</i>	131
<i>Петр Иванов. Двадцатилетие кабардино-балкарской фундаментальной</i>	
науки: нам есть чем гордиться. <i>Статья</i>	134
<i>Людмила Маремкулова. Шафранная гармония Абдурахмана</i>	
Занибекова. <i>Статья</i>	142
<i>Светлана Моттаева. Сафарби Бейтуганов. Историк, архивист,</i>	
писатель, философ. <i>Очерк</i>	146
<i>Жаухар Анпаева. Поднявшийся над бездной. Статья</i>	149
<i>Хаути Кумыков. Танцевал под гармошку Индриса. Очерк</i>	152
<i>Фатима Дударова. «А я ни дня не проживу без боли». Очерк</i>	155
<i>Ольга Аношина. Стихи</i>	156
<i>Александр Макушин. Основные принципы и подходы к производству</i>	
новостных форматов в условиях медиаконвенгенции. <i>Статья</i>	159
<i>Хазеша Таов, Фатима Мурзаканова. Некоторые особенности кабардино-</i>	
черкесской орфографии. <i>Статья</i>	166
<i>Хазеша Бецуков, Анзор Бецуков. Саморазвитие материи – механизм</i>	
эволюционизма и функция мироздания. <i>Статья</i>	168
<i>Лана Лозе. Спорт сильных и мужественных. Очерк</i>	173
<i>Мария Котлярова, Виктор Котляров. Потусторонняя история. Статья</i>	175
<i>Жамал Жашуев, Валерий Аишхотов. Инновационные технологии повышают</i>	
продуктивность коров. <i>Статья</i>	186

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
Управление Роскомнадзора по КБР
ПИ № ТУ 07-00037 от 12.10.11 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: Л. М. Батитова

Подписано в печать 29.05.13. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.

Тираж 2000 экз. Заказ № 86 . Свободная цена

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ООО «Тетраграф».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Материалы для журнала принимаются на электронных носителях.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Авторы, не имеющие возможность или не желающие по каким-либо причинам получить авторское вознаграждение, должны прислать письменное, или в электронном варианте, заявление об отказе, со своей подписью и датой.